АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

ГОРЕСТНЫЯ ЗАМѢТЫ

ОЧЕРКИ КРАСНАГО ПЕТРОГРАДА



ИЗДАТЕЛЬСТВО »ГРАНИ«

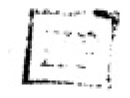
БЕРЛИНЪ 1922

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

ГОРЕСТНЫЯ ЗАМѢТЫ

ОЧЕРКИ КРАСНАГО
ПЕТРОГРАДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО »ГРАНИ«
БЕРЛИНЪ 1922



ОТЪ АВТОРА

Въ эту книжку включены статьи, написанныя мною въ Финляндіи въ первый мѣсяцъ послѣ моего бѣгства (23 августа 1921 г.) изъ совѣтскаго Петрограда, — значитъ, съ совсѣмъ еще свѣжими ранами измученной и оскорбленной души. Въ этой непосредственности впечатлѣній я полагаю нѣкоторое достоинство моихъ «Горестныхъ замѣтъ», ею же, конечно, опредѣлятся и ихъ возможные недостатки. Читатель легко замѣтитъ, что я очень старался выдерживать объективный тонъ и «сердца горестныя замѣты» умѣрять «ума холодными наблюденіями». Если это не всюду мнѣ удалось, вина въ томъ не моя, но чудовищныхъ явленій и событій, на которыя я откликаюсь. За одно смѣю поручиться: ошибки у меня встрѣтиться могутъ; въ заблужденіе введенъ быть могу, хотя излишнею довѣрчивостью не страдаю и чужія сообщенія имѣю обыкновеніе, поскольку то возможно, провѣрять; но сознательной неправды я, какъ не написалъ ни разу за почти сорокъ лѣтъ литературной работы, такъ и теперь не напишу.

Финляндскія статьи дополнены «Повѣстью о великой разрухѣ». Этотъ рядъ очерковъ разработанъ мною съ большею подробностью изъ публичной лекціи, прочитанной въ Прагѣ и, въ свое время, нашедшей довольно громкій откликъ въ русской зарубежной печати, равно какъ въ чешской и балканской. «Повѣсть о великой

разрухѣ» уже дважды вышла на чешскомъ языкѣ (въ газетѣ „Narodni Listy" и отдѣльнымъ изданіемъ, въ переводѣ др. Червинки), выходитъ на итальянскомъ.

О фактическомъ содержаніи «Повѣсти» могу лишь повторить вышесказанное о «Горестныхъ Замѣтахъ». Объ ея надеждахъ . . . Увы! много оптимизма во мнѣ умерло за девять мѣсяцевъ, отдѣляющихъ меня отъ ея написанія, много пессимизма народилось. Ни единой мечты своей не беру обратно, но иныхъ пылкихъ упованій тогдашнихъ теперь не высказалъ бы. Не потому, чтобы считалъ упраздненными и болѣе ненужными ихъ цѣли: о, напротивъ! онѣ болѣе, чѣмъ когда либо, священны и необходимы! Но . . .

Что и *желать*, когда *нечѣмъ* помочь!

Въ прошломъ году мнѣ, только что прибывшему изъ Россіи, еще много-много силъ казались реальными, дѣйственными, спасительными, нуждающимися въ объединеніи и серьезно его желающими, чтобы вырвать Россію изъ ужасныхъ тисковъ ея безпримѣрнаго исторически изуродованія. Сейчасъ, по приглядкѣ ко всему, что для того дѣлалось, дѣлается да, кажется, и будетъ дѣлаться, я скажу съ откровенностью, что, помышляя о судьбахъ любезнаго отечества, нахожу слабое утѣшеніе единственно въ старой русской вѣрѣ, что «Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Но — не выдастъ или выдастъ Богъ, того мы, по неисповѣдимости путей Его, не знаемъ, а свинья, между тѣмъ, ѣстъ да ѣстъ. И поросятъ плодитъ. И даже, того хуже, имѣетъ право хвастать, что многіе изъ недавнихъ человѣкоподобныхъ нынѣ умильно просятся и опредѣляются къ ней въ поросята, — конечно, съ припускомъ ихъ къ свиному кормовому корыту . . .

Тѣмъ не менѣе, оставляю pia desideria «Повѣсти» безъ измѣненія. Пусть они сохранятся «человѣческимъ документовъ» — памятникомъ нашей идеалистической вѣры въ возможность единства русскихъ зарубежныхъ силъ для спасенія и возрожденія Руси предъ-рубежной. Вѣры, съ которою въ сердцѣ мы, русскіе интеллигенты, свободолюбцы и патріоты, прорывались, со смертнымъ рискомъ, сквозь кордоны большевиковъ въ Европу, въ чаяніи найти здѣсь силы и средство къ помощи отечеству, задавленному и истерзанному лжекоммунистическимъ деспотизмомъ пуще, чѣмъ давилъ и терзалъ его даже деспотизмъ царскій. Вѣры, покуда, обманывающей и разочаровывающей насъ на каждомъ шагу въ практическихъ *возможностяхъ* своихъ достиженій, но непоколебимо твердой въ убѣжденномъ сознаніи ихъ *необходимости. И — пусть, въ жалкихъ нашихъ условіяхъ,* необходимость, — какъ увѣрены враги, а за ними твердятъ усталые, отсталые, зыбкіе и равнодушные, — можетъ осуществиться только *чудомъ*. Кровавые пары всеобщаго страданія накопили тучу, чреватую этимъ чудомъ. Она виситъ одинаково грозно и надъ Россіей, и надъ Европой. И молнія спасительнаго чуда, можетъ быть, уже созрѣла тамъ, гдѣ мы ея не подозрѣваемъ, чтобы блеснуть со стороны, откуда не ожидаемъ . . .

Скажутъ:

— Ну, да, — это, значитъ, опять въ кредитъ Богу, что не выдастъ? Да, но согласитесь, что и въ дебетъ свиньѣ!

Александръ Амфитеатровъ.

Levanto, 14. VIII. 1922.

I

ВЫМИРАЮЩІЙ ПЕТРОГРАДЪ

Теріоки. Карантинъ. 4. IX. 1921.

Предъ вами человѣкъ, проведшій безвыѣздно четыре года въ совѣтскомъ Петроградѣ. За этотъ почтенный срокъ я выпилъ полную чашу сладостей его быта. Трижды арестованный, основательно позналъ прелести узилищъ Чрезвычайки, а, въ послѣдній разъ, во время Кронштадтскаго возстанія, имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ, вмѣстѣ со мною, познаютъ ихъ, ни за что, ни про что, моя жена и старшій сынъ, юноша, музыкантъ-композиторъ, никогда и не думавшій о какой либо политикѣ. Потерявъ счетъ обыскамъ, я жилъ подъ разнообразною слѣжкою уличнаго и домашняго шпіонажа, былъ обязанъ подпискою о невыѣздѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ состоялъ подъ запретомъ какихъ бы то ни было публичныхъ выступленій, и, наконецъ, теперь лишь счастливымъ, почти чудеснымъ случаемъ, выскочилъ изъ этой «злой ямы» наканунѣ новаго ареста, по всей вѣроятности горчайшаго прежнихъ. Потому что, въ послѣднее время, вокругъ меня опять стало замѣтно сжиматься какъ бы нѣкое желѣзное кольцо. Брали одного за другимъ моихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ даже

такихъ, на которыхъ не могла падать хотя бы слабая тѣнь политическаго подозрѣнія, за исключеніемъ ихъ дружеской близости ко мнѣ. Зловѣщій признакъ былъ слишкомъ выразителенъ, чтобы не поторопиться давно задуманнымъ и желаннымъ исчезновеніемъ. — И вотъ, послѣ нѣкоторыхъ неожиданныхъ и довольно таки отчаянныхъ приключеній, я здѣсь, едва вѣря въ свою воскресшую свободу, подъ доброю защитою вольнолюбиваго и крѣпколапаго Финскаго Льва.

Отъ человѣка, прошедшаго такія мытарства, вы въ правѣ ожидать очень мрачныхъ разсказовъ, угрюмыхъ ламентацій, рѣзкихъ выкриковъ мстительной сенсаціи. Боюсь, однако, что я обману ваши ожиданія. Поскольку мы въ Петроградѣ могли слѣдить за русскою зарубежною печатью, на недостатокъ обличительной сенсаціи она жаловаться не можетъ. Напротивъ, можетъ быть, ея черезчуръ много. Признаюсь, что иногда ея изобиліе наводило на насъ, петроградскихъ плѣнниковъ, нѣкоторое уныніе и досаду. Усердно бросаемые ею на полотно эффектные мазки и пятна одиночныхъ ужасовъ, исключительныхъ безобразій, какъ бы отстраняли на задній планъ картины общій ужасъ, общее безобразіе нашей невозможной жизни: все это позорное мелочное рабство закабаленныхъ массъ, отвратительное однообразіе и чисто тюремная послѣдовательность котораго уничтожали населеніе столицы гораздо скорѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ самые буйные отдѣльные эксцессы власти и коммунистическаго быта, привлекавшіе вниманіе зарубежной печати. Эксцессы кабалы пожирали единицы, десятки, сотни, — допустимъ, иной разъ даже тысячи жертвъ, а постоянное мелочное существо ея пожрало милліоны . . .

Какъ то очень мало обращается вниманія на тотъ, казалось бы, слишкомъ наглядный и выразительный массовый фактъ, что Петроградъ, обладавшій еще въ 1917 году 2½-милліоннымъ населеніемъ, теперь, въ 1921 году, насчитываетъ, даже по совѣтскому исчисленію, едва 700.000 жителей, включая гарнизонъ. Въ дѣйствительности же, населеніе колеблется между 500—600.000. Опустошеніе, исторически безпримѣрное съ древнѣйшихъ временъ, когда Навуходоносоры и Салманасары перегоняли завоеванные народы изъ царства въ царство гуртами, какъ нѣкую двуногую скотину. Но вѣдь Петрограда никто не завоевывалъ и жителей изъ него никто не уводилъ; напротивъ, ихъ всѣми правдами и неправдами старались прикрѣпить къ мѣсту, они потеряли счетъ закабаляющимъ регистраціямъ, надъ ними висѣлъ неусыпно бдительный и безпощадный терроръ запрещающихъ удаленіе мѣръ, заградительныхъ отрядовъ и т. п. И, тѣмъ не менѣе, въ три года невѣдомо куда расточились три четверти населенія! Даже классическій примѣръ обезлюдѣнія древняго Рима на зарѣ Среднихъ вѣковъ, подъ бѣшенымъ прибоемъ Великаго Переселенія народовъ, блѣднѣетъ предъ темпомъ этого запустѣнія. Что же, эти исчезнувшіе два милліона петроградцевъ вымерли, что ли? Да, смертность была значительная, даже чудовищная, но процентъ ея, все-таки, ничтоженъ въ сравненіи съ процентомъ разброда. «А людишки твои, государь, въ разбродъ пошли», жаловались царю Михаилу Феодоровичу окраинные люди расшатаннаго Смутнымъ временемъ Московскаго царства. Къ невѣнчанному государю Совдепіи, Владиміру Ильичу Ленину Ульянову, эту жалобу могли бы обра-

тить уже не только окраины, гдѣ разбродъ сейчасъ, подъ давленіемъ голода, принялъ размѣры стихійные, баснословные, многомилліонные, но и правящіе центры. Нельзя сказать, чтобы счастливый результатъ четырехлѣтняго государствованія! Недавно одинъ видный большевикъ очень серьезно хвалился предо мною оздоровленіемъ Петрограда подъ совѣтскою властью, указывая, что вотъ — лѣто въ немъ протекло сравнительно благополучно, холера, тифъ и т. п. обычные гости столицы не проявили особенно угрожающаго аппетита и т. д. Я не только вполнѣ согласился съ этимъ самодовольнымъ администраторомъ, но даже подкрѣпилъ его восторги замѣчаніемъ, что не удивлюсь, если Петроградъ въ непродолжительномъ времени превратится въ климатическую станцію. Для этого надо лишь, чтобы дѣло разброда продолжалось тѣмъ же темпомъ. Ясно, что, когда на площади, которую недавно обитало 2½ милліона жителей, а теперь обитаетъ 600.000, останется только 60.000, то воздухъ Петрограда будетъ столько же чистъ и цѣлебенъ, какъ здѣсь въ Теріокахъ, а Нева возвратитъ себѣ почти ту же кристаллическую ясность, какъ во времена оны, когда «на берегу пустынныхъ волнъ стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ, и вдаль глядѣлъ». Да! Глядѣть то глядѣлъ, но, чтобы изъ великихъ думъ Его, въ отдаленномъ потомствѣ, выросло зиновьевское удѣльное княжество, — этого ошеломляющаго результата Онъ, конечно, не предвидѣлъ. А то, пожалуй, и отъ великихъ думъ отказался бы и своего любезнаго «Парадиза», Санктъ-Питербурха строить бы не рѣшился.

Мало обращаютъ вниманія и на то обстоятельство, что въ «красномъ Петроградѣ», столь часто и громо-

гласно прославляемомъ въ качествѣ истиннаго центра, стержня и оплота Совѣтской Рабоче-Крестьянской Республики, почти совершенно не стало рабочихъ. Здѣсь процентъ обезлюдѣнія еще разительнѣе, чѣмъ въ общей обывательской массѣ. До революціи число рабочихъ въ Петроградѣ восходило до 400—450.000. Сейчасъ оно, по показаніямъ самой же совѣтской печати, спустилось до весьма малыхъ десятковъ, между 20 и 30 тысячами. А люди, свѣдущіе и къ заводской промышленности причастные, увѣряютъ, будто и того не будетъ, и настоящихъ заводскихъ рабочихъ въ «красномъ Питерѣ» наберется врядъ ли болѣе 10—12 тысячъ. Допускаю, что эта цифра полемически преуменьшена естественнымъ озлобленіемъ и отчаяніемъ людей, наблюдающихъ изо дня въ день, какъ безпомощно разрушаются и гибнутъ напрасною смертью созданныя ими производства. Но, во всякомъ случаѣ, десятки остаются десятками, и фактъ несомнѣненъ: если все населеніе Петрограда убавилось на 70—75 проц., то рабочая его часть сократилась несравненно больше всѣхъ остальныхъ и уменьшилась въ десять, если не въ двадцать разъ, а, можетъ быть, и во всѣ сорокъ. Главною причиною этой убыли большевики, обыкновенно, выставляютъ зачисленіе рабочихъ въ красную армію и массовую гибель ихъ въ бояхъ гражданской войны. Не спорю, что безсмысленное обращеніе рабочихъ рукъ въ пушечное мясо имѣло здѣсь, дѣйствительно, не малое значеніе. Однако, имѣя постоянныя и частыя, очень дружескія сношенія съ рабочею средою Василеостровскаго района, я убѣдился, что трауръ войны въ рабочихъ семьяхъ Петрограда далеко не такъ частъ, какъ любитъ декламировать красная пе-

чать, и основною причиною стремительнаго таянія рабочей среды приходится обозначить опять таки не боевую убыль, ни даже общую, весьма значительную смертность, но неудержимую тягу къ разброду. Противъ нея оказываются одинаково безсильными и заградительный терроръ Ч. К., и, не знающая границъ въ низкопоклонной демагогіи, лесть агентовъ-пропагандистовъ, съ пресловутымъ тов. Анцеловичемъ во главѣ.

Послѣдній почитается, и не напрасно, главнымъ спеціалистомъ по обработкѣ рабочихъ массъ. Въ эпоху рабочаго движенія предъ Кронштадтскимъ возстаніемъ, я дважды слушалъ г. Анцеловича и долженъ отдать ему справедливость: мастеръ своего дѣла. Говорятъ, будто, не въ примѣръ другимъ, стоящимъ у власти, большевикамъ, а, въ особенности, чекистамъ и компродцамъ, которые сплошь развратились въ спекуляціи, воровствѣ и безотказно прихотной и роскошной жизни, г. Анцеловичъ — истинно спартанскій образецъ коммунистическихъ добродѣтелей. Ходитъ легенда, будто онъ даже собственнаго престарѣлаго родителя арестовалъ, когда тотъ, въ расчетѣ на покровительство власть имущаго сына, пустился на какую то спекулятивную аферу. Я лично, въ единственной бесѣдѣ, которую случайно имѣлъ съ г. Анцеловичемъ, на похоронахъ покойнаго друга моего, Г. А. Лопатина, слышалъ отъ него рѣшительный афоризмъ, что человѣку не должно принадлежать въ частную собственность даже платье на его плечахъ. Словомъ, это фанатикъ коммунизма, повидимому, искренній, но тѣмъ усерднѣе воинствующій и тѣмъ болѣе неразборчивый въ средствахъ

войны. Его завлекательную тактику съ рабочими легче всего характеризовать извѣстными стихами Некрасова:

Цинизмъ твой доходитъ до граціи!
Есть геройство въ безстыдствѣ твоемъ!

Потому что, въ самомъ же дѣлѣ, это «герой»! Герой безгранично широкой лжи, ослѣпительно щедрыхъ посуловъ и клятвенныхъ завѣреній, никогда не исполняемыхъ, но, тѣмъ не менѣе, все еще дѣйственныхъ. И не только герой, но даже мученикъ. Сколько разъ этотъ человѣкъ битъ товарищами-рабочими, по истинѣ, неисчислимо. Били его ледяными сосульками, били ведромъ по головѣ, — совсѣмъ какъ купчиху у Островскаго: «ты спроси меня, чѣмъ я не бита; скалкой бита, полѣномъ бита, о печку бита, только печкой не бита». Въ бурные февральскіе дни я слышалъ его на Трубочномъ заводѣ, подающимъ изъ осипшаго, надорваннаго горла хриплыя реплики реву озлобленной голодной толпы, въ которомъ слова «жуликъ смольненскій», «надувало морской», звучали еще сравнительно мягкими аттестаціями. Его побили, отняли у него автомобиль, погнали его пинками по Большому проспекту, улюлюкая и тюкая, какъ на зайца. Онъ удиралъ блѣднѣе смерти, но—говорилъ! И—обѣщалъ, обѣщалъ, обѣщалъ, лгалъ, лгалъ, лгалъ!.. И на завтра, отряхнувшись, какъ пудель послѣ трепки, явился, будто ни въ чемъ не бывалъ, на ту же трибуну — и добился таки своего: надулъ и уговорилъ! Обманутые безконечнымъ словоизверженіемъ и словоизлитіемъ, голодные и босые люди еще разъ продали свою рѣшающую волю за соблазнительный призракъ лишняго полуфунта хлѣба и приманку новыхъ сапоговъ, которые, конечно, не замедлили оказаться въ смятку. То есть громадное большинство не

получило ихъ вовсе, а незначительное меньшинство — по старинной системѣ «Грегеръ, Горвицъ, Коганъ и Ко»: изъ какого то отдаленнаго подобія гнилой кожи на картонныхъ подметкахъ. Черезъ недѣлю всѣ эти счастливцы опять шлепали по снѣгу босикомъ, туго перетягивали ремнями пустые, ревущіе съ голодухи, животы и, на чемъ свѣтъ стоитъ, ругали «надувалу морского». Но брань на вороту не виснетъ, а для дѣйствій было поздно. Зачатки организаціи распались, зачинщики и руководители были перехватаны и частію сидѣли въ одиночкахъ Шпалерной и Крестовъ, частію уже совершали ночные автомобильные выѣзды за городъ, гдѣ ихъ добросовѣстно и хладнокровно разстрѣливали сихъ дѣлъ «спецы» изъ китайцевъ и «красныхъ латышей»...

II

СЕНСАЦІЯ И ГЛАСНОСТЬ

Теріоки, 7. IX. 1921.

Предостерегая заграничныхъ соратниковъ по печати отъ чрезмѣрнаго увлеченія сенсаціонными извѣстіями изъ Россіи, я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, тѣ, къ сожалѣнію, нерѣдкіе случаи, когда излишнее довѣріе къ воплю озлобленныхъ четырехлѣтнею мукою голосовъ изъ нѣдръ всероссійской каторги вноситъ на газетные столбцы либо прямыя небылицы, либо, вмѣсто фактовъ, фактики, раздутые изъ мухи въ слона. Большевики такъ опротивѣли обществу, такъ ихъ ненавидятъ, такъ они стараются заслужить какъ можно больше ненависти и отвращенія, что люди, жадно ожида-

ющіе ихъ паденія, съ восторгомъ хватаются за каждый случай, въ которомъ они вновь компрометтированы какой нибудь мерзостью, за каждый слухъ, который обѣщаетъ, что скоро наступитъ для этихъ «титановъ», слѣпленныхъ изъ грязи, очередь быть низвергнутыми въ Тартаръ. По видимому, угодливыхъ поставщиковъ на такой довѣрчивый восторгъ за границею не мало. Взявшись въ Финляндіи за русскія газеты, я, напримѣръ, съ изумленіемъ узналъ, что въ нашемъ жалкомъ, придавленномъ Петроградѣ весь августъ прошелъ въ бурныхъ революціонныхъ выступленіяхъ, что были возстанія среди рабочихъ и въ полкахъ гарнизона, подавленныя чуть не цѣлыми уличными и казарменными боями съ массою послѣдующихъ разстрѣловъ. Откуда взялась эта заманчивая миѳологія? Разстрѣловъ то у насъ, что ужъ говорить, много, пороха и свинца не жалѣютъ во славу имени Карла Маркса, всуе пріемлемаго, но относительно заговоровъ, возстаній и уличныхъ боевъ я, къ сожалѣнію, долженъ разочаровать увѣровавшую въ нихъ публику: ничего подобнаго Петроградъ въ августѣ не переживалъ, и даже никакихъ слуховъ о томъ въ немъ не возникало. Все это какая то внѣшняя праздная фабрикація.

Не знаю, дѣйствуютъли подобныя измышленія ободряюще на духъ эмиграціи, но знаю очень хорошо, что, въ конечномъ результатѣ, они доставляютъ огромное удовольствіе и несомнѣнную пользу... большевикамъ! Потому что въ этихъ заблужденіяхъ и преувеличеніяхъ они обрѣтаютъ рѣдкое для нихъ счастье доказательныхъ опроверженій своей слабости и своего звѣрства. Не слѣдуетъ считать своего врага глупѣе и невѣжественнѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Слѣдя за со-

вѣтскою печатью изо дня въ день, я убѣждался послѣдовательно, что ея двигатели, очень неуклюжіе грубые кустари въ началѣ, кое чему выучились за четыре года и теперь, если не сдѣлались разумнѣе въ идеяхъ и порядочнѣе въ способахъ ихъ выраженія, то, по крайней мѣрѣ, пріобрѣли техническую сноровку довольно ловко фехтовать словами и фактами. А, что касается лжи, то между ними имѣются виртуозы, уже, въ своемъ родѣ, несравненные. Воспитаться на газетную ложь имъ легко и безопасно. Вѣдь, при отсутствіи свободной печати, ихъ ложь никогда не встрѣтитъ гласнаго авторитетнаго протеста, способнаго оперѣть свои опровержнія на фактическія улики. Правда, о такомъ протестѣ могутъ позаботиться — и заботятся — органы заграничной русской печати. Но она мало тревожитъ совѣтскую прессу. Сквозь кордоны и шпіонскіе фильтры ЧК заграничные газеты и журналы доходятъ до петроградскаго общества въ такомъ маломъ количествѣ, такъ случайно, что голосъ ихъ надъ Невою — не болѣе, какъ подпольный шопотъ, которому внимаютъ лишь очень немногія уши и повторяютъ его лишь очень немногія уста. И, само собою разумѣется, повторяютъ сбивчиво и неточно. Въ третьихъ, четвертыхъ рукахъ «фактъ» превращается уже въ «слухъ» и, украшаемый подробностями и варіантами по усердію и потребности обывательской озлобленной фантазіи, терпитъ ущербъ въ своемъ вѣроятіи, если не теряетъ его вовсе. При такихъ условіяхъ гарантированной безотвѣтственности, отчего же досужему и охочему борзописцу краснаго цеха не лгать во славу своего правительства и въ опоганеніе всѣхъ, его не пріемлющихъ и съ нимъ несогласныхъ, какъ ему въ голову взбредетъ и что душень-

ка прикажетъ? Особенно ловко и нагло приноровились они дѣлать «обзоры печати», выхватывая и комбинируя строки ея такими шулерскими подтасовками, что зачастую онѣ получаютъ смыслъ, совершенно обратный тому, какой имѣли въ оригинальной статьѣ. Опытнаго газетчика и политика этими вольтами, конечно, не проведешь, но обыватель, наскоро пробѣгающій, черезъ головы другихъ обывателей, наклеенную на стѣнкѣ газету, ловится и вѣритъ. Конечно, и ему нѣсколько странно, какъ это «Общее Дѣло», «Воля Россіи», «Руль», «Послѣднія Новости», «Н. Русская Жизнь», вдругъ почему то преподносятъ нѣчто, толкуемое большевиками въ свою пользу, либо печатаютъ такія «невѣгласы» и нелѣпости, будто въ нихъ пишутъ и ихъ редактируютъ люди, лишь по недоразумѣнію не сидящіе въ домѣ умалишенныхъ. Но, вѣдь, помилуйте же, напечатано черным по бѣлому, притомъ, какъ водится, редакціонный текстъ корпусомъ, а «подлинная» цитата петитомъ: какъ же не повѣрить?! «Невѣроятно, а фактъ!»—какъ любили восклицать старинныя рекламы.

Однако, вотъ что я замѣчалъ—и не разъ, не два, а въ постоянной послѣдовательности. Когда заграничная печать обличаетъ какія либо дѣйствительно происходящія неистовства или очередныя глупости лжекоммунизма, остающіяся еще тайною для общества внутри страны, совѣтская печать почти никогда не выступаетъ съ своею обычною опровергающею ложью, предпочитая молчать, будто воды въ ротъ набрала. Какъ бы сильно тогда ни ругали Кремль и Смольный, какими бы разоблаченіями ихъ ни позорили, они «дѣлаютъ глухое ухо», стараясь похоронить опасные факты въ безмолвіи. Но за каждую сенсаціонную выдумку ка-

кихъ либо не по разуму усердныхъ «контръ-револ
ціонеровъ» или за черезчуръ довѣрчиво воспринять
Бурцевымъ, Мережковскимъ и пр. ложный слух
они хватаются, какъ за находку, съ яростным
полемическимъ восторгомъ и, такъ какъ тогда у них
на рукахъ оказываются неожиданно всѣ козыри, то он
легко выигрываютъ свою игру — къ утѣшенію своем
и къ огорченію нашему. Итакъ, отсюда мой добрый
искренній совѣтъ всѣмъ заграничнымъ коллегамъ: пс
меньше сенсаціоннаго увлеченія и легковѣрія и побол
ше спокойной суровой правды. Не прилагайте забот
красить чорта въ черный цвѣтъ: онъ и безъ того чер
нѣе сажи.

Казалось бы, полное уничтоженіе свободной глас
ности должно было успокоить совѣтское прави
тельство, что отнынѣ подъ его державою народы Рос
сіи будутъ «на сорока языкахъ мовчать, бо благоден
ствуютъ». Вѣдь даже ужасный конецъ царствованія Ни
колая I и цензура «Бутурлинскаго комитета» — золо
тыя эпохи свободы печати въ сравненіи съ тѣми тиска
ми, въ какіе теперь заключена злополучная русска
мысль — эта нѣмая Лавинія съ урѣзаннымъ языком
и обрубленными руками, отданная въ безвольныя и без
правныя наложницы пресловутому товарищу Іонову
ему подобнымъ. И, однако, все имъ мало, и, что назы
вается, бѣгаетъ нечестивый, никому же гонящу. Лихо
радочно взвинченному воображенію чекистовъ вс
время чудятся въ острожныхъ стѣнахъ, которыми от
дѣлили они русское общество отъ свободнаго слова
щели и скважины, пропускающія «вольный духъ»
опасный свѣтъ. И, въ обычно нервномъ спѣхѣ, они то
ропятся конопатить эти щели . . . чѣмъ? Конечно, че

ловѣческими жизнями, другого матеріала они не ищутъ. Страхъ предъ иностраннымъ журналомъ, подпольнымъ изданіемъ, рукописью, распространяемою въ копіяхъ пишущей машинки, — прямо, какой то дѣтскій, шутовской. Онъ былъ бы смѣшонъ, еслибы не приводилъ къ слишкомъ печальнымъ послѣдствіямъ. Когда я былъ арестованъ въ послѣдній разъ, слѣдователь Карусь, просто, жилы у меня вымоталъ, томя меня нелѣпѣйшимъ допросомъ, откуда и какъ попала ко мнѣ, обращенная къ патріарху Тихону и петроградскому митрополиту Веніамину, записка (на машинкѣ) нѣкоего А. Филиппова по вопросу о церковной реформѣ. Заявленіе, что мнѣ, какъ небезъизвѣстному писателю, часто присылаютъ свои труды разныя лица съ просьбою о просмотрѣ и совѣтѣ, не удовлетворяло. Еще бы! «Патріархъ», «митрополитъ», «церковь», — явная контръ-революція! страшно! Былъ привлеченъ къ совѣщанію какой то другой слѣдователь, должно быть, особо «свѣдущій человѣкъ» по религіознымъ вопросамъ, съ необычайно важнымъ и зловѣщимъ видомъ морщившій свой многодумный лобъ.

— Я слыхалъ объ этой запискѣ, да, слыхалъ... — мрачно повторилъ онъ и, конечно, вралъ, потому что, если бы слыхалъ, то о рукописи не могло бы возникнуть подозрѣнія именно въ совѣтскомъ учрежденіи, хотя бы это и была Чрезвычайка. Наконецъ, терпѣніе мое лопнуло.

— Да вы сами то читали этотъ взятый у меня документъ? — спросилъ я Каруся.

Онъ переглянулся съ товарищемъ и честно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не имѣлъ времени, но...

— Такъ потрудитесь прочитать: это не только не контръ-революціонная записка, но, напротивъ, сантиментальнѣйшій проектъ какого то прекраснодушнѣйшаго мечтателя — примирить православную церковь съ совѣтскою властью...

Слѣдователи, недовѣрчиво качая головами, перелистовали нѣсколько страницъ...

— Въ самомъ дѣлѣ... Чортъ знаетъ, что такое! — пробормоталъ Карусь... И рукопись была отложена въ сторону, а вопросъ о ней снятъ съ очереди.

Обладаніе номеромъ иностранной газеты для обывателя — преступленіе, не допускающее смягчающихъ вину обстоятельствъ. Сейчасъ въ Крестахъ сидитъ Наталья Алексѣевна Суворина, 18-лѣтняя дѣвушка, внучка знаменитаго основателя «Новаго Времени» и дочь редактора-издателя «Руси». Барышня эта, особа совершенно аполитическая, немножко художница, немножко пѣвица, служила въ «Роста» (Россійскомъ телеграфномъ агентствѣ), получающемъ ex officio всѣ заграничныя газеты. У одного изъ ея знакомыхъ, при обыскѣ, нашли номеръ „Times"'а. Онъ при допросѣ показалъ, что номеръ дала ему Суворина. Послѣдовалъ обыскъ и у нея, при чемъ, какъ водится, всю квартиру перевернули, но никакой контръ-революціи не обрѣли, за исключеніемъ... нѣсколькихъ модныхъ журналовъ. Барышня, весьма красивая собою и охотница, если не наряжаться (что въ настоящее время для голодающей петроградской обывательницы недостижимый идеалъ), то хоть помечтать о нарядахъ, глядя, какъ въ приличныхъ странахъ приличные люди одѣваются, —

брала изъ «Роста» модныя картинки — при томъ, замѣтьте, не самовольно, а съ разрѣшенія своего начальства... Удовольствіе стоило бѣдняжкѣ долгаго предварительнаго заключенія и приговора къ шестимѣсячнымъ принудительнымъ работамъ. Отбывая эти послѣднія въ Крестахъ, она не миновала почти всеобщей тюремной участи: заболѣла дизентеріей въ тяжелой формѣ и долгое время висѣла на ниточкѣ между жизнью и смертью... Когда я покидалъ Россію, Н. А. еще находилась въ больницѣ при женской тюрьмѣ, куда была временно переведена, но, какъ я слышалъ, начала поправляться...*)

III

РАСТЛѢННЫЯ МУЗЫ.

Теріоки. Карантинъ. 18. IX. 1921.

У итальянскаго поэта и историка Артуро Графа есть недурная сказка, навѣянная «Бурею» Шекспира и ея продолженіями въ «Философскихъ драмахъ» Э. Ренана. Когда возставшій Калибанъ побѣдилъ ученаго мудреца Просперо и захватилъ его герцогство, онъ осуществилъ въ странѣ приблизительно тотъ самый порядокъ, который въ современной Россіи зовется коммунистическимъ, а у народовъ, еще не постигнутыхъ массовымъ сумашествіемъ... Впрочемъ, оставимъ въ покоѣ эпитеты — бумага не всякую правду терпитъ. Калибанъ-повелитель былъ очень доволенъ своимъ государствомъ, но находилъ, что ему не достаетъ культурныхъ красотъ — науки и искусства. Притомъ, старыя наука и искусство его не удовлетворяли и каза-

---

*) Къ сожалѣнію, слухъ не оправдался. Несчастная дѣвушка такъ и умерла въ тюремной больницѣ.

1922. V. 16.

лись ему опасными, какъ наслѣдіе ненавистнаго Просперо, а новыхъ онъ, тупоголовый «сынъ чорта и колдуньи», немножко человѣкъ, немножко демонъ и очень много звѣрь, никакъ не могъ придумать и изобрѣсти. Наконецъ, его осѣнила идея, достойная такой головы: — Старыя музы изжили свой вѣкъ, эти нервныя, слабосильныя дѣвки нашему брату не годятся; но онѣ могутъ родить мнѣ дочерей — новыхъ музъ, которыя унаслѣдуютъ таланты и умъ матерей, а отъ меня — могучую первобытную натуру... И вотъ Калибанъ, захвативъ Кліо, Терпсихору, Полигимнію, Талію и пр., всѣхъ ихъ, по очереди, изнасиловалъ, и онѣ, дѣйствительно, родили дочерей — девять дѣвицъ, которыхъ торжествующій родитель провозгласилъ новыми совершенными музами. Но — увы! — расчеты его не оправдались. Природа зло подшутила. Дѣвицы, точно, вышли похожими и на отца, и на матерей, но — какъ разъ въ обратномъ ожиданіямъ порядкѣ: перепуганныя и устыженныя насиліемъ, музы передали отъ себя только тѣлесную хилость, нервность и истеричность, а умомъ и дарованіями новыя музы уродились, какъ вылитыя, въ тупого двуногаго скота-насильника Калибана...

Сказка эта, написанная лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, какъ будто пророчила «культурно-просвѣтительную» работу русскаго коммунистическаго строя. Не знаю, была ли гдѣ либо и когда либо въ исторіи эпоха, которая больше кричала бы о потребности культурнаго строительства и въ которой весь этотъ декламативный крикъ разрѣшался бы въ болѣе жалкія бездарность, безсиліе, — въ каррикатуру и профанацію каждой отрасли и каждаго проявленія культуры, —

при большей грубости и безстыдствѣ нравовъ. Разница со сказкою только та, что Калибанъ Артуро Графа, наблюдая свои порожденія, впалъ въ глубокое разочарованіе и грусть, а современные петроградскіе и московскіе Калибаны чрезвычайно много собою довольны и превесело дѣлятъ время между двумя пріятнѣйшими занятіями — самовосхваленіемъ и взаимовосхваленіемъ. И все — въ самомъ высокомъ тонѣ. Какъ сказалъ бы Гейне: «воробьи, держа въ когтишкахъ двухкопеечныя свѣчки, корчатъ Зевсова орла». Претензіи огромныя, задачи гигантскія, — именно ужъ горы мучатся родами, чтобы родить... даже не мышей, а развѣ блохъ, на мышахъ живущихъ! Прочтите «Фауста и городъ» наивнѣйшаго А.В. Луначарскаго («блаженъ мужъ Анатолій», звалъ его покойный Г. В. Плехановъ въ тѣ не особенно далекіе годы, когда А. В. упражнялся еще не въ богоборствѣ и разрушеніи религій, но, напротивъ, въ богостроительствѣ и богоискательствѣ). Эта кислосладкая и не всегда грамотная ребячья болтовня можетъ служить и типическимъ образцомъ, и идейнымъ символомъ творчества новыхъ русскихъ музъ, помѣси пролетарскаго Калибана съ буржуазною Мельпоменою.

Если бы подобную вещицу, четыре года тому назадъ, г. Луначарскій представилъ на просмотръ — не говорю уже въ литературно-театральный комитетъ, но даже въ редакцію толстаго, хотя бы и марксистскаго, журнала, она была бы встрѣчена тамъ гомерическимъ хохотомъ, какъ претенціозное бумагомаранье гимназиста четвертаго класса, которому преждевременно попали въ руки два первые тома «Капитала» (до третьяго не дошелъ). Но въ настоящее время г. Луначарскій, будучи отставленъ (за преступную мягкость характе-

ра и, все таки, нѣкоторую ушибленность старою культурою) отъ всѣхъ политическихъ обязанностей и должностей, сдѣланъ, въ цѣляхъ компенсаціи и позолотѣ горькой пилюли, полновластнымъ распорядителемъ русскаго театральнаго дѣла. И вотъ такая ребячья ерунда, какъ «Фаустъ и городъ», не только ставится съ огромными затратами, на сценахъ Государственныхъ Академическихъ (!) Театровъ (бывшихъ императорскихъ), но и воспѣвается хоромъ льстецовъ изъ примазавшагося къ власти актерства (къ сожалѣнію, не безъ крупныхъ именъ,—особенно въ Москвѣ), какъ великое произведеніе. А пресловутый Стекловъ-Нахамкесъ объявилъ въ московскихъ «Извѣстіяхъ» громогласно на всю «красную Россію», что отнынѣ счастливая Совдепія обладаетъ своимъ собственнымъ Гете; только нашъ, дескать, много почище, ибо старому Гете, веймарскому буржуазному стихотворцу, даже и во снѣ не снился такой «Фаустъ», какъ высидѣлъ его пролетарски вдохновенный поэтъ-комиссаръ Луначарскій. Это то, пожалуй, вѣрно, что не снился!

Г. Гейне когда то, издѣваясь надъ хвастливою замашкою филистеровъ буржуазнѣйшаго Мюнхена прославлять свой городъ, какъ «германскія Аѳины», разсказалъ, будто однажды онъ, увидавъ на улицѣ собаку съ обрубленнымъ хвостомъ, спросилъ мюнхенца, чья она, и получилъ важный отвѣтъ: — Это собака нашего Алкивіада!.. — А гдѣ же самъ онъ, вашъ Алкивіадъ? — Видите ли, — объяснилъ невозмутимый мюнхенецъ,—Алкивіада мы никакъ не могли найти въ своей средѣ, такъ, покуда, хоть подыскали для него соба-

ку и отрубили ей хвостъ... ну, а потомъ когда-нибудь, авось, подберемъ къ собакѣ и Алкивіада!

Это опять таки приходится, какъ «по Сенькѣ шапка», на ту возмутительную комедію-пародію, что разыгрывается въ столицахъ Совдепіи подъ хвастливымъ именемъ новой «пролетарской культуры». За исключеніемъ усерднѣйшаго склоненія существительнаго «пролетарій» и прилагательнаго «пролетарскій» безчисленными ораторами, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, въ обоихъ числахъ и во всѣхъ падежахъ, ровно ничего культурно-«пролетарскаго» ни въ Петроградѣ, ни въ Москвѣ не возникло. А то, что слыветъ «пролетарскимъ», является жалкимъ и извращеннымъ подражаніемъ и послѣдованіемъ той самой буржуазной культурѣ, которую новая пролетарская, якобы, отрицаетъ и уничтожаетъ. И, притомъ, даже изъ буржуазной то культуры наслѣдуются и копируются какъ разъ самыя худшія, отрицательныя стороны, съ которыми ея лучшіе люди всегда боролись, какъ съ злѣйшими пороками. Я не буду, покуда, вдаваться въ статистику неисчислимо бѣгающихъ по Питеру Алкивіадовыхъ собакъ съ отрубленными хвостами. Отмѣчу лишь, что всѣ эти бѣдные псы, тщетно ожидающіе своихъ Алкивіадовъ, превосходно откликаются на общую для нихъ во всѣхъ культурныхъ областяхъ, — въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ, театрѣ, педагогикѣ, образованіи, воспитаніи, — кличку «Халтура».

«Халтура», одновременно, и демонъ-покровитель, и демонъ-губитель совѣтскаго государства. Покровитель потому, что вся система внутренней политики совѣтскаго правительства свелась къ старому цезари-

стическому девизу — «хлѣба и зрѣлищъ» плюсъ тюрьма и разстрѣлъ для всѣхъ, дерзающихъ почитать эти блага недостаточными. Причемъ надо замѣтить, что вторая половина девиза оказывается на дѣлѣ чуть ли не важнѣе первой. Безъ хлѣба голодный Петроградъ привыкъ сидѣть сравнительно спокойно и днями, и недѣлями, и, бывало, набивая овсомъ пустое брюхо, только добродушно острилъ:

— Отчего прежде люди по тротуарамъ ходили, а теперь середь улицы «прутъ»?

— Оттого, что на конскій кормъ перешли: нажремся лошадиной ѣды, — вотъ, насъ на лошадиную дорогу и тянетъ.

Но отсутствіемъ зрѣлищъ Зиновьевъ и Ко, даже въ самыя трудныя и опасныя времена осадныхъ положеній, не рисковали долѣе трехъ-четырехъ дней. «Парижъ смѣется, слѣдовательно, онъ заплатитъ», говорилъ старый политическій циникъ. «Петроградъ сидитъ по театрамъ и кинематографамъ, — слѣдовательно, онъ не шевельнется», говорятъ молодые политическіе циники Смольнаго. И забота о зрѣлищахъ — первая, основная. Они множатся, какъ грибы послѣ дождя сквозь солнце. И, если въ измученномъ нуждою петроградскомъ населеніи есть еще группа, которая, хотя и не сыта и обезпечена, но избавлена, по крайней мѣрѣ, отъ угрозъ голодной смерти и, пожалуй, даже пользуется сравнительною безопасностью отъ чрезвычаекъ, то это, конечно, необходимая для Смольнаго группа зрѣлищныхъ дѣятелей. Имена и титулы ихъ опять таки неисчислимы и ежедневно растетъ ихъ количество. Кинематографовъ еще не такъ много — по техническимъ причинамъ: старыя фильмы

разрушились, новыхъ неоткуда взять. Но театровъ, концертовъ и кафешантановъ, слегка прикрытыхъ громкими «пролетарскими» прозвищами, — въ центрѣ города, — только что не черезъ два дома въ третьемъ; на окраинахъ — по полдюжинѣ въ каждомъ районѣ, при «культпросвѣтахъ» разныхъ совѣтскихъ учрежденій, заводовъ, учебныхъ заведеній. Даже предварительная тюрьма, пресловутая «Шпалерная 25», не избавлена отъ зрѣлищной эпидеміи. Мы съ сыномъ сидѣли какъ разъ въ галлереѣ № 5, гдѣ, рядомъ съ одиночками, устроена сцена, и на ней каждый вечеръ изображался «Деньщикъ Шельменко», съ весьма забавнымъ любительскимъ составомъ исполнителей. Жениха изображалъ помощникъ начальника тюрьмы и завѣдующій культпросвѣтомъ, Васильевъ, невѣсту — барышня изъ отдѣла управленія, обвиняемая въ продажѣ пропусковъ на выѣздъ изъ Петрограда (по скромной цѣнѣ въ сто тысячъ за пропускъ), деньщика — еврей-спекулянтъ высокой марки, а мать невѣсты — извѣстная эсъ-эрка А. Н. Слетова. Женскій же хоръ приводила изъ VIII отдѣленія, въ качествѣ старостихи, Ольга Сергѣевна Лундъ, нынѣ разстрѣлянная въ Москвѣ, по принадлежности къ «монархическому заговору». Когда-нибудь я подробно разскажу объ этихъ тюремныхъ «разумныхъ развлеченіяхъ», — лицемѣрной покрышкѣ кошмарнаго ужаса, которымъ дышала тюрьма, биткомъ набитая обезволенными страхомъ людьми, ежечасно ожидавшими, подъ дальній громъ кронштадтскихъ пушекъ, поголовнаго разстрѣла.

На такой громадный зрѣлищный спросъ потребно и громадное предложеніе. Мрачный петроградскій юморъ увѣряетъ, будто населеніе столицы сейчасъ раз-

дѣляется систематически на «сидѣвшихъ, сидящихъ и имѣющихъ сидѣть». Съ почти равнымъ правомъ его можно дѣлить на «играющихъ и имѣющихъ играть». Когда вы, въ 4 часа дня (срокъ окончанія служебныхъ занятій), идете тою широкою провинціальною улицею, которая когда то была Невскимъ проспектомъ, и прислушиваетесь къ разговорамъ встрѣчныхъ и обгоняющихъ васъ прохожихъ, то все, что услышите, — заранѣе можете быть въ томъ увѣрены, — безошибочно распредѣлится по тремъ категоріямъ!

1) Паекъ. Какая выдача? гдѣ? Селедка или хлѣбъ... Петрокоммуна, Компродъ, Нархозъ, Домъ Ученыхъ, Домъ Искусствъ, Домъ Литераторовъ... распредѣлительный пунктъ... продовольственная экспедиція... мѣшечница... спекулянтка... промѣнялъ...

Категорія ляcканія голодными зубами!

2) Гороховая 2. Шпалерная. Кресты. Передача. Принудительныя работы. Когда взяли? Насколько засадили?... «Къ стѣнкѣ»... «Въ Москву»... «Слѣдователь»... «Че-ка»... «Озолинъ»... «Допросъ»... «Обыскъ»... И всего чаще:

— Да говорите же тише, вѣдь, здѣсь кругомъ шпіоны!

Категорія шкурнаго перепуга!

3) Репетиція... Студія... Спѣвка... Спектакль... Маріинка, Александринка, Филармонія... «Кинемошка»... Шаляпинъ (обыкновенно, съ прибавленіемъ нелестныхъ эпитетовъ)... «ПТО»... Владимиръ Николаевичъ (Давыдовъ), Владимиръ Васильевичъ (Максимовъ), Юрій Михайловичъ (Юрьевъ), Эмиль Альбертовичъ (Куперъ)... «Граммофонъ»...

Категорія жизни съ глазами, зажмуренными на дѣй-

ствительность. Трагическая попытка созданія русскаго «Декамерона» въ пошленькомъ переложеніи на мѣщанскіе нравы Петроградской стороны, Песковъ, линій Васильевскаго Острова и ротъ Измайловскаго полка, но, за то, въ колоссальныхъ, «планетарныхъ» размѣрахъ... Категорія халтуры активной и пассивной: артистическихъ дарованій, массою гибнущихъ въ развратѣ дрянного, рыночнаго, продажнаго исполненія на авось и какъ-нибудь, — и общественнаго развитія и вкуса, массою же гибнущихъ въ воспріятіи подложнаго, дрянного искусства...

IV.

КРОВЬ, КЪ НЕБУ ВОПІЮЩАЯ

Въ самомъ сдержанномъ и умѣренномъ тонѣ хотѣлъ и разсчитывалъ я вести свои зарубежные очерки «краснаго Петрограда», не давая воли лирическимъ порывамъ, не позволяя разгораться огню гнѣвнаго сердца, не допуская, чтобы на страницы мои брызнули горькія слезы... Но, очевидно, въ нынѣшнихъ условіяхъ, разъ ты взялся за перо, «спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ» невозможно, хотя бы при самой твердой на то рѣшимости. Большевики обладаютъ несравненнымъ въ своемъ родѣ даромъ ошеломлять человѣчество внезапностями такой мерзостной свирѣпости и низости, что никакой выдержки не достаетъ на зрѣлище ихъ кровавыхъ фарсовъ, и самая закаленная въ опытѣ долготерпѣнія душа прорывается рыданіемъ негодованія и боли. Кажется, ужъ привыкли мы, ничѣмъ насъ не удивишь, всякой гадости отъ нихъ ожидаемъ, — нѣтъ, понатужатся и превзойдутъ!

Вчера мнѣ показали «Правду», а въ ней безстыдное хвастовство Чрезвычайки разстрѣломъ супружеской четы Таганцевыхъ, Н. И. Лазаревскаго, С. Л. Ухтомскаго и др. Я зналъ этихъ безвинно убіенныхъ людей, я видѣлъ ихъ такъ недавно живыми и здоровыми. Не далѣе, какъ во вторникъ 16 августа, я встрѣтилъ жену Лазаревскаго во «Всемірной Литературѣ» спокойною за участь своего мужа, обнадеженною и увѣренною, что дѣло его—пустяковое недоразумѣніе, и онъ не сегодня, завтра будетъ на волѣ. И, вотъ, сейчасъ я какъ будто вижу ее предъ собою, эту бѣдняжку, теперь уже не жену, а вдову Лазаревскаго, какъ встрѣтили ее, въ вечеръ ареста мужа, мои маленькія дѣти, — высокую, худую, рыдающую женщину, въ черномъ, тревожно кружащую, какъ ночная птица, вспугнутая съ гнѣзда, около зловѣщей «Гороховая 2», за дверями которой только что скрылся ея супругъ. Дѣти не знали ея, она не знала дѣтей, — инстинктивно бросилась къ незнакомой кучкѣ прохожей молодежи, въ смятеніи недоумѣлаго испуга: — Странно! Ник. Ив. взяли, какъ свидѣтеля, для дачи показанія, «на какія нибудь два часа», а вотъ что то замѣшкались, не выпускаютъ... Шедшіе съ дѣтьми старшіе знакомые совѣтовали ей: — Вы бы лучше домой шли, не привлекайте къ себѣ вниманія, вѣдь здѣсь кругомъ шпики. — Нѣтъ, какъ можно, онъ выйдетъ, увидитъ, что меня нѣтъ, встревожится, что случилось... — Милиціонеръ грубо прогналъ ее съ угла Гороховой. Она всю ночь мыкалась по панелямъ вдоль Александровскаго сквера, прячась и увертываясь отъ обходовъ, забиравшихъ прохожихъ, которые въ «свободномъ» Петроградѣ дерзаютъ ходить по улицамъ позже часу ночи... Раз-

свѣло, солнце взошло, но двери Чрезвычайки не отворились для Лазаревскаго. Два часа превратились въ два дня, два дня въ двѣ недѣли, двѣ недѣли въ два мѣсяца, два мѣсяца — въ вѣчность...

Почему? за что? Чрезвычайка, столбцами своихъ печатныхъ граммофоновъ, налгала цѣлую полосу обвиненій. Но вѣдь нѣтъ въ Петроградѣ человѣка, не исключая самихъ коммунистовъ, который не зналъ бы, что таганцевскій заговоръ — пуфъ вообще, а ужъ въ особенности участіе въ немъ Лазаревскаго и Ухтомскаго. Всѣ убѣждены, что дѣло грубо сфабриковано и раздуто Чрезвычайкою съ прозрачными и вполнѣ опредѣленными цѣлями.

1) Всенародная ненависть къ чрезвычайкамъ достигла высшаго напряженія. Даже среди самихъ коммунистовъ наростаетъ отвращеніе къ нимъ и раздаются сильные голоса за ихъ обузданіе и упраздненіе. Слѣдовательно, почтенному учрежденію (подобно былымъ царскимъ охранкамъ) надо показать выразительнымъ примѣромъ, что оно необходимо, что только его бдительность и терроръ спасаютъ «соціалистическое отечество».

2) Правящимъ коммунистическимъ сферамъ желательно разбить чрезмѣрную сосредоточенность народнаго вниманія на «голодномъ вопросѣ» и отвлечь рождающееся изъ нея озлобленіе пролетаріата съ больной головы на здоровую — на привычнаго козла отпущенія — всевыносящую интеллигенцію. Смольный слишкомъ обезпокоенъ зарождающимся примиреніемъ между интеллигенціей и пролетаріатомъ, который начинаетъ смутно понимать, что и она, и онъ равно из-

страдались въ ужасномъ и глупомъ кошмарѣ четырехлѣтняго ленинскаго режима и что никакъ ужъ не интеллигенція повинна въ его мукахъ. Это еще робкое движеніе надо затормозить, — и вотъ поспѣшно выбрасывается кость, приглашающая къ новой дракѣ: мнимый интеллигентскій заговоръ, который, — внемли, о, пролетаріатъ! чуть чуть было не погубилъ твоего обожаемаго монарха... тьфу, что я! то бишь: твоего благодѣтеля — совѣтское правительство!

Къ сожалѣнію, «Таганцевскій заговоръ» не былъ заговоромъ. Говорю: къ сожалѣнію — потому, что настоящій, хорошій заговоръ Петрограду очень нуженъ, хотя рѣшительно не вижу я тамъ для него человѣческаго матеріала. Но, найдись въ обезсиленномъ, обезкровленномъ, обезволенномъ петроградскомъ обществѣ энергія для заговора, то не такъ бы онъ развивался и не такія бы имена привлекъ. А то вѣдь даже у изобрѣтательной Чрезвычайки не достало клеветнической фантазіи больше, чѣмъ на милѣйшаго В. Н. Таганцева. Миръ его страдальческому праху, освященному безвинною мукою! Но кто же можетъ хоть на минуту повѣрить, чтобы этотъ добродушный и остроумный обыватель былъ организаторомъ и «главою» политическаго заговора? Съ его то неукротимою общительностью и длиннымъ языкомъ? Съ его то житейскою озабоченностью и должностною бѣготнею въ сверхсильной пайковой охотѣ? Если-бы въ Петроградѣ, въ самомъ дѣлѣ, зародился серьезный заговоръ, то, вѣроятно, подъ большимъ вопросомъ стояло бы, допустить ли В. Н. въ его тайну, а не то, что ставить его «главою» . . .

Таганцева погубили какія то большія деньги, которыя онъ хранилъ и которыхъ, при первыхъ весеннихъ обыскахъ въ его квартирѣ, Чрезвычайка не нашла, а потомъ до нихъ докопалась.*) Вѣдь дѣло его, — по весьма твердой петроградской версіи, — не сразу обернулось такъ трагически. По первому слѣдствію, вины супруговъ Таганцевыхъ были признаны настолько сомнительными, что, — очевидно, лишь ради формы, чтобы не сводить широковѣщательное обвиненіе къ нулю, — ему дали двухлѣтнія принудительныя работы, женѣ (уже вовсе неизвѣстно за что привлеченной) — на одинъ годъ. Но какъ разъ передъ тѣмъ престарѣлый отецъ В. Н., знаменитый юристъ, сенаторъ Н. С. Таганцевъ, обратился къ Ленину съ ходатайствомъ за сына. Ленинъ отвѣтилъ любезною телеграммою съ предписаніемъ пересмотрѣть дѣло. Телеграмма сошлась съ уже готовымъ было приговоромъ и механически его остановила. Слѣдственная канитель возобновилась, и тутъ исторія говоритъ на двое. Люди, питающіе къ г. Ленину влеченье, родъ недуга, увѣряютъ, будто тогда Чрезвычайка, обозленная вмѣшательствомъ премьера въ ея самовластную компетенцію, особенно постаралась превратить В. Н. Таганцева въ ужаснаго государственнаго преступника. Другіе, съ большимъ скептицизмомъ и съ большею вѣроятно-

---

*) Какая-то большевистская рептилія — кажется, „Путь" бывшаго публициста Іорданскаго, ухватившись за эту фразу мою, съ торжествомъ доказывала: — Ага! вотъ Амфитеатровъ самъ сознается, что у Т-ва нашлись скрытыя большія деньги, — слѣдовательно, разстрѣлянъ онъ не напрасно! . . . Эта увѣренность большевиковъ, что, если человѣкъ прячетъ отъ нихъ чьи либо, ввѣренныя ему, деньги, то, значитъ, онъ заговорщикъ, — по истинѣ, восхитительна! Въ своемъ родѣ, — „самоопредѣленіе"!

1922. V. 16.

стью, утверждаютъ, что вся эта исторія съ телеграммою — незамысловатое повтореніе старой комедіи съ разстрѣляніемъ великихъ князей. Вѣдь и тогда М. Горькій (по его словамъ) привезъ изъ Москвы въ Петроградъ письменное разрѣшеніе взять ихъ на поруки. Но, покуда онъ ѣхалъ, Москва приказала по телефону поскорѣе разстрѣлять, — и разстрѣляли, прежде чѣмъ Горькій успѣлъ предъявить свой документъ. Такъ вотъ и теперь циническая телефонограмма — засудить, во что бы то ни стало, обогнала и отмѣнила лицемѣрную телеграмму — судить по совѣсти.

Засудили Таганцева давно, но казнь оттягивали долго, ловя на смертника новыя жертвы, чтобы отправить ихъ вмѣстѣ съ нимъ загробными спутниками. Неловко же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы «заговоръ» состоялъ только изъ мужа и жены!.. Тутъ придется коснуться щекотливаго вопроса. Если вѣрить совѣтскимъ «правительственнымъ сообщеніямъ», Таганцевъ въ тюрьмѣ оговорилъ многихъ, частью арестованныхъ, частью скрывшихся. Не хотѣлось бы вѣрить, но, если бы даже и было такъ, воздержимся отъ суроваго упрека несчастному. В. Н. Таганцева никто и никогда героемъ не считалъ, а, между тѣмъ, его постигло испытаніе, способное истощить и геройскія силы. Въ распоряженіи г.г. Семенова, Озолина и Ко. имѣется достаточно средствъ, чтобы вымучивать признанія, имъ желательныя. Надо помнить, что въ ихъ застѣнокъ жертвы попадаютъ не съ прежними запасами тѣлесной и нравственной выносливости и нервной энергіи, какъ, бывало, революціонеры въ царскихъ застѣнкахъ. Большевики имѣютъ дѣло съ узниками, ослабленными четырехлѣтнимъ голодомъ, холодомъ, болѣзнями, переу-

томленіемъ на непосильномъ физическомъ трудѣ; съ людьми нужды и страха, придавленными привычкою къ униженіямъ и оскорбленіямъ до самыхъ печальныхъ компромиссовъ: до той тактики низменныхъ хитростей, уловокъ и обходовъ, которую покойный Салтыковъ угрюмо опредѣлилъ «примѣненіемъ къ подлости» и которая, увы, неизбѣжна для современнаго петроградца, потому что безъ нея ему — нѣтъ жизни и скорая смерть. Въ этой отравленной атмосферѣ, сколько ни борись съ нею, человѣкъ задыхается душою, въ этихъ потемкахъ онъ безсильно слѣпнетъ и сбивается съ пути, на этой трясинѣ нельзя быть стойкимъ, потому что она разступается подъ ногами и неотразимо тянетъ жертву въ свои нѣдра... Повторяю: я не вѣрю, чтобы В. Н. Таганцевъ «болталъ», но, если бы даже и «болталъ», да не коснутся камни осужденія его страдальческой, окровавленной тѣни. Не онъ «болталъ», а «болталъ» въ немъ измаявшійся, замученный, запуганный, потерявшій всякое самоуваженіе, всякій здравый смыслъ, весь превращенный въ трепетъ инстинкта самосохраненія, запуганный, забитый, опошленный, оподленный, несчастный изъ несчастныхъ, отставной столичный городъ Петроградъ, плотью отъ плоти и костью отъ костей котораго былъ покойный новый мученикъ коммунистической бойни.

Но Лазаревскій! Чѣмъ больше о немъ думаю, тѣмъ страшнѣе. Чувствую, что, сколько бы ни прожилъ я еще на свѣтѣ, тѣни Лазаревскаго и Ухтомскаго уже не отойдутъ отъ меня въ забвеніе, вѣчно стенающія воплемъ предсмертнаго недоумѣнія и безсильнаго проклятія на головы убійцъ... Казнь?! Какая казнь?! Тутъ не было даже «политическаго убійства», была обыкно-

венная, подлая, скверная уголовщина. Захватила шайка насильниковъ на большой дорогѣ мирныхъ прохожихъ и ни съ того, ни съ сего заперла ихъ въ своемъ вертепѣ. А потомъ уже опасно было отпустить плѣнниковъ, потому что они видѣли и испытали на самихъ себѣ всѣ вертепные ужасы, и слишкомъ показательно явили бы собою живую повѣсть о нихъ вольному, еще не разбойничьему, міру... Ну, и ухлопали скопомъ!.. Съ равнымъ правомъ, какъ Лазаревскаго и Ухтомскаго, это двуногое звѣрье могло бы разстрѣлять любого встрѣчнаго на улицѣ... Выкупались, обагрились съ головы до ногъ въ крови неповинной, — и теперь, ужъ именно, «всею своею черною кровью» не смыть имъ съ себя праведной крови этой!..

V

РАЗОГНАННЫЙ КОМИТЕТЪ

Сколько замѣчаю, разгонъ Всероссійскаго комитета помощи голодающимъ и его петроградскаго отдѣленія толкуется въ заграничной русской печати, какъ побѣдно цинический актъ упраздненія общественнаго начинанія, которое большевики, скрѣпя сердце, почитали временно необходимымъ, чтобы поладить съ Европой, — анъ, поладили и безъ него. Ну, стало быть, можно, за обнаруженною ненадобностью, постылыхъ необходимцевъ выбросить за дверь, а наиболѣе непріятныхъ изъ нихъ запереть по одиночкамъ. Не знаю, что перемѣнилось въ Петроградѣ послѣ 23 августа, — послѣдній день моихъ личныхъ наблюденій, — но, судя по предшествовавшему ходу событій, думаю, что это не

совсѣмъ такъ. Что для большевиковъ выяснилась ненадобность комитета, это вѣрно, но выяснилъ ее, конечно, не успѣхъ большевистской дипломатіи, а наоборотъ, — что то у большевиковъ въ Европѣ сорвалось и сорвалось сильно, потому что потребовало обычнаго для нихъ въ такихъ случаяхъ отклика отчаянною дерзостью на панъ или пропалъ. Вновь прибывшіе бѣженцы изъ хорошо освѣдомленныхъ круговъ сообщаютъ, что, когда сконфуженный М. Горькій запросилъ по телефону о причинахъ роспуска петроградскаго отдѣленія, то получилъ чисто формальный отвѣтъ, что П. О. должно погаснуть автоматически, какъ часть упраздняемаго Московскаго комитета. Отъ вопроса же о послѣднемъ коммунистическій премьеръ отдѣлался своей любимой пословицей:

— Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ.

Говорятъ, онъ и самъ очень смущенъ и озадаченъ. Говорятъ о торжествѣ надъ нимъ крайней лѣвой Бухаринской группы. Но вѣдь торжество Бухарина равносильно полному отрицанію соглашенія съ буржуазною Европою, хотя бы и на почвѣ филантропіи. Отсюда прямой выводъ логическаго вѣроятія: ставка на европейскую жалостливость проиграна и обезкураженные игроки срываютъ злобу на проигрышъ обычными нелѣпыми средствами безпомощно взбѣшенныхъ людей — ломаютъ беззащитную мебель и бьютъ вдребезги ни въ чемъ неповинную посуду. Потому что поведеніе коммунистическаго правительства въ послѣднія двѣ недѣли, конечно, сплошной и неистовый вызовъ европейскому общественному мнѣнію, предъ которымъ оно такъ умильно и заигрывающе танцовало въ прошломъ мѣсяцѣ. Разгонъ комитетовъ, бредовыя публи-

каціи о фантастическихъ заговорахъ, разстрѣлы супруговъ Таганцевыхъ съ товарищами и 61 частью безпартійныхъ, частью эсъ-эровъ, аресты 216 моряковъ, все это не такія дѣянія, чтобы отозваться въ Европѣ благопріятнымъ отношеніемъ къ страдающей Россіи, покуда судьбы ея находятся въ рукахъ большевиковъ. Напротивъ. Тутъ для европейскаго буржуа выставленъ цѣлый рядъ новыхъ доказательныхъ примѣровъ, что, какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ. — А посему, — скажетъ европейскій буржуа, — не давать волку корма вовсе!.. Мнѣ возразятъ, что совѣтское правительство ждетъ помощи по голодному дѣлу не отъ европейской буржуазіи, а отъ европейскаго пролетаріата. Но вѣдь это митинговая фраза. Самостоятельной помощи европейскаго пролетаріата, какъ таковаго, не достанетъ и на то, чтобы прокормить хоть одинъ голодающій русскій уѣздъ.

Сейчасъ въ Петроградѣ нищіе на улицѣ начинаютъ считать подаяніе съ 500 рублей.*) Когда нищему подаютъ сотенную бумажку, онъ бросаетъ ее назадъ съ какимъ нибудь милымъ присловьемъ, вродѣ:

— Поберегите себѣ на гробъ!

Либо рекомендуетъ дать злополучной сторублевкѣ еще болѣе плачевное назначеніе.

Протягивая къ Европѣ ручку горсточкою, играющіе на голодѣ большевики ожидали минимально «пятисотъ

*) Сейчасъ, восемь мѣсяцевъ спустя, эту цифру надо помножить на 20! „Тысяча" („косая" моихъ дней) уже не денежная единица!

1922. V. 16.

рублей», т. е. выгодныхъ политическихъ результатовъ, а получили только «сторублевку» — филантропію, да еще и въ условіяхъ недовѣрчиваго и брезгливаго контроля... Какъ же! очень нужна, подумаешь, коммунистическому Кремлю и Смольному эта европейская филантропія! Вѣдь они же прекрасно знаютъ, что, въ стихійномъ хаосѣ бѣдствія и устроенной ими разрухи, изъ усилій филантропіи, все равно, ничего не выйдетъ. Самое большее, чего она въ состояніи достигнуть, — что, вмѣсто 25 милліоновъ, обреченныхъ на смерть, умретъ 24½ или 24 безъ тысячъ. Экая, подумаешь, важность милліонъ человѣческихъ жизней для титановъ, мыслящихъ, дѣйствующихъ и считающихъ въ «планетарныхъ размѣрахъ»! Да ну васъ ко всѣмъ чертямъ съ вашей филантропической сторублевкой! Дайте намъ пятисотенный «разсчетный знакъ» — политическій къ вамъ доступъ, политическое признаніе, свободу политической пропаганды, согласитесь на торговлю съ нами, покупайте у насъ краденныя нами вещи, поднимите нашъ комическій рубль, инфузорная стоимость котораго сейчасъ не поддается разсмотрѣнію даже подъ сильнѣйшимъ микроскопомъ... Не даете? не хотите? Ну, такъ вотъ же вамъ: мы разстрѣляемъ вашихъ достолюбезныхъ интеллигентовъ, мы засадимъ въ Бутырки дочь обожаемаго вами Льва Толстого, — «удивимъ міръ злодѣйствомъ и упокойники въ гробахъ спасибо скажутъ, что померли!..»

Я не настолько оптимистъ, чтобы твердить, вслѣдъ Панглоссу, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, однако, какимъ бы парадоксомъ ни прозвучали мои слова, осмѣлюсь сказать, что въ скверномъ фактѣ разгона комитетовъ есть своя хорошая, хотя и

очень страдательно обусловленная, сторона. Не знаю, какъ здѣсь въ эмиграціи, но въ петроградскомъ обществѣ возникновеніе комитетовъ было принято очень подозрительно и были они крайне непопулярны. Филантропическая естественность ихъ, конечно, признавалась всѣми, но и практическая безнадежность ихъ была ясна для всѣхъ, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ картою русскаго неурожая, съ разрухою русскихъ путей сообщенія, съ ревностью коммунистической власти ко всякому сближенію интеллигенціи съ народомъ и съ тою разнузданной анархіей, которая называется «властью на мѣстахъ» и столько же считается съ властью въ центрѣ, какъ съ прошлогоднимъ снѣгомъ. Что же касается политическихъ упованій, — комитеты уподобились зерну между двумя жерновами. Въ то время, какъ Дзержинскій съ Менжинскимъ увидали въ комитетѣ опытъ формировки новой партіи, сближающей правыхъ большевиковъ съ либеральной буржуазіей, и зловѣще «оставили за собою право, въ случаѣ надобности, арестовать весь составъ комитета безъ исключенія», — въ то же самое время общество усмотрѣло въ «Прокукишѣ» податливый шагъ соглашательства съ ненавистнымъ большевизмомъ и насторожилось подозрительно и недоброжелательно. Появленіе въ «Правдѣ» статьи Е. Д. Кусковой и интервью съ С. Н. Прокоповичемъ было встрѣчено ропотомъ и возбудило неодобрительные толки. Въ Петроградѣ — безобразный, безвыборный порядокъ формировки отдѣленія чуть не по личному назначенію М. Горькаго, прибывшаго изъ Москвы съ полномочнымъ мандатомъ на сей предметъ, усилилъ недовѣріе и недовольство. Цѣлый рядъ именъ былъ внесенъ въ списокъ членовъ отдѣ-

ленія безъ спроса ихъ носителей, что повлекло протесты и отказы. На учредительное собраніе, созванное персональными приглашеніями, не были позваны представители уцѣлѣвшихъ культурныхъ общественныхъ организацій. Все это слагалось въ картину какого то некрасиваго, случайнаго произвола. И, такъ какъ одновременно правительство отклонило утвержденіе проекта широкой чисто общественной петроградской организаціи, которую, подъ именемъ «Технопомощи», начало быстро и успѣшно строить Техническое общество (по иниціативѣ Пальчинскаго), привлекая къ своему центру другія независимыя интеллигентскія группы, то официальные комитеты оказались въ глазахъ петроградцевъ компрометтированными и въ очень сомнительномъ и мутномъ свѣтѣ, не смотря на множество причастныхъ къ нимъ извѣстныхъ и почтенныхъ именъ.*)

Поэтому я думаю, что весьма многіе участники разогнанныхъ комитетовъ, вопреки угрозѣ личныхъ непріятностей, возможныхъ, какъ частныя послѣдствія массоваго насилія, сейчасъ вздохнули свободнѣе, какъ люди, поднявшіеся на ноги послѣ неловкаго сидѣнія между двумя стульями. Разгономъ коммунистическая власть сняла съ комитетовъ свой полицейскій штампъ, наложенный на нихъ, при первомъ ихъ зарожденіи, съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ. Вспомните логическую цѣпь исповѣди Каменева въ московской «Прав-

*) Какъ лучшій примѣръ недовѣрія, могу указать тотъ фактъ, что Петроградскій Домъ Литераторовъ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ своего общаго собранія, отказался присоединиться къ официальному московскому комитету.

1922. V. 16.

дѣ»:—«Намъ нужна помощь,—ее можетъ дать только Европа, — Европа вѣритъ вамъ, нашимъ врагамъ, — стало быть, поставьте свой бланкъ на нашемъ векселѣ Европѣ, а, въ залогъ, вотъ вамъ комитетъ, который, однако, не будетъ въ правѣ сдѣлать ни единаго шага безъ моей санкціи». Оказалось, однако, что общественность, хотя бы самая ограниченная и процѣженная, все-таки, слишкомъ опасная сила для деспотизма, который тѣмъ болѣе свирѣпъ и ревнивъ, чѣмъ болѣе чувствуетъ свою органическую слабость. И, вотъ, для ленинскаго Кремля и зиновьевскаго (съ Лашевичемъ) Смольнаго даже каменевская санкція — не гарантія благонадежности, даже горьковскій подборъ и просѣвъ сотрудниковъ подозрителенъ, даже охранническая фильтровка Менжинскимъ подлежитъ пересмотру и отмѣнѣ. А посему — первооснователи комитета, г. г. Кишкинъ, Коробовъ и др.., пожалуйте въ Бутырскую тюрьму, а члены — посидите да потрепещите, подобно щедринскимъ зайцамъ въ ожиданіи подъ кустомъ: можетъ быть, волкъ — чрезвычайка васъ съѣстъ, а, можетъ быть, — ха-ха! — и помилуетъ!..*)

---

*) Какъ извѣстно, вся эта трагикомедія кончилась тѣмъ, что для членовъ комитетовъ, столь не потрафившихъ совѣтской власти, Кремль воскресилъ изъ могилы давно забытую „административную ссылку" царскихъ временъ и отправилъ Кускову, Прокоповича и др. не то въ Усть-Сысольскъ, не то въ Сольвычегодскъ, гдѣ они и по сю пору пребываютъ.

1922. V. 16.

VI

Н. С. ГУМИЛЕВЪ

Дѣятели совѣтской революціи любятъ сравнивать свою сокрушительную работу съ Великою Французскою революціей, хотя, конечно, не забываютъ прибавить при этомъ: мы, нынѣшніе, много превосходнѣе! Надо отдать имъ справедливость: отчасти правы. Если въ ихъ активѣ нѣтъ вдохновенныхъ и могучихъ Мирабо, Дантоновъ, Демуленовъ, то злобными Маратиками, безстыжими Гебериками и холодно жестокими фанатиками Робеспьерова толка — хоть прудъ пруди. По числу жертвъ русская революція-пародія тоже давно превзошла свою грозную предшественницу. Она не воздвигала гильотины, но ея разстрѣлы имѣли своихъ Лавуазье и Кондорсе, а ужъ сколько таковыхъ уморено голодомъ и холодомъ, — это и подсчету не поддается. Для совершенства пародіи коммунистамъ не доставало только Андре Шенье. Трагическая смерть Александра Блока лишь отчасти заполнила этотъ серьезный пробѣлъ, потому что, хотя нашъ дорогой поэтъ умеръ отъ болѣзни сердца, развившейся въ результатѣ голодной цынги, но все же не въ тюрьмѣ и не «у стѣнки». Прожилъ бы подольше — дождался бы. Потому что его короткое увлеченіе вихремъ коммунистической революціи въ 1917 г. и въ началѣ 1918-го, неосторожными плодами котораго явились пресловутые «Двѣнадцать» и «Катилина», быстро прошло и мало по малу переродилось въ ужасъ и отвращеніе. Одною изъ причинъ тяжкаго психическаго разстройства, въ которомъ провелъ онъ послѣднія недѣли страдальческой жизни, было именно раскаяніе въ «Двѣнадца-

ти»: онъ безпрестанно говорилъ о томъ и въ свѣтлы промежутки, и въ бреду. Передъ смертью онъ потребовалъ, чтобы были уничтожены всѣ его рукописи. Супругѣ его, Любови Дмитріевнѣ, удалось спасти только наброски первыхъ его юношескихъ начинаній. Онъ завѣщалъ не принимать никакой услуги отъ окровавленнаго мучителя-Смольнаго и воля его была исполнена. Сколько лже-пролетарское государство ни старалось примазаться къ священной памяти поэта, — не удалось ему. Блока похоронили за свой счетъ литературныя организаціи, онѣ же водружаютъ памятную доску на домѣ, гдѣ онъ умеръ, памятникъ на могилѣ ставитъ семья. Всѣ правительственныя предложенія по этимъ услугамъ были вѣжливо, но рѣшительно отклонены.

Теперь, къ глубокому сожалѣнію, пустое мѣсто кровавой пародіи заполнено. Русская революція получила своего Андре Шенье. Русская поэзія опять облеклась въ трауръ. Разстрѣлянъ Николай Степановичъ Гумилевъ.

Когда его, мѣсяцъ тому назадъ, арестовали, никто въ петроградскихъ литературныхъ кругахъ не могъ угадать, что сей сонъ означаетъ. Потому что, — казалось бы, — не было въ нихъ писателя, болѣе далекаго отъ политики, чѣмъ этотъ цѣльный и самый выразительный жрецъ «искусства для искусства». Гумилевъ и почиталъ себя, и былъ поэтомъ не только по призванію, но и, такъ сказать, по званію. Когда его спрашивали незнакомые люди, кто онъ таковъ, онъ отвѣчалъ — «я поэтъ», — съ такою же простотою и увѣренностью обычности, какъ иной обыватель скажетъ — «я потомственный почетный гражданинъ», «я присяжный повѣренный», «я офи-

церъ» и т. п. Да онъ даже и въ спискахъ смертниковъ «Правды» обозначенъ, какъ «Гумилевъ, поэтъ». Поэзія была для него не случайнымъ вдохновеніемъ, украшающимъ большую или меньшую часть жизни, но всѣмъ ея существомъ; поэтическая мысль и чувство переплетались въ немъ, какъ въ древнегерманскомъ мейстерзингерѣ, съ стихотворскимъ ремесломъ, — и недаромъ же одно изъ основанныхъ имъ поэтическихъ товариществъ носило имя-девизъ «Цехъ поэтовъ». Онъ былъ именно цеховой поэтъ, то есть поэтъ и только поэтъ, сознательно и умышленно ограничившій себя рамками стихотворнаго ритма и риѳмы. Онъ даже не любилъ, чтобы его называли «писателемъ», «литераторомъ», рѣзко отдѣляя «поэта» отъ этихъ опредѣленій въ особый, магически очерченный, кругъ, возвышенный надъ міромъ, на подобіе какъ бы нѣкоего амвона. Еще не такъ давно мы, — я и онъ, — всегда очень дружелюбные между собою, — довольно рѣзко поспорили объ этомъ раздѣленіи въ комитетѣ Дома Литераторовъ, членами котораго мы оба были, по поводу непремѣннаго желанія Гумилева ввести въ экспертную комиссію этого учрежденія спеціальнаго делегата отъ Союза Поэтовъ, что мнѣ казалось излишнимъ. А однажды — на мой вопросъ, читалъ ли онъ, не помню ужъ, какой, романъ, — Николай Степановичъ совершенно серьезно возразилъ, что онъ никогда не читаетъ беллетристики, потому что, если идея истинно художественна, то она можетъ и должна быть выражена только стихомъ... Онъ былъ всегда серьезенъ, очень серьезенъ, жречески важный стихотворецъ-гіерофантъ. Онъ писалъ свои стихи, какъ будто возносилъ на алтарь дымящуюся благоуханіемъ жертву

богамъ, и вотъ ужъ кто истинно то могъ и имѣлъ право сказать о себѣ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ...

Всѣмъ своимъ внутреннимъ обликомъ (въ наружности между ними не было рѣшительно ничего общаго Гумилевъ живо напоминалъ мнѣ перваго поэта, котораго я, еще ребенкомъ, встрѣтилъ на жизненномъ пути своемъ: безулыбочнаго священнодѣйца Ап. Ник. Майкова... Другіе мотивы и формы, но то же мастерство, та же строгая размѣренность вдохновенія, та же разсудочность средствъ и, при совершенномъ изяществѣ, нѣкоторый творческій холодъ... Какъ Майковъ, такъ и Гумилевъ принадлежали къ типу благородныхъ, аристократическихъ поэтовъ, неохотно спускавшихся съ неба на землю, упорно стоявшихъ за свою привилегію говорить глаголомъ боговъ. Пушкинъ разсказываетъ о комъ то изъ своихъ сверстниковъ, что тотъ гордо хвалился: — Въ стихахъ моихъ можетъ найтись безсмыслица, но проза — никогда! Я думаю, что Гумилевъ охотно подписался бы подъ этою характеристикою.

Арестъ человѣка, столь исключительно замкнутаго въ своемъ искусствѣ, возбудилъ въ недоумѣвающемъ обществѣ самые разнообразные толки. Тогда шла перерегистрація военныхъ «спецовъ», — думали, что Гумилевъ попалъ въ бѣду, какъ бывшій офицеръ, который скрывалъ свое званіе. Другіе полагали, что онъ арестованъ, какъ предсѣдатель Клуба поэтовъ за не-

соблюденіе какихъ то формальностей при открытіи этого довольно страннаго учреждения, принявшаго къ тому же нѣсколько слишкомъ рѣзвый характеръ. Принадлежности поэта къ какому нибудь заговору никто не воображалъ. Не вѣрю я въ нее и теперь, когда онъ разстрѣлянъ, какъ будто бы участникъ заговора. И не вѣрю не только потому, что быть политическимъ заговорщикомъ было не въ натурѣ Гумилева, но и потому, что скажу откровенно: еслибы Гумилевъ былъ въ заговорѣ, я зналъ бы объ этомъ. Сдержанный и даже скрытный вообще, онъ былъ очень откровененъ со мною именно въ политическихъ разговорахъ по душамъ, которые мы часто вели, шагая вдвоемъ по Моховой, Симеоновской, Караванной, Невскому, сокрушаясь стыдомъ и горемъ, что умирающему Петрограду не достаетъ силъ, энергіи, героизма, чтобы разрушить постылый «существующій строй...»

Мы не были политическими единомышленниками. Напротивъ. Мой демократическій республиканизмъ былъ ему не по душѣ. Какъ то разъ я, шутя, напомнилъ ему, что Платонъ, въ своей идеальной утопіи государства, совѣтовалъ изгнать поэтовъ изъ республики. — Да поэты и сами не пошли бы къ нему въ республику, — гордо возразилъ Гумилевъ. Онъ былъ монархистъ — и крѣпкій. Не крикливый, но и нисколько не скрывающійся. Въ послѣдней книжкѣ своихъ стиховъ, вышедшей уже подъ совѣтскимъ страхомъ, онъ не усумнился напечатать маленькую поэму о томъ, какъ онъ, путешествуя въ Африкѣ, посѣтилъ пророка-полубога «Махди», и —

Я ему подарилъ пистолетъ
И портретъ моего Государя...

На этомъ, должно быть, и споткнулся онъ, уже будучи подъ арестомъ. Что арестовали его не какъ заговорщика, тѣмъ болѣе опаснаго, важнаго, достойнаго разстрѣла, есть прямое доказательство. Депутація Профессіональнаго Союза Писателей, недѣли черезъ двѣ послѣ ареста, отправилась хлопотать за Гумилева. Предсѣдатель Чрезвычайки не только не могъ отвѣтить, за что взятъ Гумилевъ, но даже оказался не знающимъ, кто онъ такой...

— Да чѣмъ онъ, собственно, занимается, вашъ Гумилевичъ?

— Не Гумилевичъ, а Гумилевъ...

— Ну?

— Онъ поэтъ...

— Ага? значитъ, писатель... Не слыхалъ... Зайдите черезъ недѣльку, мы наведемъ справки...

— Да за что же онъ арестованъ то?

Подумалъ и... объяснилъ:

— Видите ли, такъ какъ теперь, за свободою торговли, причина спекуляціи исключается, то, вѣроятно, господинъ Гумилевичъ взятъ за какое нибудь должностное преступленіе...

Депутаціи оставалось лишь дико уставиться на глубокомысленнаго чекиста изумленными глазами: Гумилевъ нигдѣ не служилъ, — какое же за нимъ могло быть «должностное преступленіе»? Аполлону, что ли, дерзостей наговорилъ на Парнасѣ?

Надъ удивительнымъ свиданіемъ и разговоромъ этимъ мы много смѣялись въ Петроградѣ, никакъ не предчувствуя, что смѣхъ будетъ прерванъ пулями и кровью...

По всей вѣроятности, Гумилеву на допросѣ, какъ водится у слѣдователей ЧК, былъ поставленъ названный вопросъ о политическихъ убѣжденіяхъ. Отвильнуть отъ подобнаго вопроса какимъ нибудь спасительнымъ обинякомъ не составляетъ большой хитрости, но Гумилевъ былъ слишкомъ прямолинеенъ для фехтованія обиняками. Въ обществѣ товарищей республиканцевъ, демократовъ и соціалистовъ онъ, безъ страха за свою репутацію, заявлялъ себя монархистомъ (хотя очень не любилъ Николая II и все послѣднее поколѣніе павшей династіи). Въ обществѣ товарищей атеистовъ и вольнодумцевъ, не смущаясь насмѣшливыми улыбками, крестился на церкви и носилъ на груди большой крестъ-тѣльникъ. Если же на допросѣ слѣдователь умѣлъ задѣть его самолюбіе, оскорбить его тономъ или грубымъ выраженіемъ, на что эти господа великіе мастера, то можно быть увѣреннымъ, что Николай Степановичъ тотчасъ же отвѣтилъ ему по заслугѣ — съ тою мнимо холодною, уничтожающею надменностью, которая всегда проявлялась въ немъ при враждебныхъ столкновеніяхъ, родня его, какъ нѣкій анахронизмъ, съ дуэлистами-бреттерами «добраго, стараго времени». И какъ офицеръ, и какъ путешественникъ, онъ былъ человѣкъ большой храбрости и присутствія духа, закаленныхъ и въ ужасахъ великой войны, и въ дикихъ авантюрахъ сказочныхъ африканскихъ пустынь. Ну, а въ чрезвычайкахъ строптивцамъ подобнаго закала не спускаютъ. Ставили тамъ людей къ стѣнкѣ и за непочтительную усмѣшку при имени Ленина или въ отвѣтъ на провокаторскій гимнъ слѣдователя во славу Третьяго Интернаціонала...

VII

ВОЗЗВАНІЕ М. ГОРЬКАГО

Въ пражской еженедѣльной газетѣ «Огни» я прочиталъ прекрасную статью польскаго писателя, г. Гржималы Сѣдлецкаго, о пресловутомъ воззваніи М. Горькаго къ Европѣ. Воззваніе это породило обширную литературу на нѣсколькихъ языкахъ, въ большинствѣ, сколько я успѣлъ замѣтить, весьма неблагопріятную для русскаго писателя. Сказано много рѣзкаго и — увы! справедливаго; были и просто грубыя ругательства со стороны людей, которыхъ накипѣвшее за четыре года недовольство большевистскимъ уклономъ М. Горькаго и негодованіе на его двусмысленную позицію между интеллигенціей и ея палачами довели уже до слѣпой ненависти къ имени пѣвца «бывшихъ людей», еще недавно такъ любимому и уважаемому на Руси. Я читалъ письмо Д. С. Мережковскаго къ Г. Гауптману о Горькомъ и откровенно скажу: оно мнѣ вовсе не понравилось. Справедливость основного общественнаго протеста въ немъ слишкомъ заслонилась, чтобы не сказать — вовсе поглотилась, прозрачно личною злобою автора. Создается такое впечатлѣніе, будто для почтеннаго Дмитрія Сергѣевича въ письмѣ его самое главное — не опровергнуть двусмысленную пропаганду Горькаго, но какъ можно сердитѣе «доѣхать» его самого и, обругавъ всѣми дозволительными и полудозволительными въ печати крѣпкими словами, сдѣлать его настолько отвратительнымъ, чтобы не только Гауптманъ, но и всякій добропорядочный человѣкъ, прочитавъ эту свирѣпую аттестацію, немедленно дали своимъ горничнымъ распоряженіе:

— Если меня будетъ спрашивать г. Горькій, помните, что для этого господина меня никогда дома нѣтъ.

Это «сильно, но неубѣдительно», какъ выразился въ одной своей давней резолюціи покойный Николай II... Статья г. Гржималы Сѣдлецкаго имѣетъ то преимущество, что, будучи сильною не менѣе письма Мережковскаго, она чрезвычайно убѣдительна и оставляетъ впечатлѣніе неотразимое, подавляющее, хотя крѣпкихъ словъ польскій авторъ отнюдь не разсыпаетъ.

Воззваніе Горькаго, несомнѣнно, одно изъ безтактнѣйшихъ и неудачнѣйшихъ выступленій этого несчастнаго человѣка, чья вся жизнь теперь сложилась въ анекдотъ политической двусмысленности. Какой то старинный жонглеръ, Блонденъ, что ли, изображался на своихъ рекламахъ идущимъ по канату, держа въ рукахъ двѣ чаши съ курящимся ѳиміамомъ — и направо, и налѣво. Въ такомъ родѣ позицію занимаетъ сейчасъ и Горькій: съ его вѣчною высокомѣрною декламаціей о культурѣ — къ утѣшенію страждущей интеллигенціи; и съ его прочною дружбою и послушнымъ сотрудничествомъ съ самыми антикультурными силами большевизма, которыя эту страждущую интеллигенцію душатъ, чтобы не сказать — уже задушили. Да простится мнѣ анекдотическое сравненіе, но, право же, Горькій сейчасъ отбиваетъ амплуа у той хитроумной одесской дѣвицы, которая умудрилась и невинность (интеллигентскую) сохранить, и капиталъ (коммунистическій) пріобрѣсти. Насколько Алексѣй Максимовичъ преуспѣваетъ въ своихъ эквилибристическихъ цѣляхъ, я сейчасъ говорить не буду. Это тема большая, долгая и... очень болѣзненная. По крайней мѣрѣ, для меня, который много лѣтъ страстно любилъ

М. Горькаго и какъ художника-писателя, и какъ революціонера, и какъ человѣка. А теперь, съ октября 1917 года, — признаюсь — единственнымъ отраднымъ и благопріятнымъ для него симптомомъ въ его дѣятельности представляется мнѣ то трагикомическое обстоятельство, что въ эквилибристикѣ своей онъ ученически неловокъ и канатохожденіе его, всегда, покушеніе съ негодными средствами.

Призывъ его, обращенный къ европейскому міру, произвелъ въ петроградскомъ обществѣ сенсацію весьма отрицательную. Одно изъ двухъ: либо не просить милостыни, либо, если ужъ на то пошелъ, то, по крайней мѣрѣ, не плюй въ колодцы, изъ которыхъ собираешься воду пить. А тутъ—Богъ знаетъ, что! Стоитъ человѣкъ на европейской паперти, протягиваетъ руку за подаяніемъ, а въ другой рукѣ держитъ камень, а языкомъ ругательски ругаетъ просимаго доброхотнаго дателя. Неприглядная картина какого то кладбищенскаго нищенства, въ формѣ, такъ называемаго на трущобномъ жаргонѣ, «стрѣлянія»... Въ быту «бывшихъ людей» она — дѣло обычное и естественное, но вѣдь А. М. Горькій, хотя враги и зовутъ его теперь язвительно «бывшимъ писателемъ», покуда, все же, не «бывшій человѣкъ». Да и не имѣетъ онъ никакого права навязывать идеи, тонъ и слова «бывшихъ людей» русскому обществу, во имя котораго онъ къ Европѣ обратился, самъ себя на то избравъ, уполномочивъ и благословивъ.

Распространяться о воззваніи Горькаго и спорить съ нимъ поздно, потому что уже и дутое учрежденіе лже-помощи, къ которому большевики прикомандировали его въ качествѣ и антрепренера, и бутафора, и

завѣдующаго рекламою, рухнуло, упраздненное ими же за ненадобностью. И безцеремонность упраздненія рѣзче, чѣмъ когда либо, подчеркнула унизительность роли, играемой Горькимъ въ ихъ сообществѣ. Какой то маскарадный капуцинъ, содержимый при шайкѣ бандитовъ для совершенія религіозныхъ таинствъ во отпущеніе ея скверныхъ грѣховъ. Монахъ Тукъ на постоянномъ иждивеніи Робина Гуда. «При разбойникахъ завсегда отшельникъ бываетъ», утверждаетъ Аристархъ въ «Горячемъ сердцѣ» Островскаго. Когда бѣдующей и угрожаемой, трусу празднующей, шайкѣ нужны молитвы и предстательство бутафорскаго инока, его поятъ, кормятъ (и очень усердно!), ему льстятъ, трубятъ его именемъ на всѣ горы, долы и лѣса, суютъ его на первый планъ всѣхъ своихъ предпріятій, прикрывая услужливыми полами его покладистой рясы свои лицемѣрныя рожи, острые ножи и кровавыя дѣлишки. Прошла бѣда,—разбойники, съ веселымъ духомъ, опрокидываютъ пинкомъ ноги временно установленный инокомъ бутафорскій алтарь, а его самого фамильярно хлопаютъ по лысинѣ: — Баста ханжить! Полѣзай въ свою нору, отче, — теперь тутъ у насъ пойдетъ наша заправская работа, а ты знай, сиди смирно, лишняго, что видишь и знаешь, не болтай да держи ухо востро, —будетъ нужда, опять позовемъ... рука руку вымоетъ!. И инокъ отходитъ въ сторону отъ возобновляемаго безобразія съ закрытыми глазами, съ зажатыми ушами: моя хата съ краю, ничего не знаю!.. Можетъ быть, даже неодобрительно покачиваетъ головою: Ахъ, молъ, съ какими, все-таки, негодяями обрекся я быть вкупѣ и влюбѣ! Но что подѣлаешь? съ волками живу, долженъ и самъ выть по волчьи... Положеніе, какъ его ни верти

и ни толкуй, весьма полупочтенное. Инокомъ «монаха Тука» всѣ признаютъ, но разбойники, хвастая имъ, зовутъ его—«нашъ батька», а мирное населеніе аттестуетъ—«разбойничій попъ»...

Я не заговорилъ бы о воззваніи Горькаго, еслибы г. Гржимала Сѣдлецкій не отмѣтилъ въ немъ съ особенной силой одного примѣчательнаго мѣстечка, пріобрѣтшаго, чрезъ событія послѣднихъ дней, новую острую современность. Остановившись на сакраментальныхъ заклятіяхъ Европы всуе пріемлемыми именами Толстого, Достоевскаго, Менделѣева, польскій писатель возражаетъ на это христараднычанье очень горькими и слишкомъ вѣроятными предположеніями, какая печальная судьба постигла бы Толстого, Достоевскаго и Менделѣева при самодержавномъ режимѣ Дзержинскаго, Ленина и Бронштейна. И, въ частности, спрашиваетъ:

— А что вы сдѣлали съ семьей того Толстого, котораго выставляете своимъ знаменемъ?

Отвѣтъ не замедлилъ — и не словами, но дѣломъ. Распустивъ Всероссійскій комитетъ, совѣтская власть бросила въ тюрьму Александру Львовну Толстую—младшую и любимую дочь Льва Николаевича, вѣрную ученицу и спутницу его послѣднихъ дней, ближайшую наслѣдницу его идей, хранительницу его сочиненій, преемницу его дѣятельности... Бросила именно тогда, когда А. Л. энергически взялась за святое, завѣтное дѣло отца своего и, со всею фанатическою пылкостью наслѣдственнаго толстовскаго темперамента, устремилась на помощь «страхомъ обуялому», гибнущему голодною смертью, русскому народу...

То то вотъ и есть! Что ужъ клянчить именемъ Достоевскаго тамъ, гдѣ морятъ на смерть голодною цын-

гою Александра Блока и разстрѣливаютъ Гумилева (оба, замѣчу, члены редакціонной коллегіи въ горьковской «Всемірной Литературѣ»). Именемъ Менделѣева тамъ, гдѣ предпочитаютъ изнемогшаго Павлова держать на краю могилы, въ которую старикъ вотъ-вотъ свалится, лишь бы не выпустить его, суроваго свидѣтеля и обличителя разрушенія русской науки, на заграничную свободу.*) Гдѣ умершему съ голода и холода Иностранцеву присылаютъ «очередной» казенный гробъ на малорослаго, и роднымъ пришлось приколачивать къ гробу какой то, чудомъ ускользнувшій отъ печи, сорный ящикъ, чтобы упрятать торчащія окоченѣлыя ноги покойника. Именемъ Толстого тамъ, гдѣ его благородной умницѣ-дочери нѣтъ другого мѣста и дѣла, какъ кормить своимъ тѣломъ клоповъ и вшей Бутырской тюрьмы...

Боже мой, какъ надоѣла, какъ омерзѣла, какъ опошлилась, какъ пригибаетъ къ землѣ русское достоинство и самосознаніе эта вѣчная хвастливо-просительная пѣсня: — Полюбите насъ черненькими за то, что между нами когда то бывали и бѣленькіе! Поддержите и спасите наше мерзѣйшее антикультурное настоящее за то, что мы имѣли очень хорошее культурное прошлое... собственными нашими руками оскверненное и уничтоженное!

Похвальба крыловскихъ гусей заслугами капитолійскихъ предковъ.

---

*) Теперь выпустили... восемь мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ были писаны эти строки! Помогла Генуэзская конференція...

1922. V. 16.

Да, нѣтъ! Крыловскіе гуси, если не имѣли своихъ собственныхъ заслугъ, то, по крайней мѣрѣ, были съ капитолійскими одной породы... Но — когда въ родню къ капитолійскимъ гусямъ начинаютъ набиваться и голосисто гогочутъ, прося себѣ пенсіи на основаніи фальшиваго родословія, ряженые хорьки и лисицы, получается нѣчто, неописуемо гнусное... И ужъ какъ печально и противно видѣть А. М. Горькаго не только принимающимъ участіе въ этомъ кощунственномъ гоготѣ, но, пожалуй, даже его запѣвалою и дирижеромъ!..

P. S. Сейчасъ въ только что пришедшемъ «Общемъ Дѣлѣ» я прочиталъ, что А. Л. Толстая выпущена изъ тюрьмы, въ числѣ другихъ арестованныхъ членовъ Комитета. Тѣмъ лучше. Говорятъ, будто все хорошо, что хорошо кончается. Но 1) кончилось ли? 2) существо факта тѣмъ не мѣняется, а становится даже какъ бы выразительнѣе. «Въ числѣ драки», какъ выражался одинъ персонажъ у Гл. Успенскаго, забрали, «въ числѣ драки» освободили... этакая же мерзкая полицейская игра людьми, будто пѣшками! Подумаешь, что дѣло идетъ не о крупной общественной дѣятельницѣ и дочери «великаго писателя Земли Русской», а о первой встрѣчной, взятой на улицѣ за дебошъ!

VIII

ВЫБОРГЪ И ПИТЕРЪ

Брожу по Выборгу—и радуюсь, и горюю.

Радуюсь, по человѣчеству, зрѣлищу культурнаго города, съ жизнью, бьющею ключемъ. Горюю — національно: сравнивая съ только что покинутымъ Петроградомъ.

Я не былъ въ Выборгѣ съ 1897 года. Онъ вспоминался мнѣ, какъ чистенькая и живописная «большая деревня» съ чопорными претензіями на городъ. Попадая въ Выборгъ, старинный петербуржецъ улыбался:

— Скажите, пожалуйста! отъ земли не видать, а туда же гримируется подъ Европу! Врешь, братъ: кишка тонка!

Рядомъ съ великолѣпнымъ Петроградомъ тогдашній Выборгъ казался карликомъ, котораго показываютъ вмѣстѣ съ великаномъ, чтобы еще больше подчеркнуть громадный ростъ этого послѣдняго.

За 1917—1921 годы я насладился прелестями Петрограда до пресыщенія, но передъ тѣмъ въ нашемъ знакомствѣ тоже былъ огромный—двѣнадцатилѣтній—перерывъ. Двѣнадцать лѣтъ для большого, столичнаго города, къ которому всею жизнью своею тянется великое государство, — срокъ, гораздо большій, чѣмъ двадцать четыре для маленькаго губернскаго. И, однако, помню свое глубокое разочарованіе при свиданіи съ Петроградомъ, въ первый разъ по возобновленіи:

— Да что же въ немъ перемѣнилось за двѣнадцать лѣтъ? Словно я только вчера его оставилъ! Развѣ лишь — что уѣхалъ я изъ Петербурга, а вернулся въ Петроградъ.

А вотъ Выборга я не узналъ бы, еслибы не высился надъ нимъ примѣтною твердынею, словно старый рыцарь въ каменномъ панцырѣ, живописный гигантъ «Линна», который русскіе называютъ, съ нѣжнымъ умягченіемъ, «Шлось», т. е. «Шлоссъ»—«замокъ»,—а на Торговой площади не пузатилась бы круглая бѣлая кубышка средневѣковой башни. Потому что,—если не размѣ-

рами своими, то всѣмъ характеромъ своей переродившейся физіономіи Выборгъ,—съ его циклопическимъ стильнымъ вокзаломъ, съ его величавыми банками, ратушей, крытыми рынками и новыми храмами, съ его нарядною, живою, хорошо мощеною улицею, съ его цвѣтущею Эспланадою, зелеными скверами и широкими плацами, съ его опрятностью и строгимъ полицейскимъ порядкомъ, съ его трамвайнымъ шумомъ и летомъ, съ его бравыми солдатами въ каскахъ французскаго образца, — рѣшительно смотритъ маленькой сѣверной столицей во вкусѣ германскихъ бывшихъ герцогскихъ и княжескихъ резиденцій. И я не скрою, что нашему брату, петроградскому бѣженцу, одичалому подъ совѣтскою властью, оборванному, отвычному отъ опрятной улицы и чистой, свободно и безтрепетно движущейся толпы, теперь прямо таки не ловко, конфузно, стѣснительно на стогнахъ того самаго города, надъ которымъ мы еще такъ недавно трунили покровительственно:

— Ну, что такое Выборгъ? Прихожая Петербурга! Въ немъ только крендели хороши, да и тѣ, поди, у насъ на Васильевскомъ острову нѣмцы пекутъ, а финны ихъ лишь скупаютъ да тайкомъ перевозятъ въ Выборгъ, чтобы было хоть что нибудь «свое» на торгу.

А теперь... вотъ тебѣ и крендели!.. «Кренделили» то, оказывается, не финны, а мы. И, покуда мы, предаваясь этому полезному занятію, прокренделились до утраты послѣднихъ штановъ и массоваго обращенія въ дикарское состояніе, финны выпекли изъ своего Выборго такой великолѣпный крендель, что намъ, горемычнымъ, глядя на него,—только руками разводить да облизываться: кушать подобное, увы, не по состоянію!

Что финны сдѣлали изъ своего маленькаго города-деревни! И что мы, русскіе, сдѣлали изъ своего огромнаго города-столицы!.. Передъ глазами такъ и стоитъ онъ—безмѣрное мертвенное привидѣніе — опустошенный, разграбленный, разрушенный Петроградъ, съ улицами-пустырями, съ кошмарными призраками домовъ-развалинъ.

Когда мы, петроградцы, начинаемъ оплакивать паденіе своего великаго города, оптимисты утѣшаютъ:

— Чего же вы хотите? Столица только что пережила и еще переживаетъ революцію.

Но, вѣдь, вотъ и въ этомъ маленькомъ Выборгѣ тоже была революція—и тоже недавно, да и какая! Петроградъ никогда еще не испыталъ ни взятія штурмомъ, ни настояще свирѣпаго и упорнаго уличнаго боя. Его Февральская революція тѣмъ и хвалилась, что была — «безкровная», Октябрьская досталась побѣдителямъ дешево, двумя выстрѣлами съ дряхлой «Авроры», и была кровава своими мстительными послѣдствіями, а не въ самомъ актѣ свершенія. А Выборгъ брали и красные, и бѣлые; и Шлоссъ ревѣлъ пушками, переплевывая черезъ городъ тучи снарядовъ, и углы домовъ отшибались осколками бомбъ, и шрапнель дождила по дворамъ, и люди рѣзались грудь съ грудью на улицахъ, разорялись магазины, винные погреба испускали рѣки дорогихъ напитковъ изъ разбитыхъ бочекъ... Все революціонно-бытовое было, какъ у насъ, но съ добавленіемъ революціонно-батальнымъ, котораго у насъ не было или почти не было.

Все было, но гдѣ же слѣды? Выборгъ смотритъ даже не излѣчившимся раненымъ, у котораго пустой ру-

кавъ или нога-деревяшка напоминаютъ о пережитой жестокой катастрофѣ. Нѣтъ, это здоровякъ, безъ рубца и шрама: уже и самъ почти забылъ о томъ, что когда то былъ раненъ, а новые знакомые, видя его въ этомъ цвѣтущемъ состояніи, едва вѣрятъ, будто, всего три года тому назадъ, онъ былъ изувѣченъ до того, что мало мало не отдалъ Богу душу... И такой то здоровый видъ — въ то время, какъ, по обычному говору и молвы, и газетъ, страна переживаетъ острый экономическій кризисъ, финская марка падаетъ и большевики на русской границѣ бряцаютъ оружіемъ. Слѣдовательно, — въ условіяхъ не очень то нормальныхъ и благопріятныхъ. Какого же процвѣтанія, значитъ, можно здѣсь ожидать въ условіяхъ жизни безусловно мирной и не угрожаемой?!

Петрограда штурмомъ не разоряли, однако, его можно принять за городъ, трижды, четырежды переходившій изъ рукъ въ руки враждебныхъ армій. Въ немъ не было большихъ пожаровъ, вродѣ того, что, года полтора тому назадъ, почти до тла уничтожилъ несчастную Вологду, которая съ тѣхъ поръ такъ и не можетъ оправиться и приподняться изъ пепла. И, однако, проспекты и линіи Васильевскаго острова, улицы Петербургской стороны (не исключая даже Каменноостровскаго), роты Измайловскаго полка, Пески и т. п. даютъ вамъ зрѣлище именно пожарища, растянутаго на цѣлыя версты. Мусоръ, остовы фундаментовъ, осыпающіяся печи и трубы. И—революція уже три года не гремитъ оружіемъ въ чертѣ столицы, а площади пожарища, чѣмъ бы застраиваться и уменьшаться, растутъ и множатся.

Петроградскія руины, въ громадномъ большинствѣ, созданы, дѣйствительно, работою огня. Но не тою, что вызываетъ черные или огненные шары на вышкахъ частей и бѣшеную скачку по улицамъ пожарныхъ машинъ, обсаженныхъ и обставленныхъ молодцами въ мѣднеблещущихъ шлемахъ. Не того огня, который заливаютъ и тушатъ, но того, который, напротивъ, поддерживаютъ, раздуваютъ и приходятъ въ отчаяніе, если онъ начинаетъ угасать. Робко и слабо мигаетъ и трещитъ онъ въ жаркихъ печуркахъ-«буржуйкахъ», сбитыхъ изъ стараго кровельнаго желѣза, дымныхъ, воняющихъ краскою, у которыхъ безотходно проводитъ день-деньской всю горемычную жизнь свою нынѣшняя петроградская обывательница — «домашняя хозяйка», какъ величаетъ ее «трудовая книжка». Въ зимній холодъ спереди жарясь, сзади подмерзая, лѣтомъ заливаясь потомъ,—топчется вокругъ огонька, неутомимо измышляя, какъ ей, съ одной, много двухъ канфорокъ, напитать голодающую семью, хоть безсодержательнымъ, да теплымъ варевомъ, напоить, хоть водою, да кипяченою, потому что въ сырой — тифъ и смерть.

Деревянный Петроградъ весь сгорѣлъ, изломанный на топливо,—даже не въ видѣ «дровъ», такъ какъ дровами топятъ печи, а куцыя «буржуйки» дровъ не вмѣщаютъ, требуютъ щепы. Да и гдѣ же въ Петроградѣ, за исключеніемъ комиссаровъ, крупныхъ спекулянтовъ, предсѣдателей доходныхъ «домкомбедовъ» и нѣкоторыхъ, любезныхъ власти, артистокъ и артистовъ (здѣсь Шаляпинъ, конечно, въ первой очереди), гдѣ же они, эти счастливцы, способные сожигать въ печахъ цѣлые капиталы въ валютѣ березовыхъ или сосновыхъ полѣньевъ? Нашъ братъ, интеллигентъ, упраздненный «соціали-

стическимъ отечествомъ» за ненадобностью, когда раздобывался дровишками, то пилилъ полѣно на кругляшки полуфутовой длины, а кругляшку рубилъ на четыре чурки, съ глубокимъ сожалѣніемъ, что нельзя на восемь. И какъ только вспомнишь, что лишь такимъ вотъ огнемъ, всю прошлую зиму, согрѣвались семьи въ шесть, семь и больше душъ, сбиваясь къ нему, кучею, въ одну комнату, гдѣ и ѣли, и спали, и работали, а больные и дѣти — тѣ и на дворъ ходили! Какъ вспомнишь только, что въ подавляющемъ большинствѣ обывательства эти «буржуйки», сію минуту раскаленныя до красна, часъ спустя уже холодныя, какъ ледъ, были единственнымъ источникомъ тепла на цѣлую квартиру въ три-четыре населенныя комнаты!.. Ахъ, ужъ эти зимніе петроградскіе вечера въ комнатахъ, безъ свѣта, съ заиндевѣлыми углами, съ тряпками или картонными заплатками на бѣлыхъ обледенѣлыхъ окнахъ, — вечера угрюмыхъ, безмолвныхъ людей въ рваныхъ шубахъ, дырявыхъ пальто, протоптанныхъ валенкахъ, въ лоскутьяхъ, когда то бывшихъ шарфами и кашнэ! Переутомленные дневною работою и ходьбою, голодные глаза жадно высматриваютъ, что еще въ домѣ осталось ненужнаго изъ деревянныхъ издѣлій, чтобы сунуть въ чуть тлѣющую буржуйку. А насмѣшливо уцѣлѣвшій градусникъ на стѣнѣ выразительно показываетъ — хорошо, если только 0, а то вѣдь, возможно, и—2,—3... значитъ, къ утру жди всѣхъ пяти ниже нуля!.. Я былъ, сравнительно, счастливъ: моя послѣдняя, третья петроградская квартира въ старомъ домѣ, кажется, еще Екатерининской стройки, удивительно держала тепло и температура у насъ никогда не падала ниже 3 град. R.,

обыкновенно же стояла на 5 град., а, въ сухіе солнечные морозы, баловала насъ даже 6—7 град!.. Работать у письменнаго стола было очень трудно: руки вскорѣ костенѣли, но сосѣди ходили къ намъ отогрѣваться и хвалили:

— Благодать!..

А утра, когда возставшіе, — вѣрнѣе очнувшіеся, — отъ сна безъ раздѣванія, чада и домочадцы стонутъ, плачутъ, ноютъ, воютъ, зубами стучатъ:

— Папа, затопи же, наконецъ! замерзаемъ!

А въ домѣ ни щепки!

— Сломай бюро... на что оно? — пустое стоитъ...

— Да вѣдь оно краснаго дерева?!

— Что же, красное дерево не будетъ горѣть, что ли?

— Работа Тура... по рисунку знаменитаго художника...

— Къ чорту и Тура, и художника: руби!

Бухаетъ топоръ, шипитъ - визжитъ пила... ура! въ буржуйкѣ засверкало пламя... да какое же оно красивое и благовонное!.. Неронъ сжегъ трупъ Поппеи на кострѣ изъ аравійскихъ ароматовъ, а въ эпоху Возрожденія банкиръ Фуггеръ затопилъ для Карла V каминъ корицею... Жалкіе хвастунишки! Мы, петроградцы, ежедневно побивали ихъ рекорды, кормя свою буржуйку краснымъ, пальмовымъ, палисандровымъ деревомъ, моренымъ дубомъ, эбеномъ, а ужъ о карельской березѣ, орѣхѣ, букѣ и т. п. — стоитъ ли и говорить!..

Къ глубокому моему сожалѣнію, пишу это не только по наблюденію, но и по собственному горькому опыту. Я лично вынужденъ былъ послѣдовательно сжечь, такимъ образомъ, штука за штукою, всю свою мебель

на первыхъ двухъ квартирахъ, съ которыхъ приходилось бѣжать, по мѣрѣ того, какъ холодъ приводилъ ихъ въ нежилое состоянiе: лопались трубы центральнаго отопленiя и водопровода, полы покрывались льдомъ, и забастовавшiй ватерклозетъ извергалъ на паркетъ всѣ свои нечистоты. Но на третьей, послѣдней квартирѣ, у насъ своей мебели уже не стало, а холодъ не щадилъ... пришлось уничтожать и чужую! Двери въ комнатахъ тоже сожгли. Къ моменту нашего бѣгства на квартирѣ, изъ дерева, уцѣлѣли только профессiональные — рояль моихъ сыновей музыкантовъ и мой письменный столъ, кровать, два-три кресла да вѣшалка. Все остальное пожрала она — ненасытная малютка-буржуйка.

И — о, злая насмѣшка судьбы! Передъ самымъ отъѣздомъ, я неожиданно получилъ возможность продать въ ревельское издательство «Библiофилъ» свою «Зачарованную Степь» и «Ваську Буслаева» и, послѣ трехгодичной почти совершенной безходицы, впервые опять получилъ кое какiя деньги. Прежде всего, мы, конечно, даже не устремились, а ринулись покупать дрова — и прiобрѣли полторы сажени за пустую сумму въ 150.000 рублей:*) конечно, отъ невскихъ матросовъ - пиратовъ, краденыя съ барокъ... И теперь... нѣтъ, если вы, читатель мой, давно изъ Россiи, вы не поймете эту дровяную трагедiю, ее въ состоянiи прочувствовать и оцѣнить только петроградецъ 1921 года!.. и теперь — подумайте только! — мы бросили въ покинутой квартирѣ полторы сажени — цѣлыя полторы

---

*) Сколькимъ миллiонамъ или миллiардамъ равняется это теперь?

1922. V. 16.

сажени! — совершенно приготовленныхъ пилкою и рубкою для буржуйки, отличнѣйшихъ дровъ... Ужъ хоть бы какимъ-нибудь добрымъ людямъ изъ сосѣдства досталась эта золотая розсыпь! А то, вѣдь, поди, какъ вскроютъ квартиру, захватитъ ее, увезетъ и спалитъ въ своей, и безъ того раскаленной, печкѣ, завѣдующій обыскомъ безпардонный чекистъ...

По исторической пословицѣ, Москва отъ копеечной свѣчки сгорѣла. А новый дорогой нашъ полупокойничекъ, блаженной памяти столичный городъ Петроградъ, понемножку да полегоньку погибъ-сгорѣлъ на медленномъ огнѣ «буржуекъ». Мелочно, оскорбительно, пошло сгорѣлъ — даже не бревно за бревномъ, даже не полѣно за полѣномъ, но щепка за щепкою. Уцѣлѣли, поскольку не развалились отъ дряхлости и нерадѣнія и не раскрадены усердіемъ здѣсь власти, тамъ домкомбѣдовъ, лишь огнеупорныя части: камень, металлы, стекло, бетонъ... А впереди — и близко, близко — опять зима... ужаснѣйшая изъ зимъ, потому что уже окончательно и безнадежно безтопливная !

IX

Г. УЭЛЛСЪ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ

Я не видалъ еще книги Уэллса о пребываніи его въ совѣтской Россіи, а потому не имѣю права и судить о ней. Печатные оффиціозы большевиковъ дѣлали изъ нея весьма торжествующія цитаты, изъ которыхъ явствовало, будто Уэллсъ расписалъ «соціалистическое отечество» самыми радужными красками, какъ нѣкій грядущій рай. Но цитаты большевиковъ источникъ ненадежный: В. Быстрянскій съ компаніей, по мѣрѣ на-

добности, сумѣютъ не то, что Уэллса, но даже «Отче нашъ» обратить въ свою пользу и будутъ развязно доказывать, будто «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь» предписываетъ Европѣ обязательство кормить правительство Р. С. Ф. С. Р. съ его красною арміей исключительно чрезъ посредство совѣтскихъ учрежденій, а «остави намъ долги наши» обозначаетъ «не надѣйтесь на уплату когда либо русскихъ долговъ». Въ безпорядочно достигавшихъ до Петрограда газетныхъ фельетонахъ Уэллса настроеніе автора было неуловимо: то онъ какъ будто кольнетъ большевиковъ и скептически подмѣтитъ въ ихъ раю нѣчто изъ мѣстечка совсѣмъ насупротивъ, то вдругъ расшаркается предъ ними и «восхвалитъ царствіе чумы». Видѣли мы кое какія перепечатки въ проскользавшихъ иной разъ сквозь большевистскія преграды французскихъ и итальянскихъ газетахъ, сдѣланныя безъ особаго интереса къ вопросу, въ тонахъ равнодушнаго нейтралитета. Въ нихъ конечный выводъ изъ наблюденій Уэллса читатель получалъ приблизительно въ томъ смыслѣ, что, молъ, по чистой правдѣ говоря, коммунистическій рай — большое свинство и для порядочныхъ націй не рекомендуется, но для Россіи какъ разъ это самое свинство и требуется и лучше не надо. Наконецъ, проникали къ намъ открытыя письма къ Уэллсу, помѣщенныя въ разныхъ органахъ русской эмигрантской печати; въ томъ числѣ, полныя негодованія, рѣзкія выступленія И. А. Бунина и Д. С. Мережковскаго. По нимъ можно было судить о г. Уэллсѣ весьма нелестно. Болѣе, чѣмъ нехорошо, говоритъ о немъ, и русская эмиграція разныхъ группировокъ, встрѣченная мною въ Финляндіи. И ужъ особенно нехорошо говорятъ англи-

чане, — русскіе англичане, прожившіе въ Россіи годы и годы на какой либо практической работѣ, успѣвшіе ее узнать и полюбить, глубоко признательные за достатокъ, который они въ ней пріобрѣли, и очень больно принимающіе къ сердцу ея нынѣшнее несчастіе и двойственную политическую игру съ русскимъ народомъ, ведомую ихъ собственнымъ отечествомъ. Словомъ, не читавъ книги, я не знаю, вполнѣ ли угодилъ г. Уэллсъ большевикамъ, но, во всякомъ случаѣ, ясно, что, кромѣ большевиковъ, онъ никому не угодилъ.

Книги я не знаю, но, по нѣкоторымъ цитатамъ въ заграничной печати и даже въ органахъ большевиковъ, я знаю, что г. Уэллсъ упоминаетъ въ ней о литературномъ банкетѣ, данномъ въ его честь въ петроградскомъ Домѣ Искусствъ, и (повидимому, въ тонѣ нѣкотораго недовольства) о рѣчи, мною произнесенной на этомъ банкетѣ. Этотъ эпизодъ, въ свое время довольно громко нашумѣвшій въ Петроградѣ, пожалуй, стоитъ воскресить въ памяти и разсказать.

Пріѣхавъ въ Петроградъ, Уэллсъ, кажется, предполагалъ остановиться въ нейтральномъ помѣщеніи «Дома Искусствъ», — по крайней мѣрѣ, туда онъ прежде всего объявился. Но, не найдя тамъ никого изъ завѣдующихъ, отправился къ М. Горькому и уже такъ у него и остался. Это было плохое предзнаменованіе для объективности его наблюденій. Съ какими бы намѣреніями и по чьему бы приглашенію онъ ни пріѣхалъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ, самъ не знающій языка страны и сопровождаемый сыномъ, который по русски тоже, кромѣ «комнатныхъ» словъ, ничего не смыслитъ, сразу попалъ въ очарованный кругъ ближайшихъ друзей, сотрудниковъ и сочувственниковъ господствующей

правительственной партіи. Такимъ образомъ, онъ отрѣзалъ себя отъ всей оппозиціи, т. е. подавляюще большей части петроградской интеллигенціи, непроницаемымъ кольцомъ. Это произвело въ Петроградѣ очень нехорошее впечатлѣніе, такъ какъ Горькій, «другъ Ленина», уже тогда началъ плотно окружаться тою двусмысленною репутаціей и непопулярностью полуправительственнаго человѣка, которыя сдѣлались его достояніемъ теперь. Было ясно, что Уэллсъ увидитъ въ Пėтроградѣ только то, что ему покажутъ, Горькій и его кружокъ. А вѣдь въ кружкѣ этомъ вхожіе, если не свои, люди и Красинъ, и Заринъ. Вспоминали, что на встрѣчѣ Новаго года у Горькаго былъ и танцовалъ даже «самъ» Зиновьевъ. Не знаю, встрѣчался ли Уэллсъ у Горькаго съ крупными тузами правительствующаго большевизма, но знаю, что людей иного лагеря онъ могъ видѣть и видѣлъ очень мало. А тѣ, которыхъ онъ видѣлъ, вынесли впечатлѣніе, для него невыгодное: не то это былъ человѣкъ, уже обработанный, не то человѣкъ, желающій быть обработаннымъ. Знаю, что нѣкоторые, относившіеся къ пріѣзду Уэллса очень энтузіастически до его появленія въ Петроградѣ, послѣ свиданія съ нимъ у Горькаго, недовѣрчиво насторожились и предпочли отойти въ сторонку, въ выжидательномъ молчаніи. Изъ такихъ я могъ бы назвать по имени, если бы имѣлъ на то разрѣшеніе и не боялся повредить человѣку, одного молодого, въ гору идущаго, беллетриста, сейчасъ играющаго замѣтную роль въ литературномъ Петроградѣ, человѣка очень умнаго и искусно нейтральнаго. Онъ былъ необходимъ группѣ Горькаго по своему блестящему знанію англійскаго языка — и даже спеціально Уэллсова языка, такъ какъ онъ

былъ редакторомъ послѣдняго русскаго перевода романовъ Уэллса. Однако, что то ему въ петроградской обстановкѣ своего любимаго автора не понравилось и отъ участія въ спектакляхъ съ знатнымъ иностраннымъ гастролеромъ онъ, побывавъ на нѣсколькихъ репетиціяхъ, уклонился.

Въ качествѣ чичероне, къ Уэллсу были приставлены М. И. Бенкендорфъ, личная секретарша М. Горькаго, и извѣстный критикъ и журналистъ Корней Ив. Чуковскій, новѣйшій петроградскій Фигаро по литературно-дѣльцовской суетнѣ и обычный оберъ-церемоніймейстеръ ею порождаемыхъ торжествъ и празднествъ. Въ то время онъ весьма сблизился съ Горькимъ по «Всемірной Литературѣ» и издательству З. И. Гржебина, и... такъ какъ въ этомъ кругу любятъ планетарныя сравненія, то употреблю и я таковое: вращался вокругъ Горькаго, какъ луна вокругъ земли или земля вокругъ солнца. Къ руководительству Уэллса названными лицами общество петроградское отнеслось опять таки очень недовѣрчиво и недоброжелательно. О г-жѣ Бенкендорфъ, не смотря на то, что она нѣсколько разъ была арестована, ходили слухи, какъ о новой прозелиткѣ побѣдоноснаго большевизма. О Чуковскомъ говорили, какъ о человѣкѣ, слишкомъ зависимомъ отъ Горькаго по множеству совмѣстныхъ дѣлъ, предпріятій и отношеній. Я не знаю, что именно въ Петроградѣ показывала Уэллсу г-жа Бенкендорфъ, но, кажется, дальше катанья по разрушеннымъ улицамъ дѣло не шло, да усердно посѣщались благотворительныя учрежденія, возникшія по инціативѣ Горькаго или состоящія подъ его протекторатомъ: пресловутый Домъ Ученыхъ, Домъ Искусствъ, «Всемірная Литерату-

ра» и т. п. Во «Всем. Литературу» Уэллса привезли почему то въ такое время, когда тамъ завѣдомо никого изъ литераторовъ не бываетъ, и онъ очутился, неизвѣстно зачѣмъ, предъ двумя-тремя служащими барышнями, изъ которыхъ ни одна по англійски не понимаетъ. Словомъ, Уэллсъ ѣздилъ и видѣлъ красивыя комнаты—здѣсь реквизированнаго дворца в. кн. Владимира Александровича (Домъ Ученыхъ), здѣсь — реквизированнаго дома Елисѣевыхъ (Домъ Искусствъ), тамъ — генеральши Хариной («Всемірная Литература»), что и должно было служить для него исходною точкою къ познанію заботъ новаго строя о нуждахъ науки, искусства и литературы. Чуковскій, считающійся (и вполнѣ справедливо) спеціалистомъ и знатокомъ по дѣтскому быту, свезъ Уэллса въ образцовую школу Тенишевскаго училища, гдѣ показалъ знатному иностранцу дюжины двѣ - три русскихъ дѣтокъ, которыя сердечно благодарили добраго дядю Уэллса за его прелестныя сочиненія и, вообще, вели себя, какъ дѣти благовоспитанныя, сытыя, здоровыя, игривыя, вполнѣ подтверждающія искренность пресловутаго совѣтскаго девиза — «все для дѣтей». Эту комедію Уэллсъ, кажется, понялъ и — не принялъ. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи онъ, неблагодарный, написалъ о ней что то, должно быть, очень нелестное, противъ чего г. Чуковскій въ петроградскомъ «Вѣстникѣ Литературы» вынужденъ былъ протестовать только что не слезно. Но, какъ ни груба была инсценировка, а, все-таки, свое дѣло сдѣлала. Частный случай Уэллсъ разобралъ и высмѣялъ, но, въ общемъ, воспѣлъ таки хвалы совѣтскому чадолюбію и школѣ. Что и требовалось доказать, такъ какъ большевикамъ только того и надо было, чтобы

язва ихъ школы, самая вонючая изъ ихъ язвъ, преподнесена была западно-европейскому обществу въ видѣ благоуханной розы. Я не думаю, чтобы г. Чуковскій дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ со злою волею сознательнаго лицемѣра, — нѣтъ, просто, увлекся человѣкъ усердіемъ гида-церемоніймейстера — показать товаръ лицомъ, что у насъ, молъ, все — какъ въ самыхъ лучшихъ домахъ, — и, что называется, «переборщилъ».

Признаюсь, молва о всемъ этомъ жонглерствѣ очень волновала меня. Я большой поклонникъ утопическихъ романовъ Уэллса и ждалъ отъ его пріѣзда очень большихъ результатовъ для Россіи — въ смыслѣ правдиваго освѣдомленія о ней западно-европейскаго общества. Онъ не первый изъ «знатныхъ иностранцевъ» пріѣхалъ въ совѣтскую Россію съ освѣдомительными цѣлями, но его литературный авторитетъ, его всемірная извѣстность, его публицистическое умѣнье, ставили его на двѣ головы выше предшественниковъ, не исключая Ф. Нансена. Если этакая огромная сила будетъ одѣта большевиками въ розовыя очки, — эта опасность сулила неизмѣримый вредъ русскому обществу, которое, въ то время, еще полно было наивною вѣрою, будто мы страдаемъ такъ много только потому, что Европа плохо освѣдомлена о нашихъ страданіяхъ — и, не зная ихъ, не довѣряя имъ, не спѣшитъ насъ выручать.

И вотъ я рѣшился написать Уэллсу письмо — обширное изложеніе фактовъ текущей петроградской жизни, по преимуществу, въ средѣ интеллигенціи. Написалъ я его по русски и, не надѣясь на собственное свое весьма слабое знаніе англійскаго языка, хотѣлъ дать его для перевода одному изъ университетскихъ

профессоровъ-филологовъ, который, подобно мнѣ, возмущался воздвигнутой вокругъ Уэллса стѣной и опасался фальсификаціи имъ (невольной, конечно, какъ предполагали мы тогда) русскихъ данныхъ въ глазахъ европейскаго общественнаго мнѣнія. Съ этимъ намѣреніемъ я принесъ письмо на знаменитый обѣдъ, который, въ честь Уэллса, далъ «Домъ Искусствъ», съ приглашеніемъ почти что всѣхъ, еще уцѣлѣвшихъ тогда, силъ литературнаго Петрограда.

Я не собирался говорить на банкетѣ, — вѣрнѣе, думалъ ограничиться двумя-тремя привѣтственными словами, насколько хватитъ моего англійскаго языка. Но къ привѣтствіямъ у меня пропала всякая охота послѣ первой же очередной рѣчи предсѣдателя, М. Горькаго. Онъ утопилъ Уэллса, какъ муху въ вареньи, въ комплиментахъ и хвалахъ за то, что онъ, этакій великій, пріѣхалъ собственными глазами видѣть, какъ живемъ мы послѣ революціи. Затѣмъ продолжали потопленіе мухи въ вареньи С. Ф. Ольденбургъ, К. И. Чуковскій (конечно, опять о дѣточкахъ и добромъ дядѣ Уэллсѣ) и др. Становилось приторно, тошно, скучно, словно на старинныхъ казенныхъ «юбилеяхъ 25-лѣтней безупречной дѣятельности». Уэллсъ въ отвѣтной рѣчи весьма одобрилъ русскихъ, за то, что они подарили міру такую образцовую революцію, но предупреждалъ, чтобы русскіе революціонеры-побѣдители не очень то разсчитывали, будто Европа послѣдуетъ ихъ примѣру, а, въ особенности, Англія. У насъ, — говорилъ онъ, — вѣроятно, тоже будетъ вскорѣ революція, но совсѣмъ не такая; у васъ по вашему, а у насъ по нашему, вы понимаете коммунизмъ этакъ, а мы такъ, — каждому свое. Сперва намеками, потомъ прямыми словами зая-

вилъ, что Англія много виновата предъ Россіей, которую она втянула въ войну, не одобрилъ Антанту и пр. Онъ ворчалъ все это себѣ подъ носъ, по англійски, а М. И. Бенкендорфъ переводила, какъ успѣвала, изъ пятаго въ десятое. Было бы смѣшно, если бы не было скучно. Потомъ опять полились сиропы славословій въ честь знаменитаго гостя. Художникъ-большевикъ Пунинъ прокричалъ благимъ матомъ что то кубически дерзновенное — вродѣ многолѣтія новому коммунистическому искусству, которое, дескать, всѣмъ вамъ ужо покажетъ кузькину мать... Ничего, проглотили и это удовольствіе!.. Публика была настроена чрезвычайно смирно и добродушно. Еще бы! въ кои то вѣки она сидѣла, какъ въ былые годы, за хорошо сервированнымъ столомъ и ѣла настоящій обѣдъ, съ мяснымъ супомъ, жаркимъ, сладкимъ, съ конфектами къ чаю. Петрокоммуна расшиблась для знатнаго иностранца: одного мяса прислала 9 пудовъ, такъ что затѣмъ потребители столовой Дома Искусствъ чуть ли не цѣлую недѣлю имѣли основаніе благословлять пріѣздъ Уэллса!.. За обѣдомъ всего не съѣли, а остатки, понятно, не выбрасывать же собакамъ — въ голодномъ то Петроградѣ! — пусть лучше литераторы съ художниками «сожрутъ». Правильно и невозразимо. Сытое общество вело себя благонравнѣе даже дѣточекъ, которыми умилялъ насъ краснорѣчивый К. И. Чуковскій. А. М. Пѣшкову оставалось только смотрѣть, слушать и радоваться на розовый вертоградъ доброчинія и добродушія, который, неугомонно говоривъ два часа подрядъ, за всѣ два часа не сказалъ ни одного путнаго, искренняго, задушевнаго слова о своихъ насущныхъ нуждахъ, заботахъ, дѣлахъ и интересахъ...

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розамъ, какъ нарочно,
Привилась полынь!..

Полынный элементъ внесъ молодой ученый, когда ученикъ, другъ и секретарь покойнаго М. М. Ковал скаго. Въ очень сдержанномъ тонѣ, спокойно, бе фразъ и декламаціи, онъ указалъ почтенному соб нію, что любить и хвалить знаменитаго гостя дѣло худое, однако, не затѣмъ же Уэллсъ пріѣхалъ къ на чтобы слушать наши комплименты, и не затѣмъ же собрались сегодня, чтобы состязаться въ оныхъ. На представляется рѣдкій случай раскрыть предъ европ скимъ свидѣтелемъ отрицательныя стороны наш ужасной жизни, обмѣняться въ его присутствіи мыс ми и мнѣніями объ ея улучшеніи: неужели мы пре бrежемъ такою исключительною возможностью?.. Я ручаюсь за точность выраженій, но смыслъ рѣчи бы таковъ и, повторяю, она была парламентски умѣрен и, будучи полна внутренней горечи, освѣщаясь безспо ностью угрюмыхъ фактическихъ истинъ, не заключа въ себѣ рѣшительно ничего вызывающаго, «лѣзуща на рожонъ»...

Тѣмъ нелѣпѣе и некрасивѣе вышло ея ближайш непосредственное послѣдствіе.

Едва молодой ученый окончилъ свою рѣчь, п громкихъ апплодисментахъ собранія, наконецъ, проб жденнаго отъ спячки настояще сказаннымъ словом какъ Горькій, съ недовольнымъ, кислымъ лицом всталъ и отдалъ, во всеуслышаніе, нижеслѣдующу команду по фронту:

— Господа, имѣется запись еще нѣсколькихъ ораторовъ. Такъ я ихъ прошу — обойтись въ своихъ рѣчахъ безъ ламентацій. Для нашего гостя онѣ будутъ неинтересны, да и, вообще, ламентаціи — это безполезно и смѣшно.

Я знаю Горькаго семнадцать лѣтъ. Знаю его способность, наскучивъ искусственною выдержкою, срываться въ естественную безтактность и сказать неожиданную грубость, сдѣлать внезапный некрасивый жестъ... Но теперь я едва ушамъ своимъ повѣрилъ. Слышать Горькаго полицейскимъ, деспотическимъ цензоромъ отъ большевизма, зажимающимъ ротъ свободному дѣльному слову смѣлаго оратора, — на этакій сюрпризъ отъ него я никогда не надѣялся...

— Почему?! — громкимъ невольнымъ вопросомъ бросилъ я ему черезъ столъ.

Онъ не отвѣтилъ, но ко мнѣ подбѣжалъ Чуковскій и, наклонившись сзади, быстро заговорилъ:

— Потому что могутъ закрыть Домъ Искусствъ...

Я возразилъ:

— Если существуетъ такая опасность, то не слѣдовало въ Домѣ Искусствъ устраивать политическаго банкета. А, разъ устроенъ политическій банкетъ, то уже поздно считаться съ такою опасностью. Уэллсъ произнесъ чисто политическую рѣчь. Почему же лишаются того же права отвѣчающіе ему ораторы?

Рѣдко въ жизни моей я былъ болѣе взволнованъ, разстроенъ, возмущенъ. Кажется, никакое личное оскорбленіе не потрясло бы меня съ такою обидною, мучительною силою, какъ эта выходка Горькаго. Во мнѣ все дрожало. Словно, вдругъ, любимую женщину увидалъ въ блудѣ и позорѣ. И я почувствовалъ всѣмъ

существомъ своимъ, что теперь, послѣ этого генеральскаго окрика на общество, на товарищей по перу, на свободному (!) слову, я не могу молчать, я не имѣю права молчать, и что теперь долженъ говорить уже не для Уэллса, а для присутствующихъ русскихъ. И то письмо, которое я думалъ передать Уэллсу, какъ личную информацію, — вмѣсто того, я вынулъ его изъ кармана и прочелъ громко...

Впослѣдствіи, оно много гуляло по Петрограду въ спискахъ, а теперь, послѣ моего бѣгства, вѣроятно уже напечатано или печатается въ Эстоніи. Содержаніе его, въ общихъ чертахъ, было таково:

— Уэллсъ, соединяющій въ себѣ соціолога и художника, прекрасно сдѣлалъ, что пріѣхалъ въ Россію: онъ одинъ изъ немногихъ европейскихъ писателей, способныхъ разобраться въ хаосѣ нашихъ по-революціонныхъ бѣдствій. Но, чтобы разбираться, надо видѣть. А увидитъ ли онъ? Я желаю ему избѣжать общей участи «знатныхъ иностранцевъ», которые, пріѣзжая въ Россію, какъ при старомъ режимѣ попадали, такъ и при новомъ попадаютъ обязательно въ руки правительственной партіи или ея агентовъ и одѣваются ею въ розовыя очки. Желаю, но плохо надѣюсь на это. Наша жизнь сейчасъ ужасна не только по нуждѣ — она отвратительно переполнена страхомъ и ложью. Все, что вамъ, г. Уэллсъ, показываютъ и выдаютъ за положительныя явленія нашего новаго быта, все это либо самообманъ, либо сознательная ложь. Ложь — и этотъ банкетъ, которымъ мы васъ чествуемъ. Вы видите насъ въ прекрасно освѣщенномъ, богато убранномъ залѣ, сидящими за хорошо сервированнымъ столомъ, вкушающими недурной

обѣдъ, довольно прилично одѣтыми. Но, если бы вамъ пришла экстравагантная идея попросить насъ снять съ себя верхнее платье, едва ли хоть одинъ изъ насъ былъ бы въ состоянiи исполнить ваше желанiе, потому что на насъ, подъ приличною внѣшнею оболочкою, скрываются, вмѣсто бѣлья, дырявыя немытыя лохмотья. (Почему то именно это мѣсто моей рѣчи, повторенное Уэллсомъ въ одной изъ своихъ статей, усиленно перепечатывалось затѣмъ заграничною прессою). И, когда вамъ говорятъ тутъ высокiя слова о вашихъ творенiяхъ, объ искусствѣ, о творчествѣ и пр., повѣрьте — это лишь условное краснорѣчiе языка!. А головы, въ это самое время, заняты мучительнымъ соображенiемъ, что вотъ я то сейчасъ ѣмъ, а есть ли у меня хоть какой нибудь шансъ промыслить на завтра роковую обязательную тысячу рублей, чтобы накормить хлѣбомъ голодную, плачущую семью. Какая ужъ тамъ литература, искусство, наука, когда за полтора года вымерло отъ голода, холода и непосильнаго труда 150 человѣкъ — литераторовъ, поэтовъ, ученыхъ! Когда я собственными глазами видѣлъ на рынкѣ, какъ старая, почтенная, заслуженная писательница стащила съ прилавка кусокъ сала, — и она видѣла, что я вижу, и, все-таки, украла, потому что дома ждали ее полуживые отъ голода внуки. Такая же ложь и самообманъ вся мнимо трудовая помощь, которою якобы спасается отъ гибели наша интеллигенцiя. По существу, это лишь замаскированныя богадѣльни, куда новый строй, съ презрительной снисходительностью, сталкиваетъ классъ, ему ненужный, въ той части его, которую онъ почитаетъ безопасною. О какой культурѣ можно говорить, когда кругомъ все

поглощается рецидивомъ варварства, дичаетъ, превращается въ пустыни, вымираетъ? Чуковскій показывалъ вамъ дѣточекъ, которыя въ восторгѣ отъ вашего «Острова доктора Моро», гдѣ звѣрей передѣлывали въ людей, — я допускаю, что можно собрать нѣсколько десятковъ такихъ умныхъ дѣточекъ. Но я берусь показать вамъ десятки тысячъ дѣточекъ, которыхъ самихъ надо было бы отправить для передѣлки на островъ доктора Моро, потому что на нихъ уже образъ звѣриный, а не человѣческій...

И такъ далѣе. Меня, что называется, прорвало и помчало.

Я кончилъ среди мертваго молчанія и, нѣсколько секундъ, считалъ себя безнадежно провалившимся. Апплодисменты раздались, лишь когда публика опомнилась отъ ошеломленія моей дерзостью... Стали ко мнѣ подходить съ поздравленіями, рукопожатіями и — съ предостереженіями...

Горькій сидѣлъ съ сердитымъ лицомъ и бѣлый, какъ скатерть.

Я еще вначалѣ моей рѣчи замѣтилъ, что ее перестали переводить Уэллсу. Но и Уэллсъ замѣтилъ, что происходитъ, за его обѣдомъ, что то неожиданное и не по расписанію. Встревожился, спросилъ одного изъ близъ сидящихъ, хорошо владѣющаго англійскимъ языкомъ, въ чемъ дѣло. Тотъ двусмысленно отвѣтилъ, что Амфитеатровъ произноситъ «не для всѣхъ пріятную» рѣчь... Тотъ же Чуковскій подбѣжалъ ко мнѣ съ порученіемъ отъ Уэллса — получить отъ меня списокъ рѣчи.

— Но она, во первыхъ, не кончена, въ рукописи нѣтъ многаго изъ того, что я говорилъ, а, во вторыхъ, — здѣсь только русскій текстъ.

— Это ничего, мы переведемъ.

Я отдалъ рукопись, но, вслѣдъ затѣмъ, ко мнѣ подошелъ тотъ самый молодой, тактичный беллетристъ, о которомъ я упоминалъ выше.

— Кому вы передали свою рѣчь?

Я назвалъ.

— Зачѣмъ?

Я объяснилъ. Тогда онъ, глядя въ сторону, выразительно произнесъ:

— Гмъ... жаль... Богъ знаетъ, какъ они ее переведутъ... Я, знаете, сейчасъ сидѣлъ, вслушивался, какъ вообще переводились рѣчи... ужасно неточно... недомолвочно...

— Вы хотите сказать...

— Только то, что англичане любятъ, чтобы на ихъ языкѣ выражались правильно, — поспѣшно заключилъ онъ и отошелъ съ любезно дипломатической улыбкой.

Я понялъ и рукопись отобралъ обратно. А черезъ день она, въ хорошемъ переводѣ и въ двухъ экземплярахъ, была мною вручена для передачи Уэллсу — одна копія С. Ф. Ольденбургу, къ которому я лично занесъ ее на квартиру въ Академію Наукъ, другая — М. И. Бенкендорфъ, во «Всемірной Литературѣ». Полагаю, что, отправленныя такими путями, рукописи не могли не дойти по назначенію.

А на банкетѣ, заключая его предсѣдательскимъ словомъ, А. М. Горькій выкинулъ еще новую штучку.

— Мы тутъ много наговорили, — сказалъ онъ, — и нужнаго, и ненужнаго. Нашъ гость разберется въ

этой кучѣ и, быть можетъ, найдетъ въ ней жемчужное зерно. (NB. Недурно и для ораторовъ банкета, да и для Уэллса, произведеннаго предсѣдателемъ въ дурака-пѣтуха изъ крыловской басни!) А еще я замѣчу вотъ что. Изъ рѣчей нѣкоторыхъ ораторовъ выяснилось, что они недовольны революціей. Между тѣмъ эти ораторы сами недавно дѣлали революцію... Такъ не дѣлали бы!

И, быстро повернувшись, пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, прочь отъ стола, прежде чѣмъ ему спохватились отвѣтить. Съ мѣстъ, занятыхъ свитою, послышалось подобострастное хихиканье.

Впрочемъ, послѣднее слово осталось, всетаки, не за нимъ. Его произнесъ — тихо, но внятно среди всеобщаго молчанія, на весь залъ, — сидѣвшій, мѣста черезъ два или три отъ меня, пожилой литераторъ-критикъ, смирный человѣкъ, извѣстный кротостью своего нрава, въ жизнь свою мухи, вѣроятно, не обидѣвшій и, бывало, приводившій всѣ редакціи въ отчаяніе безмѣрною снисходительностью своихъ благожелательныхъ рецензій...

Но это послѣднее слово, неожиданно сорвавшееся съ устъ столь вѣжливыхъ и ласковыхъ, прозвучало уже настолько выразительно, что повторить его печатно я не нахожу удобнымъ.

X

ОДНА ИЗЪ МНОГИХЪ

Нѣчто бытовое.

Эту барышню привели ко мнѣ хорошіе люди, добрые знакомые, въ январѣ 1919 г.

Громкая фамилія, съ титуломъ. Хорошенькое изящное существо съ васильковыми глазами. Остатки приличнаго туалета, но въ столь потертомъ и штопанномъ видѣ, что дѣло явное: на плечахъ послѣднее и смѣнки нѣту.

— Чѣмъ могу служить?

— Не найдется ли у васъ связей — похлопотать за маму?

Мама, старуха 60 лѣтъ, взята три мѣсяца тому назадъ на Гороховую 2, а теперь лежитъ въ больницѣ Женской тюрьмы, тяжело больная воспаленіемъ почекъ. Опасна, едва ли выживетъ. Обвиняется въ контръ-революціи. Улики — громкая аристократическая фамилія, офицерство въ роднѣ и записка арестованной къ управляющему ея собственнымъ домомъ, съ предписаніемъ:

— Устройте къ моему пріѣзду все, согласно условію, какъ можно старательнѣе.

Арестованная и управляющій объясняютъ, что записка относится къ 1915 году и говоритъ о произведенномъ тогда въ квартирѣ домовладѣлицы ремонтѣ. Слѣдователь Чрезвычайки настаиваетъ, — «по внутреннему убѣжденію», — что записка прошлогодняя, 1918 г., и прикрываетъ своею тайною конспиративную квартиру монархическаго заговора.

— И, кромѣ этой записки, ничего?

— Рѣшительно ничего. Да и не могло быть ничего. Мама женщина безусловно аполитическая. Страдаетъ за фамилію.

Когда мать арестовали, дочери въ Петроградѣ не было, гостила въ глухой провинціи. Возвращаясь въ Петроградъ, она не подозрѣвала своей бѣды. Добралась,

подъ тяжестью дорожнаго мѣшка, съ вокзала домой — и нашла квартиру запечатанною, а сосѣдей, которыхъ она стала разспрашивать про мать, настолько перепуганными, что съ нею и говорить не хотѣли, и ночевать не пустили. Къ счастію, она имѣла адресъ вотъ этихъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, которые теперь ее ко мнѣ привели, и они дали ей пристанище.

Они же помогли ей найти въ Петроградѣ отца. Онъ былъ въ ссорѣ съ женою и жилъ врозь съ нею, подъ чужимъ именемъ, потому что громкая фамилія угрожала опасностью и ему. Появленіе дочери скорѣе испугало его, чѣмъ обрадовало. Къ тому же, она нашла его очень измученнымъ только что отбытою инфлюэнцою. А двѣ недѣли спустя, онъ схватилъ «сыпнякъ», который и унесъ его въ могилу.

Отецъ на кладбищѣ, мать въ тюрьмѣ. Свиданія съ мамою дочь не могла добиться. А послѣ ряда повторныхъ отказовъ, получила отъ одной сострадательной чекистки (бываютъ и такія!) совѣтъ — лучше и не добиваться больше. — А то сами сядете, и тогда кто же, «съ воли», будетъ хлопотать за вашу мамашу и носить ей «передачи»? А на тюремномъ пайкѣ она въ недѣлю помретъ.

Несчастіе положительно гналось за дѣвушкой. Она долго не находила въ Петроградѣ никого изъ своей когда то многочисленной родни. Одни разстрѣляны, другіе эмигрировали, третьи на Шпалерной и въ Крестахъ, четвертые дерутся гдѣ то на бѣломъ фронтѣ. Наконецъ, нашла дядю, брата матери, но тоже не надолго. Онъ, человѣкъ уже очень старый, показался племянницѣ не въ своемъ умѣ. Пережитые во время революціи страхи довели его до глубокой меланхоліи, съ

маніей преслѣдованія, и, въ одинъ изъ припадковъ тоски, онъ застрѣлился, надѣлавъ тѣмъ своему «домкомбѣду» большихъ хлопотъ.

— Ну, хочешь свою жизнь прекратить, удавись, утопись, зарѣжься, отравись... А то — стрѣляться! Теперь Ч.К. замучаетъ розыскомъ, почему у покойнаго оказался въ цѣлости револьверъ, да не было ли тутъ склада оружія или конспиративной квартиры бѣлыхъ.

По просьбѣ осиротѣвшей дѣвочки, я отправился хлопотать. М. Горькій сказалъ, что знаетъ дѣло, — пустое, скоро выпустятъ. Однако, не выпустили. Былъ у меня на подобные случаи нужный человѣкъ, недавній, но вліятельный коммунистъ изъ бывшихъ эсъ-эровъ. Къ нему. Онъ навелъ справки: нѣтъ, крѣпко сидитъ старуха, ничего нельзя сдѣлать.

— Да въ чемъ ее обвиняютъ? за что она взята?

— Въ томъ то и бѣда, что не знаютъ, за что.

— ?! ?! ?! ?! . . .

— Ну, да, фактовъ никакихъ, но... подозрительная бѣлогвардейская фамилія... родня... внутреннее убѣжденіе слѣдователя...

— Да что же значитъ внутреннее убѣжденіе слѣдователя при полномъ отсутствіи уликъ? Въ такихъ случаяхъ прекращаютъ слѣдствіе и отпускаютъ на свободу...

— Ну, это какъ когда и кого... Иной разъ и къ стѣнкѣ ставятъ...

— За то, что не знаютъ... за что?!

— За то, что не знаютъ, за что...

— Пріятно слышать!

— Но за старуху вы не опасайтесь: покуда она въ больницѣ, безопасна, — такихъ не разстрѣливаютъ. . .

Вотъ, когда выздоровѣетъ, другое дѣло, — кто ее знаетъ, какъ повернется.

— А есть шансъ на освобожденіе?

— Если чистосердечно сознается, можетъ быть...

— Въ чемъ сознается?

— Въ томъ, за что арестована.

— Да вѣдь вы же говорите, что въ ЧК не знаютъ, за что она арестована?

— Не знаютъ.

— Такъ ей откуда же знать?

— Ну, какъ ей про себя не знать!

— Да если ей нечего про себя знать?!

— Всегда найдется, что...

— Значитъ, по просту, она должна себя оговорить?

— Не оговорить, а сознаться.

— О, Боже мой! не все ли равно, что въ лобъ, что по лбу?

— Нѣтъ, не все равно. Оговорить значитъ солгать, а отъ нея ждутъ правдиваго показанія.

— Да если его быть не можетъ? если ему неоткуда взяться?

— Ну, стало быть, и пусть сидитъ, покуда откуда нибудь возьмется.

— И тогда вы ее освободите?

— Можетъ быть, и освободимъ... смотря по показанію...

— А, можетъ быть, и разстрѣляете?

— Можетъ быть, и разстрѣляемъ... смотря по показанію...

— Ну, а свиданіе дочери съ матерью возможно?

— А вотъ, когда сознается, тогда и свиданіе...

И опять закружилась сказка — только ужъ не про бѣлаго, а про краснаго бычка! «Поди туда, не знаю, куда; принеси то, не знаю, что»...

Арестованная оказалась женщиною упрямою. Такъ и не доставила ни себѣ, ни слѣдователю удовольствія узнать, въ чемъ ее обвиняли, и, не выжидая разстрѣла — «не знаемъ, за что», — проявила непростительное своевольство: умерла самостоятельно. Дочь же, тѣмъ временемъ, нашла себѣ пріютъ, если очень скромный, то постоянный и надежный: у одной женщины, которая когда то служила въ ихъ семьѣ нянею, а теперь пробавляется по малости мелочною продовольственною спекуляціей, къ чему пригласила и бывшую свою барышню. Послѣднюю я почти совершенно пересталъ видать у своихъ знакомыхъ (впрочемъ, они и сами вскорѣ уѣхали въ Латвію), но за то часто встрѣчалъ ее на улицѣ, то въ трамваѣ, то пѣшую, всегда съ мѣшкомъ обличительно спекулятивнаго вида за плечомъ и съ дѣловою заботою въ напряженно вглядчивыхъ васильковыхъ глазахъ. Очень загорѣла, огрубѣла, пожалуй, подурнѣла, но смотрѣла сытою и здоровою и одѣта была чище, не въ такое тряпье, какъ носила въ послѣднее время. Встрѣчалъ я эту новобранку мѣшечничества иногда одну, иногда съ ея сожительницей и покровительницей, нянею, довольно симпатичною пожилою толстухою, передъ здоровьемъ которой и накопленнымъ, за пятьдесятъ лѣтъ жизни, жиромъ, даже совѣтскій голодъ спасовалъ. Носъ у нея былъ утиный, глаза круглые, желтые, зоркіе; манеры учтивыя, хорошо выдержанной старой прислуги; очень неглупая, сдержанная, разборчивая въ выраженіяхъ, рѣчь. Говорить съ ними обѣими было интересно. Мѣшечничая, онѣ часто вы ѣз-

жали въ Лугу, Званку, Вологду, Псковъ, Витебскъ, много видѣли, хорошо ознакомились и съ «властью на мѣстахъ», и съ «деревенскою мелкою буржуазіей», т. е. крестьянствомъ, переживали опасныя столкновенія съ заградительными отрядами, — вообще, купались въ авантюрѣ спекуляціи. И очень хорошо разсказывали свои приключенія, въ особенности, старуха. Однажды я встрѣтилъ ихъ въ трамваѣ возвращающимися откуда то съ Приморской дороги, подъ бременемъ огромныхъ мѣшковъ съ картофелемъ. Посмотрѣлъ я и только подивился, какъ у этой семнадцатилѣтней, хрупкой на видъ, барышни спина не переломилась. А она смѣется и увѣряетъ, будто привыкла, и ей нисколько не тяжело.

— Вотъ такого мѣшка, какъ Миша носитъ, — не похвалюсь,— не подниму,—указала она мнѣ на сопровождавшаго ихъ парня лѣтъ восемнадцати. — Сынъ моей няни, — пояснила она, — вмѣстѣ съ нами работаетъ.

Парень былъ обычнаго совѣтскаго мелко-служилаго типа, — подержанная копія съ своего комиссара: многолѣтне замасленная и потрескавшаяся шведская куртка, высокіе сапоги, кожаный блинъ на головѣ. Мѣшокъ при немъ былъ, дѣйствительно, чудовищный, занялъ чуть не треть площадки, такъ что кондукторша вступила было съ парнемъ въ перепалку, но онъ, съ энергической помощью своихъ спутницъ, счастливо отгрызся. Сходство его съ матерью было поразительно: то же пухлое, веснушчатое лицо, тотъ же утиный носъ, тѣ же толстыя губы, тѣ же круглые желтосѣрые глаза, только безъ материнской смышлености. Напротивъ, парень показался мнѣ дураковатымъ. Мѣшокъ далъ ему себя знать: онъ былъ краснѣе вареного рака и

всѣмъ лицомъ блестѣлъ въ испаринѣ, какъ лакированный.

— Служитъ?

— Да, курьеромъ или чѣмъ то въ этомъ родѣ при Совнархозѣ... очень удобно, достаетъ намъ разрѣшенія на поѣздки въ нѣсколько минутъ...

— При матери живетъ?

— Да, мы всѣ вмѣстѣ.

— У васъ большое помѣщеніе?

— О, нѣтъ, гдѣ же! одна комната... знаете, какъ теперь съ топливомъ... ютимся, какъ всѣ, около плиты...

— Не стѣснительно это вамъ?

— Нѣтъ, ничего, мы ширмами разгородились. Да Мишу мы почти никогда и не видимъ дома. Является только поздно вечеромъ, а весь день либо въ бѣгахъ по службѣ, либо мѣняетъ что нибудь за городомъ...

Эта наша встрѣча была послѣднею предъ очень долгимъ перерывомъ, во время котораго я, признаться, совсѣмъ позабылъ о существованіи барышни. Въ іюлѣ этого года, подъ вечеръ, прохожу Александровскимъ скверомъ.

— Александръ Валентиновичъ! — окликнулъ меня молодой женскій голосъ.

Гляжу: съ одной скамьи у пребезобразнаго памятника Пржевальскаго съ его мохнатымъ верблюдомъ поднялась и направляется ко мнѣ бѣлая фигура, одѣтая по новой модѣ пролетарски франтящаго Петрограда: юбка по колѣно, бѣлая шляпа-повязка, самодѣлка, коробкомъ, сотрясающіяся безкорсетныя перси. На рукахъ — пакетъ съ младенцемъ.

— Вы?!

— Какъ видите. Не ожидали?

— Да... однако, перемѣнились же вы!

— Да... знаете, жизнь то летитъ... вотъ, между прочимъ, замужъ вышла...

Это «между прочимъ» прозвучало восхитительно. Да и вообще мудрено было признать прежнюю скромную, изящную барышню, съ потупленными васильковыми глазками, въ этой развязной молодицѣ, съ смѣлымъ прямымъ взглядомъ, который говорилъ безъ словъ: — Мы, братъ, всякіе виды видали и насъ теперь уже ничѣмъ не испугаешь и не смутишь...

— Поздравляю... Кого же это вы осчастливили «между прочимъ»?

— А вотъ... вы его видѣли однажды...

Она кивнула въ сторону скамьи, ею оставленной. Я приглядѣлся — тамъ сидѣлъ, уперши руки на широко разставленныя колѣни, тотъ самый круглолицый, круглоглазый, толстогубый Миша, съ которымъ, полтора года тому назадъ, я встрѣтилъ ее на трамваѣ. Теперь онъ, видимо, процвѣлъ, потому что выглядѣлъ уже совершеннымъ пролетарскимъ франтомъ; весь такъ и сіялъ въ новенькой кожѣ. Замѣтивъ, что я смотрю на него, всталъ и раскланялся, въ довольно комическомъ смѣшеніи конфуза съ самодовольствомъ . . .

Должно быть, на лицѣ моемъ изобразилось изрядное изумленіе, потому что собесѣдница моя нервно передернула плечами и, отвернувъ глаза въ сторону, произнесла съ нѣкоторою запинкою:

— Д-да, вотъ... что подѣлаешь?.. Знаете, когда живешь въ такой тѣснотѣ... одна комната...

Но вдругъ, видимо обозлившись на себя, зачѣмъ она какъ будто оправдывается, оборвала и жестко, грубо, съ вызовомъ заговорила:

— Ну, да и, наконецъ, вѣдь жить же надо... Что же, въ самомъ дѣлѣ? Жизнь не ждетъ, молодость проходитъ... Мнѣ уже двадцатый годъ.

— Будто это ужъ такъ много? — замѣтилъ я.

Она пожала плечами и возразила:

— Много не много, а... ну, словомъ... слушайте: для кого бы я себя берегла?... Городъ для меня сталъ какъ пустыня.... все одна да одна... Не пропадать же было...

Она споткнулась на словѣ, но оправилась и смѣло договорила:

— Какою то сухою смоковницею...

— Отъ этой опасности вы себя уже застраховали, — сказалъ я, указавъ глазами на ея младенца. — Но... неужели ужъ такъ необходимо было торопиться и нельзя было подождать . . . лучшаго выбора?

— Чего ждать то? — жестко перебила она. — Прекрасныхъ рыцарей изъ прежняго общества? Такъ вымерли они или такъ далеко отъ насъ, что, пожалуй, даже «тотъ свѣтъ» ближе... Впрочемъ, троихъ знаю еще здѣсь... Одинъ служитъ по трамваю вагоновожатымъ, а двое другихъ, ужъ не взыщите, поступили агентами въ Чрезвычайку... Согласитесь, что...

Она сухо засмѣялась, пожавъ плечами. И продолжала:

— Чего ждать? Бѣлаго переворота, что ли? Антанты? Вольнаго города Петрограда? Портофранко съ иностраннымъ кварталомъ? Нѣмецкаго принца съ армейскимъ корпусомъ?.. Ждали мы, Александръ Валентино-

вичъ, ждали, да, какъ выражается моя бывшая няня, а нынѣ свекровь, уже и жданки потеряли... Всѣ насъ оставили, всѣ насъ забыли, всѣ насъ обманули, ни на кого надежды нѣтъ, ни въ кого — вѣры. . . Я ли не ждала, Александръ Валентиновичъ?... Мечтала, страдала... Всякому терпѣнію бываетъ конецъ: устала страдать и перестала мечтать... Зажмурила глаза, стиснула зубы и — взяла, что жизнь предложила...

Простились мы...

Тихо шелъ я Англійскою набережною... и думалось мнѣ, много и горько, обидно думалось о нихъ,—о тѣхъ, одинокихъ, усталыхъ, безпомощныхъ и слабыхъ духомъ, что сейчасъ, въ одичаломъ совѣтскомъ Петроградѣ, — и женщины, и мужчины, — тысячами идутъ вотъ такъ то ко дну. Потому что — «ждутъ, ждутъ», четыре года ждутъ, но, ничего не дождавшись, «теряютъ жданки» и — именно зажмуривъ глаза и стиснувъ зубы — «берутъ отъ жизни то, что она предлагаетъ».. И, пожалуй, еще сравнительно не такъ худо, если предлагаетъ она только грубый «совѣтскій бракъ», а не кокаинъ, опіумъ, эфиръ, спиртъ и свальный грѣхъ въ одномъ изъ безчисленныхъ тайныхъ, но всѣмъ извѣстныхъ кружковъ, въ которыхъ нынѣшній Петроградъ ищетъ кошмарныхъ забвеній своей кошмарной дѣйствительности.

XI

Ф. НАНСЕНЪ

Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Финляндіи, не могу встрѣтиться ни съ однимъ русскимъ или иноземцемъ, интересующимся русскими дѣлами (а кто же ими сейчасъ

не интересуется?), безъ того, чтобы не получить вопроса:

— Что вы думаете о Фритьофѣ Нансенѣ и его главенствующей роли въ дѣлѣ помощи голодающей Россіи?

Вопросъ сложный. Нансенъ фигура не дюжинная и, — именно на данный случай, — одаренная столькими разнообразными качествами, какъ положительными, такъ и отрицательными, что, въ ихъ противорѣчіи, одинаково возможно — энтузіасту-оптимисту его безудержно восхвалять и прославлять, а скептику-пессимисту его безнадежно отрицать и зачеркивать.

Скандинавъ съ символическимъ именемъ Фритьофа, типическій потомокъ и преемникъ «морскихъ королей», самъ какъ бы послѣдній викингъ, смѣлый «пѣнитель морей», Нансенъ—по натурѣ—удалой и талантливый авантюристъ-конквистадоръ, только, согласно переродившимся въ культурномъ вѣкѣ требованіямъ, не на аренѣ военно-политической удачи, а на почвѣ научнаго изслѣдованія и, во вторую очередь, соціальной мечты. Поэтому, какъ личность, какъ характеръ, какъ «дѣйственная энергія», онъ очень подходящій избранникъ для труднаго предпріятія, которое, въ условіяхъ опустошенной и одичалой Россіи, будетъ, пожалуй, не легче препятствіями и не бѣднѣе приключеніями, чѣмъ поиски сѣвернаго пути черезъ Ледовитый океанъ въ Тихій или путешествіе къ полюсу.

Властный, даже деспотическій упрямецъ, одержимый давнею, неоднократно проявленною нелюбовью къ Россіи и русскимъ, — не къ старому русскому режиму, какъ хотѣли бы, можетъ быть, поправить нѣкоторые, но именно къ Россіи, именно къ русскому народу, къ

русскому человѣку, къ русскому характеру, — нелюбовью, не только политическою, по силѣ подозрительно напряженнаго соперничества сосѣднихъ государствъ за «господство на сѣверѣ», но и національною, расовою, — Нансенъ совершенно не подходящій, крайне странный и очень нежелательный избранникъ для подвига, которымъ Европа думаетъ спасти Россію. Потому что, хотя въ международныхъ отношеніяхъ сантиментальность всегда мало вѣроятна и человѣколюбіе, обыкновенно, диктуется эгоистическими опасеніями (отъ чего и нашъ теперешній случай не избавленъ), однако процессъ ожидаемой помощи требуетъ отъ своего главнаго вершителя не только добросовѣстно холоднаго исполненія долга, но и большой, самоотверженной любви.

Въ русской зарубежной печати, равно какъ въ большинствѣ органовъ Антанты, избраніе Нансена встрѣчаетъ недовѣріе и недоброжелательство. Высказываются откровенныя подозрѣнія, что онъ, въ качествѣ соціалиста-интернаціоналиста, предастъ ввѣренную ему миссію: употребитъ свои огромныя полномочія и обезпечивающія ихъ средства на укрѣпленіе власти большевиковъ, которыхъ онъ, «другъ М. Горькаго» (имѣющаго, въ свою очередь, титулъ «друга Ленина»), полный сочувственникъ и пылкій поклонникъ. Что, вмѣсто погибающаго голодною смертью русскаго народа, онъ накормитъ весьма сытыя и нисколько не русскія сферы Кремля и Смольнаго, съ ихъ чрезвычайками, красными курсантами, красною арміей, китайцами, латышами, башкирами и прочими «людьми съ винтовкой», которыми еще держится на вѣткѣ насквозь сгнившее яблоко, именуемое Р. С. Ф. С. Р. Что борьба съ голодомъ будетъ обращена имъ въ заразную работу

на міровую пролетарскую революцію и возвеличеніе коммунистическаго авторитета. И такъ далѣе.

Я не знаю Нансена лично и никакъ не рѣшусь знаменитаго дѣятеля, мною не изученнаго долгимъ наблюденіемъ, оскорбить подозрѣніями въ подобныхъ злоумышленныхъ коварствахъ. Но, съ другой стороны, не могу я понять, какъ человѣкъ, на которомъ тяготѣютъ подобныя подозрѣнія, настойчиво повторяемыя большинствомъ русскаго и европейскаго общества, рѣшается, тѣмъ не менѣе, взять на себя миссію болѣе, чѣмъ отвѣтственную, — страшную. И мало, что вообще рѣшается, но еще и какъ бы съ вызовомъ подозрѣніямъ, потому что беретъ онъ ее — въ условіяхъ прозрачнаго союза съ властью ненавистною, презираемою и, въ злобной слабости своей, доказанно способною на самыя циническія предательства и коварства. Власти этой онъ теперь то и дѣло говоритъ комплименты и ставитъ похвальныя отмѣтки, прикладывая, такимъ образомъ, свой штампъ къ ея оправдательнымъ документамъ, ставя свой бланкъ на ея политическихъ векселяхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что со стороны Нансена здѣсь большой рискъ. Положимъ, говорятъ, рискъ — благородное дѣло. Но всегда ли? Есть рискъ честнаго игрока и есть рискъ шулера. Честный игрокъ рискуетъ своимъ матеріальнымъ достояніемъ: это неразумно, но, поскольку онъ хозяинъ своихъ поступковъ, не позорно. Шулеръ матеріально нисколько не рискуетъ, но ему постоянно угрожаетъ опасность быть уличеннымъ въ плутовствѣ, ославиться мошенникомъ, быть побитымъ, вылетѣть въ окно. Рискъ дружескаго соприкосновенія и сотрудничества съ шулерскою компаніей — странный рискъ для порядочнаго человѣка. Очень мо-

жетъ быть, что Ф. Нансенъ честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, но свою новую дѣятельность онъ начинаетъ признаніемъ самаго сомнительнаго тоже во всемъ мірѣ флага. И я очень опасаюсь, что, въ данномъ случаѣ, — вопреки льстивой оптимистической пословицѣ, — не человѣкъ украситъ мѣсто, но мѣсто выкраситъ человѣка, — и выкраситъ нехорошо. Какъ уже выкрасило оно Горькаго, Шаляпина и нѣсколькихъ другихъ, съ менѣе громкими именами, примазавшихся къ Олимпу Кремля и Парнасу Смольнаго. Но съ гораздо большею отвѣтственностью, потому что нынѣшняя игра большевиковъ, къ которой Нансенъ такъ вызывающе неосторожно «держитъ мазу», несравненно шире всѣхъ прежнихъ, болѣе дерзка въ ставкахъ и даже болѣе откровенна въ шулерскомъ расчетѣ. Въ самомъ дѣлѣ: что можетъ быть показательнѣе и выразительнѣе грубаго отказа московскаго правительства отъ контролированной помощи Европы, съ мотивировкою, что прибытіе анкетной комиссіи опасно для престижа совѣтской власти? Вѣдь это же именно шулерская откровенность фальшиваго банкомета въ минуту рѣшительнаго испытанія на «банкъ съ гвоздемъ»:

— Нѣтъ, чтобы колода была прибита гвоздемъ къ столу, на это я не согласенъ, я такъ метать не могу; сами посудите: какъ же я, въ подобномъ разѣ, подмѣню ее своею, крапленою?

И, вслѣдъ за отказомъ, не прибитая анкетнымъ гвоздемъ колода «голодной помощи», дѣйствительно, была немедленно подмѣнена. Послѣдовали откровенныя объявленія, что въ помощи голодающимъ роль совѣтскаго правительства сводится къ прокорму своей красной арміи, своего служебнаго персонала, своихъ

рабочихъ. А затѣмъ даже и признанія, что своихъ рабочихъ совѣтское правительство прокормить не въ состояніи, — то есть, слѣдовательно, что его благія попеченія коснутся только красной арміи и членовъ коммунистической партіи. Что и требовалось доказать. Да, пожалуй, и доказывать не требовалось, потому что, и безъ того, всѣ это предвидѣли и знали.

Какъ не смущаютъ Нансена эти наглядности, даже не прикрываемыя вуалью дипломатической стыдливости? Какъ не боится онъ, что, даже при самыхъ честныхъ и великодушныхъ намѣреніяхъ, онъ заноситъ ногу въ трясину политическаго мошенничества, — пусть имъ неумышленнаго, пусть отъ него не зависящаго, но за которое расплачиваться то своей репутаціей предъ судомъ современности и исторіи придется, всетаки, ему, бланконадписателю на большевистскихъ дутыхъ векселяхъ, а никакъ не самимъ векселедателямъ? Потому что историческая репутація этихъ послѣднихъ уже давно сдѣлана и опредѣлена, и отъ нихъ никто въ Европѣ, здравомыслящій и сохранившій остатки моральнаго чувства, ничего добраго и честнаго и не ожидаетъ. Потому что всѣ хорошо знаютъ, что всѣ условія, договоры, обязательства — для большевиковъ — не болѣе, какъ клочки писанной бумаги, съ которыхъ чернила легко смываются чьею либо кровью неповинною, а ее проливать — были ли когда либо въ исторіи Европы большіе любители и мастера, чѣмъ нынѣшніе друзья-пріятели Ф. Нансена? Потому что, наконецъ, и имъ, друзьямъ-пріятелямъ этимъ, всѣмъ въ совокупности и каждому порознь, на свою историческую репутацію — «въ высокой степени наплевать». Ну, а Нансену — едва ли!

Любопытное дѣло, право! Большевизмъ, въ центральной и господствующей своей идеѣ, торжество коллективной дѣятельности и отвѣтственности. А, между тѣмъ, съ того времени, какъ онъ сталъ выливаться въ государственныя формы и большую политику, большевики постоянно заняты поисками индивидуальныхъ авторитетовъ, согласныхъ принимать на себя отвѣтственность за ихъ коллективную работу и успокаивать своею порукою подозрительную и встревоженную бдительность цивилизованнаго міра. Нѣкоторое время они обходились домашними средствами — поручительствомъ М. Горькаго. Это былъ бланконадписатель очень удобный—неразборчивый и почти безотказный. Иногда, правда, онъ ворчалъ и ругался, если сумма дружескаго векселя была уже слишкомъ велика и сулила взысканіе скорое и щекотливое, но, — назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ, — подпись свою, всетаки, давалъ, хотя, можетъ быть, и скрѣпя сердце. Бывали даже случаи, когда ему приходилось признавать свою подпись тамъ, гдѣ она появлялась безъ его вѣдома, а подмахивали ее безъ дальнихъ церемоній, по собственной надобности и вдохновенію, Зиновьевъ, Евдокимовъ, Зоринъ, Красинъ или — какъ ихъ тамъ еще? Такой курьезный и печальный примѣръ изъ эпохи Колчака разсказываетъ З. Н. Гиппіусъ въ своемъ интереснѣйшемъ дневникѣ, который печатаетъ софійско-парижская «Русская Мысль». Разсказъ точенъ, а примѣръ — не единственный. Но кредитоспособности Горькаго достало ненадолго. Большевики быстро ее высосали и обезсилили, компроментировав, а другихъ домашнихъ поручителей, кромѣ Горькаго, они не нашли. Въ минуты кратковременной, но полной

юльской и августовской растерянности предъ грознымъ чудищемъ голода, Кремль и Смольный, въ охотѣ за моральнымъ бланкомъ, рѣшились было поклониться даже ненавистной имъ интеллигенціи. Но послѣдняя оказалась не такъ глупа, какъ они разсчитывали, и, при всемъ своемъ филантропическомъ рвеніи и не взирая на патетическую убѣдительность краснорѣчія тов. Каменева съ братіей, она съ бланкомъ мѣшкала, ставила условія, требовала гарантій, произносила столь опасныя слова, какъ «общественный контроль», «самоуправленіе» и даже — о, ужасъ изъ ужасовъ! — «свобода печати». Тогда большевики предпочли непокорную бланконадписательницу заточить, въ лицѣ нѣскольких ея простодушныхъ представителей, въ Бутырскую тюрьму, а поручителей впредь искать не въ «соціалистическомъ отечествѣ», но за границею. И, такъ какъ на ловца и звѣрь бѣжитъ, то, вотъ, для перваго дебюта, изловили столь матераго сѣвернаго волка, какъ Ф. Нансенъ.

Если бы Англію постигъ голодъ, то во главѣ борьбы съ нимъ, хотя бы и организованной международно, стоялъ бы, конечно, англичанинъ. Германію спасалъ бы нѣмецъ, Францію французъ, Италію итальянецъ, Швецію шведъ, Норвегію норвежецъ. И не первые встрѣчные англичанинъ, нѣмецъ, французъ, итальянецъ, шведъ, норвежецъ, но избранные, первостепенные знатоки своей родины, знатоки ея быта, производительности, экономическихъ средствъ и отношеній. Когда отъ голода погибаетъ Россія, къ ней попечителемъ и цѣлителемъ приставляютъ норвежца, который не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Я помню пріѣздъ Нансена въ Петроградъ два года тому назадъ. Какъ его ждали и

какъ разочаровалъ общество его пріѣздъ! Вѣдь онъ же тогда ровно ничего не видалъ, ровно ни съ кѣмъ не поговорилъ толкомъ, если не считать обычной профильтрованной компаніи Максима Горькаго, ровно ничего не узналъ, да, повидимому, даже и не хотѣлъ знать, пріѣхавъ уже съ готовымъ взглядомъ на вещи, съ предвзятыми опредѣленными намѣреніями и съ глубочайшимъ равнодушіемъ ко всѣмъ возможнымъ неожиданностямъ, которыми бы дѣйствительность вздумала протестовать противъ его предначертаній. Легкомысленное до преступности изученіе совѣтской Россіи Уэллсомъ, всетаки, продолжалось 15 дней; не знаю, сколько времени посвятилъ ей тогда Нансенъ, но на насъ, петроградцевъ, его пребываніе произвело впечатлѣніе какого то быстролетнаго метеора: свалился къ намъ съ небесъ и —не успѣли мы на него оглянуться, какъ уже, — прощайте! — исчезъ. Вспоминаю курьезнѣйшее посѣщеніе имъ пресловутаго «Дома ученыхъ». Знаменитаго полярнаго гостя авторитетно принималъ и должныя разъясненія ему давалъ фактическій директоръ-распорядитель учрежденія — тотъ самый г. Роде, по имени и поведенію котораго «Домъ ученыхъ» слыветъ въ Петроградѣ подъ недвусмысленною кличкою «Роде-вспомогательнаго заведенія», бывшій хозяинъ загороднаго кафе-шантана «Вилла Роде», имѣвшаго, собственно говоря, только то отличіе отъ «веселаго дома», что онъ былъ очень дорогъ. Такъ какъ «бездна бездну призываетъ», то вслѣдъ за хозяиномъ «Виллы Роде» во главѣ управленія домомъ ученыхъ оказались и такіе субъекты, какъ бывшій хозяинъ кафешантана «Акваріумъ», г. Александровъ, да еще и съ своими прислужниками, спеціально завѣдывав-

шими приглашеніемъ барышенъ къ гостямъ. Отъ г. Роде (тоже «друга Горькаго» и протеже его) «другъ Горькаго» Нансенъ принялъ тогда данныя о положеніи людей науки въ Петроградѣ и о благодѣтельныхъ мѣрахъ, заботливо принимаемыхъ къ ихъ обезпеченію просвѣщеннымъ совѣтскимъ правительствомъ, ввѣрившимъ, при посредствѣ М. Горькаго, судьбы ученыхъ и литераторовъ хозяевамъ публичныхъ домовъ и ихъ бывшимъ служащимъ — «Васькамъ Краснымъ» разнаго наименованія! Каррикатура, какой нарочно не придумать! Много было тогда въ разочарованномъ Петроградѣ и смѣха, и негодованія... Сейчасъ петроградскія газеты извѣщаютъ, что «завѣдующій домомъ ученыхъ арестованъ за растраты и злоупотребленія»... Я предсказывалъ сей результатъ Горькому еще болѣе года тому назадъ.

Въ тогдашнемъ своемъ пребываніи Нансенъ былъ превосходно обряженъ въ узду большевизма. Остается ли она на немъ еще и теперь? Повидимому, да, потому что Нансенъ никогда не пропускаетъ случая отмѣтить, какіе милые люди большевики и какъ много онъ ими доволенъ. Политическія симпатіи Нансена — его личное дѣло, въ нихъ ему никто не указчикъ. Но съ подобными симпатіями браться сейчасъ за спасеніе Россіи значитъ заранѣе осуждать себя на глубокое недовѣріе и противодѣйствіе спасаемой. Потому что, какъ при царскомъ режимѣ русскіе люди терпѣть не могли ангеловъ-хранителей въ голубыхъ жандармскихъ мундирахъ и, съ презрительною подозрительностью, чуждались тѣхъ, кто съ ними якшался, такъ теперь они отвращаются отъ неразборчивыхъ и податливыхъ, которые не брезгуютъ садиться за одинъ столъ съ заплечными мастерами изъ чрезвычаекъ, льстиво дѣлятъ съ ними «трапезу, мысли

и дѣла» и своимъ потворствомъ прямо или косвенно помогаютъ имъ продолжать нескончаемую пытку истерзанной, обезумѣвшей въ страданіяхъ, страны.

XII

А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

Еще трагедія въ угрюмомъ мірке петроградской интеллигенціи... Да, міркѣ... Давно ли мы гордо говорили объ ея «мірѣ», а теперь и «мірокъ» то — не преувеличеніе ли? Не правильнѣе ли будетъ, не пора ли уже писать — только — «кружокъ»?

Смерть и эмиграція сжимаютъ периферію интеллигенціи съ страшною быстротою... Когда меня спрашиваютъ о петроградскихъ интеллигентскихъ организаціяхъ, я только плечами пожимаю: какія же серьезныя организаціи возможны тамъ, гдѣ некому и не изъ чего организоваться? Возьмите комитетскіе списки нашихъ литературныхъ организацій. Мало ли ихъ? «Домъ искусствъ», «Домъ литераторовъ», «Профессіональный союзъ писателей», «Общество взаимопомощи» и пр. и пр. Но, вѣдь, все это лишь многократное повтореніе однихъ и тѣхъ же именъ, неизбѣжныхъ, какъ смѣна дня и ночи. Не говорю уже о литературныхъ учрежденіяхъ Горькаго, гдѣ, понятное дѣло, онъ, какъ владѣтельная особа, сидитъ, окруженный своею свитою всегда въ одинаковомъ составѣ. Но и въ литературныхъ союзахъ, пытающихся сохранить самостоятельность и самодѣятельность, — та же самая ограниченность выбора, по необходимости. Въ какой комитетъ, въ какую комиссію, въ какую коллегію ни загляните, это будутъ А. Ф. Кони,

Н. А. Котляревскій, А. Л. Волынскій, А. В. Ганзенъ, Е. П. Лѣткова-Султанова, Е. И. Замятинъ, А. Н. Бенуа: читай и считай, по желанію «туда и обратно», мѣняются только комбинаціи и порядокъ именъ, точно тасуются карты въ колодѣ. Иногда въ рядъ чтимыхъ «иконъ» вносится нѣкоторое разнообразіе именами Сологуба, Немировича-Данченко. «Иконы» тонутъ въ группѣ такъ называемыхъ «дѣловыхъ» именъ, которыя менѣе громко известны обществу, но, обыкновенно, они то, собственно говоря, и представляютъ дѣятельную машину литературной организаціи. Однако, и эта группа поразительно однообразна и тоже какъ бы кочуетъ изъ этого союза въ тотъ, съ одного засѣданія на другое, изъ сего собранія въ оное и т. д. Были когда то кочующіе полководцы, а теперь кочующіе организаторы. Ну, напр., развѣ есть возможность подсчитать, судьбу сколькихъ литературныхъ учрежденій устрояетъ хотя бы А. Н. Тихоновъ, офиціальный глава «Всемірной Литературы»? Или Н. М. Волковыскій, Е. А. Кауфманъ, Б. О. Харитонъ, В. Б. Петрищевъ (братъ извѣстнаго публициста изъ «Русскаго Богатства»), движущія силы «Дома литераторовъ»? Или П. В. Сазоновъ, кормилецъ-поилецъ «Дома искусствъ»?..

Словомъ, сейчасъ остающійся въ Петроградѣ литераторъ или даже только при литературѣ состоящій человѣкъ, волею-неволею, дѣлается въ организаціяхъ, — говоря державинскимъ стихомъ, — «духомъ вездѣсущимъ и единымъ». Были такими вездѣсущими духами и А. А. Блокъ съ Н. С. Гумилевымъ, — даже, пожалуй, въ большей, сравнительно съ другими, степени, потому что участвовали еще во множествѣ поэтическихъ «союзовъ», «клубовъ», «цеховъ», «содружествъ» и пр., ко-

торые въ Петроградѣ, — должно быть, съ голодной скуки,—плодятся какъ кролики, или даже, пожалуй, «размножаются почкованіемъ». Были... покуда не перевели ихъ обоихъ, и въ самомъ дѣлѣ, въ міръ духовъ праведныхъ — одного совѣтскій голодъ, другого — совѣтскія пули.

Героиня новой интеллигентской трагедіи и новая жертва петроградскаго литературнаго измора, Анастасія Николаевна Чеботаревская, на дняхъ покончившая съ собою прыжкомъ въ Невку съ Тучкова моста, была интереснымъ и многозначительнымъ исключеніемъ изъ этого вездѣсущія. Ея нервное лицо, съ пылающими готовностью къ бою глазами, появлялось, правда, на всѣхъ предварительныхъ организаціонныхъ и учредительныхъ собраніяхъ возникавшихъ литературныхъ группировокъ, но я рѣшительно не помню случая, чтобы она затѣмъ вошла хоть въ одну. Понятно, за исключеніемъ перваго опыта съ профессіональнымъ писательскимъ союзомъ, который именно она, съ своимъ супругомъ, Ф.К.Сологубомъ, и основала было въ 1918 г. Это предпріятіе, — увлеченіе политической и литературной идеалистки, не замедлило кончиться печальнымъ разочарованіемъ. Вокругъ мечтателей копошилось и липло къ ихъ дѣлу слишкомъ много практиковъ. Не прошло, кажется, и мѣсяца, какъ основатели, — предсѣдатель Ф. К. Сологубъ и А. Н. Чеботаревская,—не выдержали атмосферы просочившагося въ ихъ учрежденіе аферизма и соглашательскаго подхалимства предъ властью предержащею и ушли, сильно хлопнувъ дверью. А учрежденіе, ими покинутое, по уходѣ ихъ, быстро превратилось въ откровенный притонъ хищенія и легкой спекулятивной наживы, за счетъ солидно схваченной ссуды

и нѣсколькихъ довѣрчивыхъ писателей, неосторожно поручившихъ ему свои интересы. Большевики назначили ревизію, которая дала результаты, очень плачевные и унизительные для иныхъ даже довольно крупныхъ именъ, вродѣ хотя бы В. В. Муйжеля, нынѣ большевикамъ соподвизающагося. Въ ревизіи этой принималъ участіе К. А. Лигскій, коммунистъ очень прямолинейно убѣжденный и усердный, но изъ недавнихъ, хорошо извѣстный мнѣ по эмиграціи 1905 года, когда онъ еще былъ эсъ-эромъ. Это человѣкъ съ образованіемъ, честный, безкорыстный и, — по крайней мѣрѣ, прежде таковъ былъ, — очень уважительно, даже благоговѣйно относящійся къ литературѣ и ея дѣятелямъ. Другъ Андрея Бѣлаго, внимательный читатель и почитатель русскаго декаданса, теософъ по Штейнеру и художникъ-любитель символическаго толка. Какъ все это укладывается въ немъ въ одинъ коробъ съ правовѣрнымъ служеніемъ воинствующему коммунизму не только за страхъ, но и за совѣсть, это ужъ тайна его сложной натуры. Но во всякомъ случаѣ, К. А. Лигскій—одинъ изъ тѣхъ немногихъ, рѣдкихъ, какъ бѣлые дрозды, большевиковъ, о которыхъ нѣтъ никакой худой славы даже въ озлобленной угнетеніемъ буржуазной средѣ. И вотъ — я живо вспоминаю, съ какимъ горестнымъ отвращеніемъ говорилъ этотъ человѣкъ о грязи, вскрытой его ревизіей. Всего тамъ было—и растратъ, и подлоговъ, и пользованія чужимъ именемъ въ корыстныхъ цѣляхъ. А одинъ гусь, ранѣе подвизавшійся на поприщѣ порнографической беллетристики, вообразивъ себя неуязвимымъ на почвѣ соглашательства, ухитрился даже экспропріировать, якобы для союза, чужую квартиру и по-

пался на продажѣ вещей изъ нея, что именно и дало толчекъ къ ревизіи. Опозоренный союзъ рухнулъ, но погубившіе его аферисты, благодаря своему политическому соглашательству, не пострадали. Бывшій секретарь, а, въ сущности, главный заправила союза, послѣ чистосердечнаго покаянія, получилъ въ Черниговской губерніи отвѣтственный коммунистическій постъ, на коемъ и успокоился благополучно.. «Цвѣты къ цвѣтамъ!» — какъ сказала королева надъ прахомъ утонувшей Офеліи, или «нѣжное къ нѣжному!» — какъ выразился когда то И. Ф. Горбуновъ по поводу гораздо менѣе благоуханнаго случая, проѣзжая мимо городскихъ свалокъ... (N. B. Старый союзъ не слѣдуетъ смѣшивать съ новымъ, теперь существующимъ Профессіональнымъ Союзомъ Писателей, въ которомъ предсѣдательствуетъ А. Л. Волынскій. Это учрежденіе ничего непристойнаго въ себѣ не заключаетъ; оно, просто, живой покойникъ — самаго невиннаго поведенія.) Обжегшись на молокѣ, выучиваются дуть и на воду. Разочарованная въ своемъ союзѣ, Чеботаревская сдѣлалась страшно подозрительной ко всякому организаціонному почину среди интеллигенціи. Двоясь душою, она, фанатическая жрица писательства, одновременно, и пылко желала новой организаціи, и трепетала мрачнымъ страхомъ, что новая инициатива лишь откроетъ дверь для новаго соглашательства. А, гдѣ соглашательство, тамъ, значитъ, холопскій компромиссъ, — продажное перо, продажный языкъ, афера, спекуляція, — позоръ мысли, слова, — позоръ обожаемой литературы. На всѣхъ организаціонныхъ собраніяхъ она сидѣла гнѣвною музою предубѣжденія, съ враждебною чуткостью прислушиваясь къ текущимъ рѣчамъ. И,

едва ея напряженную мнительность задѣвало чье либо покладистое «съ одной стороны надо признаться, съ другой нельзя не сознаться», она вскакивала съ мѣста и разражалась бурей истерическаго вопля,—почти всегда съ однимъ и тѣмъ же заключеніемъ:

— Прощайте, мнѣ здѣсь не мѣсто!

И порывисто уходила, иной разъ, и въ самомъ дѣлѣ, хлопнувъ дверью такъ, что стекла дрожали.

Къ этимъ ея выходкамъ привыкли, на нихъ не обращали вниманія, къ нимъ относились даже юмористически:

— Очередной скандалъ Чеботаревской!

А, между тѣмъ, этотъ «гласъ вопіющей въ пустынѣ» былъ истиннымъ голосомъ уязвленной общественной совѣсти интеллигентнаго Петрограда, — той цѣльной совѣсти, которая не знаетъ сѣраго компромисса между чернымъ и бѣлымъ и не только не согласна «стиснувъ зубы и зажмуривъ глаза, принять отъ жизни то, что она предлагаетъ», но не хочетъ и глаза закрывать, и зубы стискивать. Потому что со стиснутыми зубами человѣкъ только мычать въ состояніи, а совѣсть Чеботаревской требовала слова и крика... Это была пророчица обличенія, неумолимаго и къ другимъ, и къ самой себѣ.

Допускаю, что ея крикъ былъ не всегда умѣстенъ, что, увлекаясь въ своей мнительности почти до маніи преслѣдованія, она иногда наносила незаслуженныя оскорбленія лицамъ, повиннымъ не дѣломъ и помышленіемъ, а развѣ лишь неудачнымъ оборотомъ рѣчи или выборомъ слова. Но, за то, сколько же масокъ было ею сорвано съ настоящихъ лицемѣровъ, подъ сколькими взятыми на прокатъ овечьими шкурами она обнаружила волчьи зубы и лисьи хвосты!..

И хотя разоблаченные, пожимая плечами, говорили:

— Чеботаревская невозможна... Ну, развѣ можно считаться съ Чеботаревской?

Однако, по существу, они не только считались съ нею, но и боялись Чеботаревской. Какъ безобразный человѣкъ боится заглянуть въ зеркало, которое, хоть ты что, а показываетъ ему «кривую рожу»... Боялись и ненавидѣли... И теперь, вѣроятно, очень рады—многіе, многіе рады, что неумытное зеркало разбилось...

Она и сама умѣла ненавидѣть. Бояться — нѣтъ, не умѣла, но ненавидѣла хорошо. Оправдывала собою старое пылкое слово: «кто не умѣетъ ненавидѣть, тотъ не научится любить». И въ ненависти не знала снисхожденія, смягчающихъ вину обстоятельствъ. Не знаю, распространялось ли это правило на отношенія ея частной жизни, я не былъ настолько близко знакомъ съ нею. Но въ своихъ ненавистяхъ политическаго и общественнаго порядка она была женщиною безпощаднаго суда, а языкъ имѣла быстрый, острый, слово мѣткое, впивающееся...

«У счастливаго недруги мрутъ, у несчастнаго другъ умираетъ.» Ф. К. Сологубъ утратилъ въ Анастасіи Николаевнѣ безпредѣльно преданное, любимое и любящее существо. М. Горькій потерялъ въ Чеботаревской, вѣроятно, самаго ожесточеннаго, прямолинейнаго и откровеннаго изъ всѣхъ своихъ враговъ. Тутъ не было личнаго чувства. Правда, когда то Горькій задѣлъ ее и Ф. К. Сологуба грубою пародіей, но — «мы это давно простили», сказала мнѣ Анастасія Николаевна въ первой же нашей бесѣдѣ, изъ которой только и узналъ я, что была такая пародія, оскорбительная для семейныхъ отношеній писательской четы. И она говорила правду, что

простила, потому что — умѣла же она беззлобно относиться къ другимъ пародистамъ, изощрявшимъ свое остроуміе на эротическихъ странностяхъ въ романахъ Ф. К. Сологуба или даже на галлицизмахъ въ ея слогѣ. «Даже» — потому что къ критикѣ она, — сама критикъ, — была очень неравнодушна: по женски радовалась похваламъ, по женски обижалась поправками и порицаніемъ. Нѣтъ, она ненавидѣла Горькаго исключительно политически, какъ зыбкій и двусмысленный символъ соглашательской двойственности, какъ первоповоинъ и главный органъ «оподленія русской интеллигенціи», по выраженію Д. С. Мережковскаго, изъ за котораго у насъ съ Анастасіей Николаевной однажды вышелъ споръ. Я находилъ, что Мережковскій, въ своихъ сужденіяхъ о Горькомъ, ужъ слишкомъ «выражается». А она, блѣдная, стиснувъ руки и съ глазами, какъ свѣчи, упрямо твердила:

— Что вы говорите! Когда вы перестанете этого обманщика жалѣть? Развѣ о немъ можно «слишкомъ выразиться»! — Когда ей стала извѣстна моя рѣчь на банкетѣ Уэллса, она мнѣ прислала восторженное письмо, доставившее не мало труда моимъ бѣднымъ глазамъ, потому что почеркъ у Анастасіи Николаевны былъ ужасный... А при встрѣчѣ, подошла ко мнѣ, сіяющая язвительною удовлетворенностью оправданнаго гнѣва.

— Что? хорошъ **вашъ** Горькій? показалъ онъ вамъ себя? Развѣ не оберъ-полицеймейстеръ съ бригадою городовыхъ?

Но вскорѣ затѣмъ получилъ я отъ нея, за него же, посланіе весьма ругательное. Въ то время въ Питерѣ ходила по рукамъ моя статья «Ленинъ и Горькій»,

написанная нѣсколько раньше по поводу пресловутаго гимна, воспѣтаго Горькимъ главѣ коммунистической Россіи, въ которомъ Ленинъ былъ превознесенъ выше Петра Великаго, объявлялся «святымъ», утверждался въ правѣ производить надъ Россіей «эксперименты въ планетарныхъ размѣрахъ» и пр., и пр. Дифирамбомъ этимъ общество было возмущено во всѣхъ своихъ слояхъ и группахъ. Даже коммунисты признавали сконфуженно, что Горькій пересолилъ въ усердіи. Пожалуй, никогда еще онъ не наносилъ своей репутаціи болѣе жестокаго и опаснаго удара. Меня отъ сладкаго пѣснопѣнія этого только что не стошнило. Три года передъ тѣмъ я не писалъ ни единой публицистической строки, а тутъ не выдержалъ, взялся за перо. Но, вмѣсто того, чтобы метать безвредные громы патетическаго негодованія, я подошелъ къ гимну Горькаго съ другой стороны, которую онъ, по публицистической неумѣлости своей, обнаружилъ очень широко и комично. Дѣло въ томъ, что статья Горькаго возмущаетъ своимъ безпримѣрно льстивымъ тономъ и безграничнымъ гиперболизмомъ похвалъ только до тѣхъ поръ, пока читатель увѣренъ, что Горькій славословитъ Ленина серьезно. Но попробуйте допустить, будто онъ пишетъ свой акафистъ съ затаенною лукавою цѣлью пародіи, — и вы удивитесь, въ какую смѣшную и нелѣпую гримасу мгновенно искажается тогда глубокомысленно важная физіономія этого курьезнаго произведенія. «Геніальный», «честнѣйшій», «добрѣйшій», «святой» Ленинъ, въ напыщенныхъ хвалахъ Горькаго, неожиданно каррикатурно оказывается такимъ круглымъ дуракомъ, такимъ самодовольнымъ невѣждою, такимъ безсердечнымъ лицемѣромъ и негодяемъ, что, право же, даже

мы, его противники, гораздо лучшаго о немъ мнѣнія... Съ этимъ полукомическимъ подходомъ я и написалъ свою довольно обширную и подробную статью. Распространенная въ множествѣ списковъ, она, что называется, попала въ точку: много читалась и имѣла успѣхъ. Только не у Анастасіи Николаевны Чеботаревской. Ей было мало. Въ гнѣвномъ письмѣ своемъ она укоряла меня за «мягкость» и «добродушіе».

— Вы иронизируете тамъ, гдѣ надо бить дубиной по темени! Вы разговариваете съ ними, какъ съ порядочными людьми, тогда какъ они...

Слѣдовали эпитеты...

Каково же было женщинѣ столь великаго гнѣва и яркаго темперамента терпѣть неволю въ клѣткѣ русскаго большевизма! Возможность уйти изъ клѣтки на свободу была единственной милостью, которую А. Н. Чеботаревская согласилась бы принять отъ большевиковъ (какъ презрительно заявилъ этимъ послѣднимъ то же самое знаменитый И. П. Павловъ). Но всѣ шаги, сдѣланные въ этомъ направленіи Ф. К. Сологубомъ и ею, остались безрезультатными. Ихъ только водили за носъ притворными обѣщаніями и никуда не выпускали, кромѣ Костромы, гдѣ у нихъ сохранилось воспоминаніе о какой то недвижимой собственности... Нелегально же бѣжать Анастасія Николаевна, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не хотѣла.

А слѣдовало. Потому что уже весной было ясно, что ей не выдержать далѣе переполняющаго ее негодованія противъ угнетателей и презрѣнія къ безсилію угнетенныхъ. Что въ вѣчномъ буйствѣ потерявшей равновѣсіе, оскорбленной и безнадежной женской души, она должна либо съ ума сойти, либо совершить какой нибудь

отчаянный террористическій актъ, либо — кончить тѣмъ, чѣмъ кончила... Метнулась буйная птица въ желѣзной клѣткѣ — и разбила голову о проволоку. Плюнула смертью своею въ глаза и тюремщикамъ и льстецамъ ихъ, и пріемлющимъ безъ борьбы и спора холопство у нихъ, — и въ холодной Невкѣ обрѣла свободу, въ которой отказала ей, попранная коммунистическими олигархами, почва раба Петрограда...

XIII

ПЕТРОГРАДСКІЯ МОРИЛЬНИ

Неужели я покинулъ Петроградъ только для того, чтобы сдѣлаться плакальщицей по оставшимся тамъ друзьямъ и добрымъ знакомымъ, объ очередной гибели которыхъ ежедневно приходятъ траурныя вѣсти?

Только что успѣлъ я разсказать о нелѣпомъ арестѣ Натальи Алексѣевны Сувориной, а въ пришедшемъ вчера «Новомъ Времени» — уже извѣстіе о кончинѣ ея въ больницѣ Женской тюрьмы! Такъ какъ извѣстіе исходитъ изъ органа, редакція котораго родственно связана съ Н. А., то едва ли оно ошибочно. Да, когда я уѣзжалъ изъ Петрограда, то Н. А., дѣйствительно, лежала въ тюремной больницѣ, постигнутая обычнымъ недугомъ Крестовъ, гдѣ она отбывала свой срокъ принудительныхъ работъ, — дизентеріей. Болѣла она тяжело, но была надежда, что молодой могучій организмъ выдержитъ и дѣвушка оправится.

Нѣтъ, не выдержалъ и не оправилась...

За что погибло это молодое прекрасное существо, не успѣвшее даже прикоснуться устами къ чашѣ

жизни? Вѣдь ей, помнится, еще и двадцати лѣтъ не было!...

Бѣлокурая красавица, похожая на юную Валькирію, богато одаренная природою, — и прекрасный голосъ, и большія художественныя способности, — хочешь, открыта широкая дорога въ оперу, не хочешь, обѣщаютъ блестящую будущность кисть и палитра.

Никакой политикой она не занималась, ни въ какой политикѣ не была повинна. Отлично образованная, обладающая прекраснымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, служила на нейтральной должности — переводчицею въ «Роста» (Р. Тел. Агентство), гдѣ получается много иностранныхъ газетъ и журналовъ. При обыскѣ у одного знакомаго Сувориной найденъ былъ старый номеръ „Times"'а —преступленіе, которое, глядя по настроенію и усмотрѣнію завѣдывающаго обыскомъ, можетъ быть объявлено ужасно тяжкимъ, а можетъ быть и вовсе не вмѣнено въ вину. При послѣднемъ обыскѣ у меня, чекисты перевернули вверхъ дномъ всю квартиру, перетрясли каждую книжку въ библіотекѣ, перелистовали всѣ рукописи, рылись въ сорныхъ корзинахъ и т. д., но не обратили никакого вниманія на сложенныя на подоконникѣ кипы „Corriere della sera", „Matin", „Times", „Giorn. d'Italia". Знакомому Сувориной, къ ея несчастію, достался на долю обыскиватель другого характера. На допросѣ знакомый струсилъ и показалъ, что «Times»'омъ его снабдила Суворина. Чекисты обрадовались, — не замедлили взяться за нее. Произведенный въ ея квартирѣ обыскъ не обнаружилъ рѣшительно ничего подозрительнаго, и, не будь она Суворина, вѣроятно, даже ЧК оставила бы ее въ покоѣ, но отъ арестованной съ такою подозрительной фами-

лiей было жаль отступиться такъ легко. И вотъ ей «инкриминируютъ» сношенiя съ заграницею (съ «агентами Антанты»), при чемъ вещественнымъ доказательствомъ выставляютъ... парижскiя модныя картинки! Ихъ Н. А., дѣйствительно, забирала изъ «Роста», съ разрѣшенiя своего начальства, никакъ не подозрѣвая, что тѣмъ совершаетъ преступленiе, которое приведетъ ее къ счетамъ съ Чрезвычайкою, а потомъ къ тюрьмѣ, больницѣ и могилѣ!... Ее присудили къ 6 мѣсяцамъ принудительныхъ работъ. Въ обыкновенномъ порядкѣ совѣтской карательной практики, это не страшный приговоръ. Какое либо вѣдомство, заинтересованное въ судьбѣ приговореннаго, требуетъ его къ себѣ на работу, какъ «спеца», и тогда для него создается положенiе полусвободы, при чемъ иные получаютъ даже возможность жить дома либо, во всякомъ случаѣ, навѣщать своихъ домашнихъ. Если бы Н. А. не была Сувориной, устроилось бы, конечно, точно такъ же и съ нею. Но она была внучка создателя «Новаго Времени», она племянница нынѣшнихъ его бѣлградскихъ редакторовъ, она — дочь редактора «Руси». Какъ же было на отпрыскѣ столь ненавистнаго родословнаго древа не явить всей строгости совѣтскаго правосудiя? Месть такъ ужъ месть до седьмого колѣна!... И вотъ — томили дѣвушку въ «злой ямѣ» Крестовъ до тѣхъ поръ, пока не настигла ее роковая зараза, отъ которой удается увернуться развѣ 10 процентамъ тюремнаго населенiя.

Помню я, слишкомъ хорошо помню этотъ ужасъ нашихъ мартовскихъ дней въ заключенiи на Шпалерной, когда взрослые люди блѣднѣли при малѣйшемъ колотьѣ въ желудкѣ, при малѣйшемъ разстройствѣ пищеваренiя: никакъ уже готово? начинается?... Въ тече-

ніе всей весны и всего лѣта дизентерія занимала въ городѣ вакантное мѣсто ослабѣвшей холеры и косила Петроградъ врядъ ли съ меньшею лютостью, чѣмъ эта послѣдняя. Бывало, приходишь въ знакомый домъ, стучишь, — не отпираютъ; наконецъ, чей нибудь слабый голосъ отзывается: — Толкайте сильнѣе, не заперто... Входишь, — вся семья лежитъ въ постеляхъ — отъ стараго до малаго.—Что съ вами?—Она...—А сутокъ черезъ трое-четверо, глядишь, на которой нибудь постели — уже покойникъ...

И была она разнообразна, словно играла-забавлялась людьми. Одного томила долгими недѣлями, а другого уничтожала чуть не молніеносно. Часто люди, ослабѣвшіе до послѣдняго истощенія, приговоренные врачами къ неминуемой и скорой смерти, вдругъ, какимъ то чудомъ обманывали медицину и выздоравливали, тогда какъ сильный, здоровый организмъ, которому, по видимости казалось, износа не было и болѣзнь онъ принималъ съ легкостью чуть не насморка, внезапно разрушался въ два-три дня. Въ такихъ случаяхъ говорили, что «дизентерія бросилась на сердце», хотя — что обозначала эта патологическая безсмыслица, никто не понималъ... Вѣроятно, — что, надорванныя чудовищными лишеніями, переутомленіемъ въ непосильномъ трудѣ и вѣчнымъ трепетомъ гнѣва, скорби и страха, сердца не выдерживали быстраго ослабленія чрезъ болѣзненно ускоренный обмѣнъ веществъ...

Лекарствъ въ городѣ не было никакихъ. За касторкой надо было метаться цѣлыми днями изъ аптеки въ аптеку и, когда гдѣ нибудь на другомъ концѣ города обрѣтали, наконецъ, это рѣдкостное сокровище, то, очень часто, драгоцѣнный пузырекъ заставалъ заждав-

шагося больного уже въ безсознательномъ состояніи, съ атрофіей кишекъ. Коньякъ — запретный кладъ, который добывать надо подъ рискомъ тюрьмы, а то, не равенъ часъ, и разстрѣла. Яичный бѣлокъ... а есть ли яйца на рынкѣ, да, если и найдутся, то есть ли въ карманѣ 1200 рублей—за штуку? Нужна постоянная смѣна горячихъ припарокъ, а на чемъ ихъ грѣть, коли печь не топится, за полнымъ отсутствіемъ дровъ, а буржуйки на щепкахъ достаетъ на двадцать минутъ? Нужны согрѣвающіе компрессы, а клеенка гдѣ?...

Помню я сцену на пристани Невскаго пароходства. Онѣ облѣплены плакатами и добрыми гигіеническими совѣтами:

— Не пейте сырой воды! Въ городѣ тифъ!

— Не пейте сырого молока! Въ городѣ холера!

— Убивайте мухъ! — И т. д.

Ахъ, какъ же злобно издѣвались надъ этими увѣщеваніями поджидавшія пароходики пролетарки, — «домашнія хозяйки»!

— Не пьемъ, товарищъ, сырого молока, — слушаемъ вашего умнаго приказанія, не пьемъ! Какъ его намъ пить, когда оно —3500 за бутылку?

— А вотъ на счетъ сырой воды—это ужъ извините: коли въ семьѣ семь ртовъ, такъ не спекулянтка я, чтобы день деньской ихъ кипяткомъ поить...

— Хотите, чтобы мы сырой воды не пили, давайте дровъ, чтобы воду кипятить.

— Бейте мухъ... ишь что выдумали!.. сами бейте, коли у васъ времени много и больше дѣлать нечего... А мы въ работѣ, какъ въ адской смолѣ, съ утра до вечера кипимъ.

— Ребятамъ поручить, — пусть бы били. Да, вонъ, у меня меньшенькій — до того ослабѣвши, что, пожалуй, уже и мухи не убьетъ.

Полное отсутствіе средствъ хотя бы самой примитивной гигіены приводило въ уныніе даже совсѣмъ здоровыхъ... И уныніе превращалось въ отчаяніе, когда въ семьѣ оказывался серьезный больной... Ну, что съ нимъ дѣлать? Отправить въ больницу? Да вѣдь это же все равно, что прямо на кладбище. Потому что въ больницѣ — та же безпомощность средствъ, что и дома, да и еще и уходъ служебный — формальный, холодный, безъ семейной любви и ласки, которыми бодрятся хоть моральныя то силы больного, если ужъ нечѣмъ поддерживать физическія. Формальный и холодный теперь болѣе, чѣмъ когда либо раньше въ оффиціальныхъ лѣчебныхъ убѣжищахъ, потому что сознательно лишенный какой либо надежды на успѣхъ. И врачи, и сестры, до послѣдней сидѣлки, знаютъ хорошо, что они безсильны передъ недугами своихъ паціентовъ — не могутъ ни помочь больному, ни даже хоть облегчить его страданія (большинство операцій дѣлалось безъ хлороформа!) и, слѣдовательно, лишь обманываютъ и его, и себя лишенною цѣлесообразности, безоружною, мнимо научною канителью. Уходъ людей, въ отчаяніи махнувшихъ рукою на свое дѣло, зная, что оно не можетъ быть выполнено добросовѣстно, и уже привыкшихъ валить его черезъ пень да колоду. Потому что вся надежда петроградскаго медика теперь — только на природу, которая, авось, поможетъ — скорѣе вопреки лѣченію, чѣмъ съ его помощью. А иначе — quod natura non sanat, mors sanat. Смертность въ больницахъ была чудовищная. Къ нимъ даже въ интеллигентномъ населеніи

появился чисто мужицкій страхъ: — Морильни!.. Тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ ихъ больные жестоко голодали. Поэтому всякое внезапное заболѣваніе вносило въ семью смятеніе прямо таки катастрофическое. Не знаешь, что дѣлать съ больнымъ. Если случай не имѣетъ тяжкой видимости, то не вызывать же «скорую помощь», которая увезетъ заболѣвшаго изъ семьи на болѣе чѣмъ сомнительное, попеченіе государства, въ больницу-морильню. А для опредѣленія серьезности болѣзни — подите ка вы, поищите въ нынѣшнемъ Петроградѣ эту иголку въ сѣнѣ, называемую врачемъ! Зарегистрованные правительствомъ врачи состоятъ, по своимъ районамъ, при опредѣленныхъ учрежденіяхъ и завалены казенною обязательною практикою, сквозь которую къ нимъ надо добираться долгими очередями — вродѣ, какъ у продовольственной лавки въ день пайковой выдачи. А частная практика воспрещена. Она — преступленіе, вродѣ свободнаго преподаванія и, еще недавно, свободной торговли. Бываетъ и такъ, что, радостно вспомнивъ о бытіи знакомаго врача, вы летите къ нему, застаете его дома, но онъ отмахивается обѣими руками:

— Что вы! что вы! какой я врачъ! никогда и не думалъ о медицинѣ! Посмотрите мою трудовую книжку: служу по Наркомпроду и т. д.

Или Совнархозу, Компроду и т. д.

Эти бѣгство и прятки врачей отъ своего врачебнаго званія обусловливаются распространеніемъ на ихъ сословіе того же крѣпостного состоянія, которому подвержены въ Совѣтской Россіи всѣ нужные правительству «спецы». Медицина, какъ свободная профессія, не

существуетъ болѣе въ Россіи. Каждый, однажды зарегистрованный, врачъ теряетъ свободу дѣйствія, времени и мѣста. Онъ ежеминутно можетъ быть мобилизованъ по какой либо новой внезапной потребности государства, съ предписаніемъ отправиться немедленно за тридевять земель въ тридесятое царство, куда нибудь въ глухое захолустье «Татарской республики», либо на одинъ изъ вѣчно возникающихъ и ликвидируемыхъ, чтобы вновь возникнуть, фронтовъ. За уклоненіе — быстрый арестъ со всѣми послѣдствіями взысканія «по законамъ революціоннаго времени...» Чтобы избѣгнуть крѣпостной зависимости, довольно вѣрное средство — припрятать подальше до лучшей поры свой медицинскій дипломъ и заявить въ райкомѣ какую нибудь другую профессію, не подвергающуюся регистраціямъ въ порядкѣ мобилизаціоннаго требованія. Что и дѣлаютъ многіе. А такъ какъ подобная утайка документовъ не лишаетъ врача ни его знаній, ни его авторитета въ прежней кліентурѣ, то, продолжая работать подпольно и контрабандою, онъ не терпитъ большого ущерба и въ своей практикѣ. Конечно, лишь постольку, поскольку она вообще въ состояніи быть источникомъ дохода въ полуразрушенной столицѣ, гдѣ и врачъ, и паціентъ — оба, одинаково ограбленные правительствомъ, нищіе... Я знаю нѣсколькихъ врачей, которыхъ эта контрабандная практика, вмѣсто того, чтобы обогащать, разоряетъ, потому что ихъ сострадательныя души не выдерживаютъ раздирающаго зрѣлища поголовной нищеты своихъ больныхъ, и, чѣмъ бы имъ отъ паціентовъ кормиться, они изъ послѣднихъ силъ тянутся, чтобы паціентовъ кормить...

Тамъ, гдѣ настоящее знаніе должно спрятаться въ

подполье, выползаетъ, — наоборотъ, — изъ подполья и забираетъ силу знаніе ложное. Кажется, никогда еще Петроградъ не былъ такъ богатъ знахарями, знахарками, магнетизерами и гипнотизерами, китайскими и бурятскими медиками и т. п. эмпириками врачеванія — по вдохновенію и по шарлатанству. Такъ какъ они научнаго ценза не имѣютъ, то и врачебной регистраціи не подлежатъ. Такъ какъ на нихъ, какъ на врачей, не смотрятъ, то поэтому и запрещеніе частной врачебной практики ихъ не касается. И, въ концѣ концовъ, они оказываются въ положеніи весьма выгоднаго иммунитета. Прибавьте къ этому, что мучительные годы всеобщаго несчастья вызвали въ петроградскомъ населеніи весьма значительный ростъ мистическихъ настроеній и устремленій, всегда болѣе склонныхъ къ медицинѣ тайной, чѣмъ къ научной. Поэтому, въ то время, какъ настоящій врачъ въ Петроградѣ, за самыми незначительными исключеніями, либо задавленный крѣпостною барщиною совѣтскій рабъ, либо умирающій съ голода нищій, либо ежечасно рискующій своею шкурою контрабандистъ собственнаго знанія, — врачи самозванцы катаются... сказалъ бы я, какъ сыръ въ маслѣ, если бы петроградцы еще помнили, какой это бываетъ сыръ, и не слишкомъ бы ужъ дорого обходилась имъ (по 28 — 30.000 за фунтъ) память о томъ, что такое масло!

XIV

ОТВѢТЪ ЧИТАТЕЛЮ-ЭМИГРАНТУ

Я получилъ очень интересное письмо отъ читателя-эмигранта, который рекомендуется «мужикомъ Черниговской губерніи, лѣтъ 20-ти». Пишетъ онъ:

«Въ своей статьѣ отъ 25-IX въ «Н.Р.Ж» Вы жалѣете о тѣхъ, что ждутъ лучшаго, теряютъ жданки и берутъ отъ жизни то, что она можетъ дать при Совдепіи, вообще дѣлаютъ по совдепски. Ностоитъ ли жалѣть? не вѣчно ли такъ будетъ въ Россіи? Дѣйствительно ли та барышня имѣла бы потомъ возможность лучше устроиться? Я мало читаю газетъ, но и въ нихъ ничего нѣтъ дающаго надежду на перемѣну въ Россіи. Пишутъ, перемѣна будетъ даже скоро; этому вѣрю; но я не вижу ничего, что могло бы очистить Россію отъ палачей, не понимаю, отъ кого и когда мы дождемся лучшаго, кто и какъ объ этомъ заботится, и кажется, что всѣ корреспонденты врутъ, зарабатывая этимъ деньгу. Вы жалѣете о тѣхъ, что теряютъ жданки, значитъ, на что то надѣетесь, знаете больше моего... Прочитать ваше письмо, въ которомъ вы написали бы, на кого или на что надѣетесь и какъ скоро Ваши надежды осуществятся, было бы первымъ и единственнымъ удовольствіемъ за послѣдніе годы. Я, конечно, не имѣю желанія быть въ Совдепіи, но еслибы я могъ вмѣстѣ съ Вами жалѣть о барышнѣ, сдѣлавшей по совдепски, и, слѣдовательно, зналъ, на что надѣяться. А то живешь среди финновъ, не понимая ни слова, работаешь, какъ волъ, и удивляешься, для чего живешь. Получу ли я свою долю того, что полагается 20-лѣтнему, или же вѣчно такъ будетъ? увижу ли свою Украину или ея уже нѣтъ, а есть только Финляндія со своими елями да камнями, да Совдепія, изъ которой все путное бѣжитъ, не оглядываясь? А для этого, ей Богу, нѣтъ смысла жить, помня о прошломъ»...

Драма, затаенная въ строкахъ этого письма, представляется мнѣ, по впечатлѣніямъ нѣсколькихъ

встрѣчъ въ Теріокахъ, Выборгѣ и Гельсингфорсѣ, не единичною, но групповою. Поэтому, вмѣсто письменнаго отвѣта, котораго желаетъ и ждетъ мой корреспондентъ, я предпочитаю, — и, надѣюсь, онъ на это не посѣтуетъ, — отвѣтить печатно.

Многоуважаемый Н. З.!

Петроградскій случай, подавшій Вамъ поводъ писать ко мнѣ, я разсказалъ — къ свѣдѣнію тѣхъ раздробившихся силъ русской эмиграціи, которыя, вмѣсто того, чтобы соединиться всѣмъ вмѣстѣ для спасенія и возрожденія своей родины, теряютъ время и энергію на партійные счеты, споры, раздоры и расколы, на интриги съ тою или другою иностранною дипломатіей, на игрушки безвліятельныхъ и безрезультатныхъ фракціонныхъ съѣздовъ, никчемныхъ резолюцій, никѣмъ не пріемлемыхъ и даже не внимаемыхъ манифестовъ и т. п. А, между тѣмъ, рукой подать отъ насъ — бьется въ предсмертной агоніи, задыхается въ петлѣ, удавленный олигархической тираніей, великій русскій городъ. Безсильный уже самъ спасти себя изнутри, онъ еще не потерялъ надежду быть спасеннымъ извнѣ: что просунется откуда то чья то благодѣтельная рука и сорветъ съ его шеи губительную веревку, вовсе уничтоживъ большевиковъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабитъ петлю: обывательская мечта-компромиссъ о портофранко, съ иностраннымъ кварталомъ, гдѣ будетъ иностранная милиція, иностранная юрисдикція и т. д. Мечта, увы, превращающая Петроградъ въ какія то старотурецкія Салоники, но что же дѣлать? Дожили до того, что должны еще

ютъ и этакъ — «по одежкѣ протягивать ножки», да еще и съ трепетнымъ вожделѣніемъ:

— Ахъ, когда бы сбылось! Неужели, неужели не сбудется? Неужели не будетъ у насъ наводить порядокъ англійскій полисменъ, нѣмецкій шутцманъ, французскій сержанъ де виль, итальянскій карабиньеръ?!

Спасеніе извнѣ — единственное упованіе Петрограда. Если оно не придетъ и не придетъ скоро, бывшей русской столицѣ, во всѣхъ классахъ ея населенія, остается именно «жданки потерять» и пріять смерть — на выборъ — физическую или моральную. Либо съ мѣста въ рѣку, какъ покончила съ собою несчастная, страшно символическая, А. Н. Чеботаревская, либо — къ яслямъ большевизма, тупо примиряясь съ ярмомъ, пріемля всѣ его рабскія послѣдствія, безжалостно унизительныя для человѣческаго достоинства, низводящія населеніе на положеніе двуногой скотины, надъ которою безпрестанно вьется въ воздухѣ кнутъ пастуха глупаго, но бдительнаго и свирѣпаго, какъ даже не стоглазый, а тысячеглазый Аргусъ. Пусть ясли большевизма пусты либо наполнены несъѣдобною дрянью, — все равно: приближеніе къ нимъ спасаетъ двуногую скотину отъ повторныхъ ударовъ страшнаго кнута, — для измученной переутомленіемъ и хроническимъ испугомъ, слабой души уже и то отдыхъ. О, если бы вы знали, какими малыми улучшеніями своего быта не только довольствуется — счастливится теперь петроградскій обыватель! за какую жалкую горсточку чечевицы (часто даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ) вынужденъ онъ продавать свою честь и совѣсть! Какъ онъ выучился радоваться своимъ мизернымъ удачамъ въ этомъ ужасномъ торгѣ, до того по-

стоянномъ и привычномъ, что въ холопское существо его уже не вникаютъ, процесса его не замѣчаютъ...

Когда то, въ Калужской губерніи, слышалъ я народный анекдотъ-притчу. Очень бѣдовалъ нищій и многосемейный мужикъ въ тѣсной, черной, курной хатѣ. Наконецъ, терпѣнія не стало, — пошелъ къ попу просить совѣта, что сдѣлать, чтобы жилось лучше. Священникъ выслушалъ и говоритъ:

— Есть у тебя поросенокъ?

— Есть, батюшка.

— Возьми его въ избу, онъ принесетъ тебѣ счастье, начнешь жить лучше.

Послушался мужикъ, взялъ поросенка въ хату. Нѣтъ, стало отъ поросенка въ хатѣ еще гаже... Опять отправился мужикъ къ попу съ жалобою — и получилъ новый совѣтъ:

— Видно, поросенка тебѣ мало, возьми въ избу свою корову.

Почесалъ въ затылкѣ мужикъ, но... батюшкѣ лучше знать, откуда приходитъ счастье!... Поставилъ корову въ хату. Была тѣсна, а теперь стало въ ней — ужъ и вовсе не повернуться; была грязна, а теперь — семья по колѣно въ навозѣ вязнетъ... Вновь закланялся мужикъ попу:

— Батюшка, моченьки моей больше нѣту...

— Какъ? И корова не помогла? Нечего дѣлать, остается тебѣ поставить въ хату еще и лошадь...

Взвылъ мужикъ, но повиновался. Лошадь въ избѣ и сама едва умѣстилась, съ коровою и поросенкомъ, и мужиковыхъ дѣтей мало мало не передавила...

— Батюшка! да что же это за адъ такой? Когда же хоть сколько то нибудь лучше будетъ?

Усмѣхнулся священникъ и говоритъ:

— Убери поросенка въ хлѣвъ, а черезъ три дня придешь мнѣ сказать, какъ живется, хуже или лучше.

Пришелъ мужикъ въ назначенный срокъ.

— Что скажешь?

— Да что, батюшка... вѣдь въ самомъ дѣлѣ, какъ будто маленько получше.

— Ага, свѣтъ! Ну, теперь, выведи въ хлѣвъ корову..

Прибѣжалъ съ новымъ докладомъ мужикъ — уже много свѣтлѣе лицомъ.

— Ну, какъ?

— Ахъ, батюшка, съ намеднишнимъ и сравнить нельзя: куда же просторнѣй и чище...

— Вотъ видишь, я тебѣ говорилъ, — теперь можешь убрать и лошадь...

На этотъ разъ батюшка самъ отправился провѣдать мужика. А тотъ его встрѣчаетъ, веселый, чуть не пляшетъ...

— Э, свѣтъ! да никакъ ты поправился и хорошо зажилъ?

— Батюшка! не жизнь, а свѣтлый рай!!!...

Въ томъ вотъ тоже и проходила, и проходитъ наша жизнь петроградская. Въ ней, какъ въ хатѣ этого калужскаго мужика, четыре года свинство громоздилось на свинство, и, когда какое либо малое свинство случайно отпадало, обыватель уже облегченно вздыхалъ:

— Ну, что жъ? Все-таки , жить еще можно... не вовсе подыхаемъ...

А когда какимъ нибудь экстреннымъ пайкомъ, неожиданною подачкою, присыломъ изъ за границы, спекуляціей, продажею послѣднихъ цѣнныхъ вещей пара-

лизовались на нѣкоторый срокъ накопившіяся свинства большого калибра, обыватель ходилъ уже почти веселый и, право, былъ иногда недалекъ отъ того, чтобы аттестовать свое существованіе вновь обрѣтеннымъ свѣтлымъ раемъ... Хотя «хата» его была по прежнему черна, грязна, тѣсна, смрадна и больше напоминала звѣриную вонючую берлогу, чѣмъ жилье человѣческое.

Это рабское низведеніе потребностей къ нулю, это принижающее примиреніе съ вынужденнымъ свинствомъ (физическимъ и моральнымъ, свинствомъ тѣла и свинствомъ духа) — большой успѣхъ большевиковъ и огромная общественная опасность. Развѣ въ томъ бѣда моей знакомой барышни, что она вышла замужъ не въ своемъ сословіи, а за сына своей бывшей няньки? Я, на своемъ вѣку, много интересовался смѣшаннымъ, междусословнымъ бракомъ, обрабатывалъ свои наблюденія надъ нимъ и въ разсказы, и въ повѣсти, и въ романы. Видалъ весьма неуклюжіе его примѣры, видалъ и такіе счастливые, на которые любая сословная пара могла бы только съ завистью глядѣть да поучаться. Совсѣмъ не въ томъ дѣло, что аристократическая невѣста досталась демократическому жениху, а въ томъ, **к а к ъ** она досталась... «Между прочимъ» и — «знаете, когда въ одной комнатѣ»... Вотъ онъ — циническій ужасъ то бытового примиренія съ совѣтчиной «теряющихъ жданки» слабцовъ, вотъ она — гибель разложенія, пріемлющаго отъ жизни то, что она даетъ, и считающаго за рай, если въ его хатѣ нѣтъ поросенка, коровы и лошади, а есть только неотмывная грязь, черная копоть и поганая тѣснота человѣческой нищеты. Опять и опять подчеркиваю: нищеты и тѣла, и духа.

Да, это большая опасность и противъ нея я, какъ человѣкъ, только что вырвавшійся изъ Совдепіи, громко, во весь голосъ предупреждаю всѣхъ, кто еще надѣется оживить мертвую на три четверти Россію. Страшенъ и широкъ захватъ соглашенія съ жизнью на условіи примиренія со свинствомъ, ибо конца краю нѣтъ рабамъ переутомленнымъ до отчаянія, до одурѣнія, но, все же, сохраняющимъ еще «сладкую привычку къ жизни» и не способнымъ ни оборвать ее, какъ Чеботаревская, ни найти изъ рабства выходъ къ свободѣ... *)

Вѣдь вотъ и въ Вашемъ, Н. З., хорошемъ, искреннемъ письмѣ сквозитъ уже переутомленіе ожиданіемъ и почти равнодушіе — равнодушіе невѣрія — къ процессу затянувшейся борьбы. Вы тоже человѣкъ, «теряющій жданки». А вѣдь Вамъ только 20 лѣтъ и Вы принадлежите, скажу даже—имѣете счастье принадлежать къ классу, на который теперь болѣе всего возлагается надеждъ и которому, безспорно, принадлежитъ рѣшающій голосъ въ дальнѣйшихъ судьбахъ Россіи — страны крестьянской по преимуществу.

Да вѣдь и теперь уже, изъ народныхъ элементовъ, остающихся внутри страны, только одно крестьянство и борется съ большевиками активно, частію безсознательно, а частію и вполнѣ сознательно работая на идею новаго грядущаго «мужицкаго царства». Мѣстныя движенія крестьянства грубо прямолинейны и неразборчиво истребительны; въ нихъ смутно брезжитъ идея, но нѣтъ ясно намѣченнаго идеала; они угасаютъ съ такою же легкостью, какъ вспыхиваютъ, когда красные курсанты заливаютъ ихъ пожары кровью селъ и деревень, безъ разбора бунтарей и покорныхъ. Но это

*) Все оправдалось въ „смѣновѣховщинѣ"! 1922. VI.

-- неумирающая гидра, которая на мѣстѣ каждой своей отрубленной головы выращиваетъ десятокъ новыхъ. Слыхали ли вы, что творится, вотъ уже съ февраля, въ Тамбовской губерніи и смежныхъ съ нею уѣздахъ Пензенской, Саратовской, Воронежской? А Ваша родная Черниговская губ., гдѣ коммунисты не смѣютъ носа высунуть за черту городовъ, потому что деревня объявила городъ большевикомъ, сторожитъ его, какъ злѣйшаго врага, и, при каждой его попыткѣ къ вторженію въ нее, уничтожаетъ его безпощадно.

Не унывайте. Я и не люблю, и не берусь пророчествовать, ниже — прописывать цѣлебные рецепты, не изучивъ средствъ аптеки, — не рѣшусь на это и теперь. Но я знаю, видѣлъ, испыталъ, увѣренъ, что власть большевиковъ изжила себя до состоянія насквозь прогнившаго яблока, которое держится на вѣткѣ только до перваго внѣшняго толчка. Будетъ этотъ толчекъ, яблоко оборвется скоро и, плюхнувъ о земь, расползется такъ, что отъ него только мокренько останется. Не будетъ толчка, — оно еще повиситъ, но — все равно, уже никогда не выправится и не оздоровѣетъ, а покончится, мало по малу, само собою, засохнувъ и съежившись въ ту «подпольную» коммунистическую партію, о которой Кремль подумывалъ уже въ концѣ прошлаго іюля. Какъ одно время въ Петроградѣ острили: — Были Совдепы, Совнархозы, Совнаркомы... а потомъ будетъ — Sauve qui peut... Спасайся, кто можетъ!

Для отвѣта, кто именно дастъ внѣшній толчекъ, я еще слишкомъ недавно за границею, немногихъ видѣлъ, мало слышалъ. Вотъ пригляжусь, прислушаюсь, вникну ближе, тогда и выработаю свое мнѣніе и вы-

скажу его. А покуда желаю Вамъ и всѣмъ товарищамъ Вашимъ по молодой тоскѣ и сомнѣніямъ — здоровья, терпѣнья и вѣры въ будущее. Вѣрьте мнѣ: какъ бы ни скверно было Вамъ сейчасъ, самая пакостная свобода лучше коммунистическаго рабства. Это пишетъ Вамъ не 20-лѣтній юноша, у котораго впереди полвѣка жизни — огромный срокъ, чтобы наверстать всѣ молодыя утраты и днемъ жизни вознаградить себя за ея испорченное утро, — но старикъ, который для того, чтобы вырваться изъ совѣтской неволи, рѣшился, на 60 году, что называется раздѣть себя и семью свою до послѣдней нитки и нагимъ броситься въ позднюю грозную авантюру новаго устройства трудовой жизни... Лишь бы не съ ними, лишь бы на свободѣ, пусть въ какомъ угодно «здѣсь», лишь бы не «тамъ»!... «Камни и ели Финляндіи»... Ну, знаете: какъ просидѣлъ я четыре года, глядя на помойную яму посередь нашего двора, которая, изъ года въ годъ расширяясь и переполняясь, наконецъ, и весь дворъ обратила въ помойную яму, да какъ поѣздилъ я на казенныхъ совѣтскихъ автомобиляхъ отъ этого прелестнаго вида къ еще прелестнѣйшему — изъ за рѣшетчатыхъ оконъ «Шпалерной 25», то «камни и ели Финляндіи», обвѣянные воздухомъ свободнаго гражданства, представляются мнѣ сказочными красавцами...

XV

«СМѢЮЩЕЕСЯ ГОРЕ» *)

Литературный предокъ нашъ, основатель русскаго сентиментализма, Н. М. Карамзинъ былъ человѣкъ гру-

*) Рѣчь, произнесенная на русскомъ вечерѣ въ помощь голодающимъ въ Прагѣ 22 ноября 1921 года.

стный и къ меланхоліи склонный. Однако, и онъ однажды посовѣтовалъ:

— Ахъ, не все жъ намъ токи слезные
Лить о горестяхъ существенныхъ,
На мгновенье позабудемся
Въ чарованьи красныхъ вымысловъ . . .

«Я, ваше высокородіе, человѣкъ легкій», рекомендуется несчастный портной Гришка въ одномъ изъ самыхъ трагическихъ разсказовъ Салтыкова - Щедрина, «кабы не легкость моя, кажись, мнѣ и дня не прожить бы!»

Этотъ полудикій Гришка и культурнѣйшій западникъ Карамзинъ подаютъ другъ другу руки на разстояніи ста лѣтъ, ибо «чарованье красныхъ вымысловъ» одного и «легкость» другого суть, въ существѣ своемъ, одно и то же и выражаютъ важную, основную черту русскаго характера, въ которой и наше счастье, и наше несчастье. Несчастье потому, что легкость характера и чарованье красныхъ вымысловъ слишкомъ часто и беззаботно заслоняютъ отъ насъ горести существенныя, и мы забываемъ о нихъ, отставляемъ ихъ на задній планъ, отсрочиваемъ на завтра дѣятельную борьбу съ ними. А онѣ, тѣмъ временемъ, успѣваютъ разрастись и накопиться въ такомъ количествѣ и въ такой силѣ, что бѣдному Гришкѣ, при всемъ его легкомъ характерѣ, не остается ничего другого, какъ взобраться на колокольню повыше, да, перекрестясь, броситься съ нея головою внизъ. Счастье — потому, что, безъ легкости характера, безъ умѣнья «въ горѣ жить — не кру-

чинну быть», русскій народъ не вышелъ бы цѣлымъ изъ испытаній своей угрюмой тысячелѣтней исторіи, не перенесъ бы ни татарщины, ни царей-террористовъ по системѣ Ивана Грознаго и Петра Великаго, ни Смутнаго времени, ни Бирона, ни Аракчеева, ни теперешняго ужаса своей жизни — владычества мнимо-коммунистической олигархіи большевиковъ...

Я прихожу къ вамъ, господа, изъ юдоли безграничнаго горя, невыразимой скорби. Такой, что тамъ уже и слезы не льются, — «токи слезные» изсякли и высохли. Живутъ люди въ отчаяніи, со дня на день, въ тщетномъ ожиданіи спасительной перемѣны своихъ судебъ и, какъ говорится, «ждали мы, ждали, да и жданки потеряли». И одни, послабѣе духомъ, сдаются царюющему злу на капитуляцію, — «зажмуривъ глаза и стиснувъ зубы, берутъ отъ жизни то, что она предлагаетъ»; другіе, болѣе сильные и стойкіе, быстро поднимаются по лѣстницѣ на Гришкину колокольню и уже — съ вожделѣніемъ — заглядываютъ за перила ея . . .

Но, такъ какъ «легкій человѣкъ» Гришка, навѣрное, даже у роковыхъ перилъ этихъ стоя, еще ухмыльнулся — хотя бы при мысли, сколько безпокойства доставитъ онъ завтра полиціи, которая должна будетъ запротоколить происшествіе и убрать его трупъ,—то и наша юдоль петроградская, хоть и при послѣднемъ издыханіи, но складываетъ изсохшія губы свои въ улыбку, — смѣется и острitъ. Умираніе не прекращаетъ народнаго юмора, не унимаетъ предсмертной сатиры, мѣтко подхватывающей всѣ неудачи, промахи, пробѣлы въ режимѣ господствующей тираніи. Крылатая молва замѣняетъ печать, и неизвѣстно какъ, когда и кѣмъ бро-

шенное острое словцо, злая эпиграмма, изъ устъ въ уста, быстро облетаетъ весь городъ и, въ множествѣ варіантовъ, ложится въ память обывателей.

Моральное разложеніе коммунистической партіи ужаснуло ее самое. Началась пресловутая чистка коммунистовъ. «Легкій характеромъ», Гришка-Петроградъ немедленно изобразилъ ее слѣдующимъ «краснымъ вымысломъ».

Одинъ изъ иностранныхъ гостей (можетъ быть, Уэллсъ, можетъ быть, Нансенъ) задаетъ В. И. Ленину-Ульянову вопросъ:

— Скажите, товарищъ Ленинъ, сколько, по вашему, настоящихъ коммунистовъ въ Россіи?

Ленинъ долго думаетъ, считаетъ по пальцамъ, затѣмъ мрачно изрекаетъ:

— Три.

— Какъ? только три?

— Три. Настоящихъ только три.

— Кто же такіе?

— Одинъ — Ленинъ, другой — Ульяновъ, третій — я!...

Ненависть къ Троцкому создала другой популярный анекдотъ.

Главнокомандующій Троцкій ревизуетъ какую то провинціальную часть. Страшно усталъ. Ложится спать, наказавъ ординарцу обязательно разбудить его въ 6 часовъ утра. Ординарецъ былъ не изъ его обычной свиты, а прикомандированный къ нему частью, изъ новенькихъ. Когда наступилъ условленный часъ, онъ спохватился, что не знаетъ, въ какихъ именно выраженіяхъ долженъ онъ будить спящаго главнокомандующаго.

— По нынѣшнему: «вставайте, товарищъ Троцкій!» — фамильярно для такой особы, пожалуй обидится...

— Махнуть по старому: «ваше высокопревосходительство, извольте вставать!» — невозможно! контръ-революція! еще угодишь въ Ч. К.!

Однако, думалъ, думалъ — и надумался.

Почтительно склонясь надъ почивающимъ, запѣлъ умиленнымъ голосомъ первый стихъ изъ «Интернаціонала»:

— «Вставай, *проклятьемъ заклейменный!*»...

Больше не потребовалось. Подѣйствовало. Троцкій вскочилъ, какъ встрепанный:

— Встаю! встаю!..

Москву сильно тревожитъ неукротимое возстаніе Тамбовскаго края, руководимые Антоновымъ. Отчаявшись побѣдить этого неуловимаго гверильяса, Ленинъ отправилъ къ нему делегацію съ запросомъ о мирныхъ условіяхъ. Антоновъ, будто бы, прислалъ въ отвѣтъ, въ конвертѣ, свою визитную карточку, напечатанную по новой орѳографіи:

С. Антонов

—Ну, на что это похоже? — возмущается Ленинъ, показывая карточку Троцкому, — я къ нему — съ дѣльными предложеніями, а онъ мнѣ отвѣчаетъ чертъ знаетъ чѣмъ . . .

Троцкій внимательно разсматриваетъ карточку и пожимаетъ плечами:

— Не понимаю, почему ты волнуешься. Я вижу здѣсь полный отвѣтъ.

— Помилуй! гдѣ же?

— То то, что ты русскій, привыкъ читать все слѣва направо, — вотъ и не понимаешь. А я, какъ еврей, читаю справа налѣво, — такъ мнѣ и ясно...

«С. Антонов» — въ обратномъ чтеніи, справа налѣво, — читается:

— Вонъ отъ насъ!

Большую пищу уличному остроумію даютъ излюбленныя большевизмомъ, сокращенныя наименованія правительственныхъ учрежденій, чиновъ и присутственныхъ мѣстъ. Увѣряютъ, будто есть такая должность:

— Замѣститель комиссара по морскимъ дѣламъ.

Сокращенно это выражается:

— Замкомпоморде!..

Было нелѣпое учрежденіе, именовавшееся Морскою Авіаціей, и, конечно, имѣло свое управленіе, — Управленіе Морской Авіаціи, — У. М. А. — Ума.

Когда учрежденіе это было упразднено за ненадобностью, фактъ былъ оповѣщенъ въ правительственныхъ газетахъ подъ заголовкомъ:

— Расформированіе Ума.

Можете представить себѣ восторгъ обывателей!

По поводу тѣхъ же сокращеній.

Сидитъ будто бы Ленинъ и размышляетъ:

— Есть у насъ Совнаркомъ, Совдепы, Совнархозы, а все — какъ будто еще чего то не хватаетъ... Какъ ты думаешь, Троцкій, какой бы намъ «совъ» еще изобрѣсти?

А Троцкій ему — мрачно, по французски:

— Sauve qui peut!

Въ рукахъ моихъ была коммунистическая резолюція объ исключеніи Зиновьева изъ партіи, — не знаю, шуточная, сатирическая или настоящая, такъ какъ я получилъ ее отъ рабочихъ Балтійскаго завода. Составлена она была, во всякомъ случаѣ, мастерски стильно. Такъ какъ она была длинная, то всю ее не припомню. Но въ числѣ прочихъ преступленій, Зиновьевъ осуждался къ изгнанію, между прочимъ, и за то, что

— Бѣлится и румянится, какъ баба, и дуетъ шампанское, какъ банкиръ, и взялъ на содержаніе танцовщицу, какъ великій князь!

Подложныхъ сатирическихъ документовъ, исходящихъ якобы отъ совѣтской власти, ходило по рукамъ не мало. Въ разгаръ бумажно-созидательной дѣятельности Совнаркома, когда Москва, какъ вулканъ, извергала декреты съ обязательными предписаніями, одно другого фантастичнѣе, — одно другого труднѣе къ исполненію, въ Петроградѣ и окрестностяхъ были расклеены летучки, съ декретомъ за подписью Ленина и совѣтскою печатью, который, въ самомъ серьезномъ тонѣ, обязывалъ отнынѣ всѣхъ гражданокъ Р. С. Ф, С. Р., въ цѣляхъ скорѣйшаго размноженія коммунистовъ, рожать исключительно мальчиковъ и, притомъ, не болѣе, какъ въ шестимѣсячный срокъ.

Тонъ и форма приказа были выдержаны такъ ловко, а репутація разумности совѣтскихъ декретовъ стояла такъ низко, что въ темныхъ массахъ подлогу повѣрили, и на одной изъ пригородныхъ станцій Финляндской жел. дор., у столба съ его наклейкою, вспыхнулъ настоящій бабій бунтъ. Любопытно, что мѣстные

тамошніе чекисты долго не рѣшались снять наклейку, смущаясь красовавшейся на ней печатью Совнаркома:

— Чортъ, молъ, ихъ знаетъ, — можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ?!.. Отъ нашихъ все станется...

Ну, а теперь, отъ «красныхъ вымысловъ» позвольте возвратить васъ въ область дѣйствительности и разсказать одинъ эпизодъ ея, тоже не лишенный остроумія и, вѣроятно, вамъ неизвѣстный. Когда растерявшаяся передъ голодомъ совѣтская власть призвала было на помощь общество и сложился Всероссійскій комитетъ, этотъ послѣдній не получилъ ожидаемой популярности, въ виду слишкомъ прозрачной его зависимости отъ президіума изъ правителей-коммунистовъ, Каменева съ компаніей. Въ противовѣсъ, Петроградъ затѣялъ было «Технопомощь» — организацію, которая дѣйствовала бы исключительно общественными силами безъ какой бы то ни было связи съ правительствомъ. Это, конечно, не прошло. «Технопомощь» не получила утвержденія. На организаціонномъ собраніи «Технопомощи» въ Тенишевскомъ залѣ очень хорошо и сильно говорили иниціаторъ дѣла, Пальчинскій, Рафаловичъ и др. Всѣ указывали на то обстоятельство, что, разъ совѣтское правительство сознаетъ свое безсиліе помочь всенародной бѣдѣ, то общество должно взять дѣло въ свои руки, а для этого получить отъ правительства твердыя гарантіи широкой свободы дѣйствій, гласности и отвѣтственнаго контроля. Собраніе въ 400 человѣкъ горячо привѣтствовало ораторовъ, но желало непремѣнно выслушать мнѣніе одного стараго заслуженнаго экономиста-практика, игравшаго когда то большую роль въ министерствѣ Витте. Человѣкъ этотъ,

вовсе не отличавшійся въ прошлой жизни своей большимъ гражданскимъ мужествомъ, долго отнѣкивался говорить, но, наконецъ, поднялся на кафедру и сказалъ буквально слѣдующее:

— Господа, я буду очень краток. Вы занялись вопросомъ, при какихъ гарантіяхъ со стороны совѣтскаго правительства ваша помощь голодающимъ можетъ быть плодотворною. Позвольте мнѣ по поводу этого напомнить одинъ историческій фактъ. Когда Австрійское Правительство Меттерниха увидало, что тираніей и солдатчиной оно не въ состояніи удержать Венеціанскую область въ своихъ когтяхъ, оно рѣшило идти на уступки и прислало въ Венецію делегацію, которая столковалась бы съ венеціанскими революціонерами-патріотами. Делегація прибыла, изложила цѣлый рядъ возможныхъ со стороны правительства уступокъ и, подъ гарантіей ихъ, приглашала венеціанцевъ къ совмѣстной работѣ. Венеціанцы молчали. Наконецъ, делегація настойчиво потребовала отвѣта, какихъ же еще гарантій они желаютъ. Тогда Даніеле Манинъ всталъ и сказалъ:

— Отвѣтъ нашъ будетъ кратокъ: «*уйдите прочь!*»..

Съ этимъ словомъ Даніеле Манина, такъ же и русскій ораторъ покинулъ каѳедру сперва среди мгновенной мертвой тишины зала, ошеломленнаго его неожиданной смѣлостью, а затѣмъ въ ревъ неслыханнаго энтузіазма. Ибо онъ сказалъ то, что рѣшительно каждый про себя думалъ, но чего никто не договаривалъ...

Господа, то, что вы собрались помочь голодающимъ маленькою «лептою вдовицы», которую можетъ представить себѣ вашъ нынѣшній сборъ, безспорно гуманное дѣло. Но будемъ говорить по правдѣ: сколько

бы вы ни собрали. куда бы вы сборъ не отослали, — вѣдь это лишь легкая прививка противъ угрызеній совѣсти, чтобы не укоряла она васъ въ безучастности къ далекому страданію соотчичей. Помогать — легче для души, чѣмъ не помогать, но, помогая, помните, что страданій родины такою своею помощью вы не прекратите, тутъ нужно что то другое, болѣе сильное, болѣе мужественное. «Съ міру по ниткѣ—голому рубашка»—пословица, въ данномъ случаѣ. недѣйствительная, безсильная. Слишкомъ громаднаго роста онъ, нашъ русскій голый, не сошьете вы на него рубашки. Да и никто не сошьетъ, а надо, чтобы онъ самъ себѣ рубашку по росту нашелъ и добылъ. Вотъ въ этомъ вы, ушедшіе за русскій рубежъ отъ того насилія и грабежа, отъ того организованнаго разбоя и надругательства, которые сдѣлали его голымъ, вы, сильные. молодые, идейные, мечтатели, мыслители и дѣятели, солдаты и вожди, — въ этомъ вы помочь ему можете и должны помочь. Притча о лептѣ вдовицы не досказана. Когда кружка, въ которую она была опущена. наполнилась, пришли Анна съ Каіафою, опустошили кружку и ея содержимымъ оплатили своихъ тѣлохранителей. Такимъ образомъ и — вдовица лепты лишилась, и въ храмъ лепта не попала. а прокутила ее, въ числѣ прочей казны, циническая первосвященническая банда. Лепта русской вдовицы дойдетъ до храма, русскій голый получитъ свою рубашку только тогда, когда русскимъ Аннамъ и Каіафамъ будетъ предъявлено такое же властное и рѣшительное — «подите прочь!» — какое бросилъ Даніеле Манинъ Аннамъ и Каіафамъ австрійскимъ... А вы это можете. Никто не можетъ больше чѣмъ вы. Теперь только вы можете. Васъ два съ половиной милліона въ

Европѣ. Если хоть одна десятая часть васъ соединится въ крѣпкую, проникнутую единою мыслью и волею, силу, которая эту цѣль поставитъ выше всѣхъ личныхъ и партійныхъ самолюбій, что сейчасъ раздираютъ и безсилятъ вашу среду, дѣло будетъ сдѣлано. Помощь деньгами и хлѣбомъ уже опоздала. Мертвыхъ съ кладбища не носятъ. Безумная власть большевиковъ уже принесла въ жертву своему честолюбію милліоны людей — и разрушила пути къ ихъ спасенію. Это, въ Стокгольмѣ, теперь даже Горькій признаетъ, послушный адвокатъ большевизма. Спасти здѣсь можетъ только тотъ, кто перешагнетъ черезъ дикую власть сумасшедшихъ и плутовъ. Голодъ страшное, долговѣчное чудовище, но онъ не безсмертенъ. Милостыня, которую теперь собираютъ для Россіи въ буквальномъ смыслѣ слова по міру, его не уморитъ. Покончитъ съ нимъ только свободный трудъ свободной Россіи. Голодъ начнетъ умирать лишь въ тотъ день, когда падетъ терзающая его самозванная олигархія, а умретъ въ тотъ день и часъ, когда на мѣстѣ власти захватной и насильственной, засіяетъ власть избранная и провозглашенная всенародной волей. Приблизьте же къ ней этотъ счастливый день. Клянусь вамъ, это въ вашей волѣ и въ вашихъ средствахъ. Пусть же это будетъ и въ вашемъ постоянномъ стремленіи.

XVI

ПАМЯТИ АБРАМА ЕВГЕНІЕВИЧА КАУФМАНА.

Съ глубокою скорбью прочиталъ я въ «Рулѣ» печальнѣйшее извѣстіе о кончинѣ А. Е. Кауфмана. Въ

послѣдніе четыре года, подъ совѣтскимъ гнетомъ, онъ въ литературномъ Петроградѣ былъ — мало сказать, виднымъ, — центральнымъ человѣкомъ.

Я любилъ и очень уважалъ Абрама Евгеніевича, особенно сблизившись съ нимъ въ 1920—21 гг. по совмѣстному участію въ комитетѣ «Дома Литераторовъ», котораго онъ былъ не только секретаремъ, но и, во истину, душою. Десятки засѣданій просидѣлъ я между нимъ и А. Ф. Кони и десятки случаевъ имѣлъ изумляться такту, съ какимъ А. Е. умѣлъ вести утлую ладью нашу по бурному совѣтскому морю, ежеминутно готовому ее поглотить. Недавно въ «Обзорѣ печати» «Руля» я видѣлъ выдержку изъ какого-то совѣтскаго органа, свидѣтельствующую, что А. Е. Кауфманъ былъ единственнымъ изъ литераторовъ въ Петроградѣ, съ кѣмъ мѣстная власть «считалась» и даже иногда «шла ему на встрѣчу». Я охотно подписался бы подъ этимъ отзывомъ, если бы онъ былъ дополненъ необходимою оговоркою:

«Хотя А. Е. не былъ ни на іоту «соглашателемъ» съ совѣтской узурпаціей и нисколько не скрывалъ своей глубочайшей къ ней антипатіи».

Потому что льстецамъ-то своимъ, угодникамъ и даже просто ослабѣвшимъ людямъ, согласнымъ, скрѣпя сердце, поклониться Звѣрю, сжечь на алтарѣ его формальную щепочку ѳиміама и пріять печать Антихристову, совѣтская власть всегда «шла на встрѣчу» съ широко раскрытыми объятіями, осыпая своихъ неофитовъ льготами, милостями и любезностями. Въ настоящее время, когда число литературныхъ «соглашателей» значительно пріумножилось, меня изумляетъ не столько фактъ ихъ «соглашательства», — его въ

большинствѣ случаевъ, давно уже можно было предчувствовать, — сколько ихъ яростное усердіе въ новой службѣ, заходящее, право же, гораздо дальше того, на что отъ нихъ разсчитывала и чего ожидала благопріобрѣтшая ихъ перья, совѣтская власть. Тутъ, что называется, — соблазнъ отъ дьявола, ну, а подлость ужъ отъ самихъ себя.

Нѣтъ! Въ рѣзкую противность всѣмъ подобнымъ господамъ, А. Е. держалъ свое литературное знамя честно, прямо и крѣпко. Не добавлю обычнаго «грозно». Онъ не былъ бойцомъ. Но —

Воплощенной укоризною.
Мыслью честенъ, сердцемъ чистъ,
Онъ стоялъ передъ отчизною.
Либералъ-идеалистъ...

И эта пассивная, но безбоязненная и правду свою глубоко сознающая, «укоризна» чистаго сердцемъ и честнаго мыслью либерала-семидесятника вооружала его дипломатическій талантъ такою убѣдительностью, что передъ нею часто пасовало даже злое упрямство обломовъ и хамовъ, возглавляющихъ «исполкомы», «чека», «райкомы» и прочія милыя учрежденія, отъ дуновенія коихъ нынѣ зависитъ, быть или не быть мыльному пузырю — жизни и свободѣ петроградскаго интеллигента. Я, не обинуюсь, приписываю исключительно такту А. Е. тотъ удивительный фактъ, что Домъ Литераторовъ, единственный и послѣдній въ Петроградѣ оплотъ независимой литературной братіи, Антихристовой печати не пріявшей, былъ въ состояніи сохранить свою самостоятельность въ теченіе двухъ съ по-

ловиною лѣтъ. хотя Дамокловъ мечъ разгона и закрытія угрожалъ ему — ужъ и не знаю, сколько разъ. Хотя жилъ онъ въ рубищѣ и въ жестокой опалѣ, подъ дождемъ постоянныхъ доносовъ печатныхъ, письменныхъ и устныхъ. Хотя «недреманное око» Смольнаго встрѣчало рѣшительно всякое хозяйственное и просвѣтительное начинаніе «Дома Литераторовъ» подозрительнымъ недоброжелательствомъ, какъ новый опытъ скрытой «контръ-революціи». Вся тяжелая дипломатическая борьба за существованіе учрежденія ложилась на плечи А. Е. Кауфмана, равно какъ въ матеріальной борьбѣ, — до изнеможенія силъ, — крутились, вертѣлись Б. О. Харитонъ, В. Б. Петрищевъ, Н. М. Волковысскій. Вѣдь главнымъ условіемъ независимости «Дома Литераторовъ» была его матеріальная самостоятельность: онъ не получалъ отъ совѣтской власти никакихъ субсидій. Бился, какъ рыба объ ледъ, но обходился своими средствами, посильно питая 570 человѣкъ изъ еще уцѣлѣвшей петроградской интеллигенціи. Не знаю, такъ ли обстоитъ все это дѣло и теперь. Судя по нѣкоторымъ корреспонденціямъ совѣтской печати, соглашательскіе элементы какъ будто успѣли проникнуть даже и въ крѣпкія нѣдра «Дома Литераторовъ». А дружный комитетъ его растерялъ, за 1921 годъ, ровно четверть своихъ членовъ: ушли въ могилу Блокъ, скончавшійся отъ голоднаго истощенія, разстрѣлянный Гумилевъ и замученный непосильнымъ трудомъ и волненіями, — жертва болѣзни сердца, — Кауфманъ. Ушли въ эмиграцію Ремизовъ и я. Но въ концѣ августа «Домъ Литераторовъ» стоялъ на своей позиціи крѣпко. Его общее собраніе и выборы выказали большую стойкость и единодушіе литературной организаціи, спа

зность которой выкована была опять таки, прежде всѣхъ и больше всѣхъ, неотступно настойчивымъ молотомъ А. Е. Кауфмана. Онъ билъ мягко, но упорно и въ одну точку, и она поддавалась ему, можетъ быть медленно, но вѣрно и прочно.

Въ своихъ хлопотахъ и ходатайствахъ за погибающихъ, въ своихъ усиліяхъ накормить голодающихъ, А. Е. не зналъ утомленія, не считался съ самолюбіемъ, удивлялъ долготерпѣніемъ. Онъ не былъ ни большимъ писателемъ съ всемірно прославленнымъ именемъ, ни рекламистомъ, «добрыя дѣла» котораго эффектно совершаются въ стеклянномъ домѣ, сопровождаемыя трубными звуками на всю Европу и Америку. Всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, имя А. Е. Кауфмана, какъ человѣка, самоотверженно работающаго на спасеніе русской интеллигенціи, едва - едва начало проникать въ западноевропейскіе круги. Я живо помню восторгъ и трогательное недоумѣніе А. Е., когда «Домъ Литераторовъ» совершенно неожиданно получилъ на его имя первую американскую посылку. Помню его бурное негодованіе и борьбу, когда на посылку эту наложилъ было свою цѣпкую лапку пресловутый глава «Дома ученыхъ», г. Роде (тотъ самый, по имени котораго это учрежденіе выразительно слыветъ въ Петроградѣ «Роде-вспомогательнымъ заведеніемъ»). Помню его неутомимый трудъ, вниманіе и мелочную щепетильность, когда отвоевавъ драгоцѣнную посылку, онъ старался раздѣлить ея содержимое между наиболѣе нуждающимися въ помощи.

Да, это былъ не большой писатель, но большой человѣкъ, что лучше большого писателя и что, къ сожалѣнію, далеко не всегда можно сказать о большомъ

писателѣ. Какъ то разъ шли мы съ нимъ изъ «Дома Литераторовъ» по Литейной и онъ очень просто и спокойно разсказывалъ мнѣ, какъ ему не удалось выхлопотать у Зиновьева ходатайство предъ Чрезвычайкой за одного арестованнаго журналиста. Три раза ему былъ назначенъ пріемъ и три раза онъ не засталъ Зиновьева въ назначенное время. На четвертый разъ онъ долгіе часы прождалъ въ пріемной, прежде чѣмъ удостоился узрѣть ясныя очи петроградскаго диктатора и — получить отказъ! . . .

— Что же вы теперь думаете дѣлать? спросилъ я.

А онъ — съ невозмутимою ясностью:

— А я завтра опять пойду...

И такъ это живо представляется мнѣ сейчасъ, какъ въ серебряныхъ кудряхъ своихъ и бородкѣ не то подъ Михайловскаго, не то подъ Жемчужникова, сидитъ онъ. уважаемый литераторъ, образованный человѣкъ, вдоль, поперекъ и кругомъ интеллигентъ, сидитъ и терпѣливо ждетъ часъ за часомъ, со своею-то грудною жабою, когда удостоитъ пріемомъ его, стараго почтеннаго еврея, молодой невѣжественный выскочка, котораго онъ помнитъ на мѣстечковой улицѣ грязнымъ цюцикомъ, едва виднымъ отъ земли, съ хвостикомъ рубашки изъ штанишекъ... Приметъ его этотъ случайный «властитель судебъ» и, надменно выслушавъ, надменно откажетъ. А онъ завтра — опять, послѣзавтра — опять, и опять, и опять... и такъ будетъ ходить и ходить, сидѣть и сидѣть, стучаться и стучаться, пока не доходится, не досидится, не достучится до своего. А «свое» для него — это спасеніе жизни, свободы или здоровья человѣка, часто ему совершенно неизвѣст-

наго до вчерашняго дня, иногда же имъ даже нелюбимаго...

Какъ и наилучшій примѣръ, отмѣчу его настойчивую агитацію за принятія въ члены «Дома Литераторовъ» извѣстнаго критика В. П. Буренина, кандидатура котораго была встрѣчена частью правленія не особенно доброжелательно. А. Е. Кауфманъ не могъ любить Буренина ни какъ писателя, ни какъ человѣка, и имя это въ немъ, евреѣ, будило много горькихъ воспоминаній. Однако, предъ больнымъ старикомъ, предъ пухнувшимъ съ голода, дряхлымъ литераторомъ-профессіоналомъ, онъ сумѣлъ не только самъ зачеркнуть былую антипатію, но и заставилъ другихъ отъ нея отказаться. Болѣе того: чтобы дать Буренину какой нибудь заработокъ, А. Е. печаталъ въ своемъ «Вѣстникѣ Литературы» его старческіе стихи.

Есть на Востокѣ пословица: «Когда еврей хорошъ, лучше его не бываетъ человѣка на свѣтѣ; когда еврей плохъ, на свѣтѣ не найти человѣка хуже его». Я думаю, что, когда Кауфманъ бесѣдовалъ съ Зиновьевымъ, то обѣ половины этой пословицы находили себѣ живое подтвержденіе и воплощеніе. Ихъ вдвоемъ можно было бы показывать, какъ двѣ части шарады. О достоинствахъ Кауфмана, какъ еврея, конечно, евреямъ же и надо судить, но, въ нашихъ русскихъ глазахъ, онъ былъ хорошій, очень хорошій еврей — и такой же хорошій русскій интеллигентъ-патріотъ, въ самомъ лучшемъ значеніи послѣдняго слова. Кровно сроднившійся съ культурными традиціями старой русской интеллигенціи, страстный обожатель и знатокъ русской литературы, типическій либералъ-семидесятникъ, онъ любилъ Россію, если можно и понятно будетъ такъ

выразиться, по-некрасовски, связанный съ «родиной-матерью» неразрывною пуповиною. Онъ откровенно говорилъ мнѣ, что не представляетъ себя въ эмиграціи.

— Знаю, что тамъ и дѣло мнѣ найдется, и средства кое какія будутъ, и люди нѣкоторые будутъ мнѣ близки и рады, и, наконецъ, удалясь отъ здѣшнихъ дѣлъ, я, навѣрное, сберегу года на два-три жизни, но... какъ же безъ Россіи то? безъ всей этой поганѣйшей и возлюбленнѣйшей Россіи, чортъ бы ее побралъ и Господь ее благослови?! Не могу, задохнусь...

Въ августѣ 1918 года, когда совѣтскій терроръ задавилъ русскую періодическую печать, я далъ себѣ слово, что въ предѣлахъ «Совдепіи», въ подчиненіи ея цензурнымъ застѣнкамъ, я не напечатаю ни единой своей строки. Многимъ коллегамъ по профессіи мое рѣшеніе казалось безполезно самоубійственнымъ. Имъ раздражались какъ нѣкоторымъ тормазомъ ихъ собственной склонности къ компромиссамъ, уже намѣчавшимся то въ формѣ телеграфнаго агентства, то въ формѣ школы журналистовъ, — участникамъ этого учрежденія я еще въ 1920 году предсказывалъ, что «коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть». Третьи, наконецъ, оптимистически доказывали мнѣ, что я не правъ: если, молъ, литераторъ лишенъ возможности громкой, протестующей рѣчи, то вѣдь остается еще нейтральный шепотъ, и онъ лучше безмолвія, потому что, всетаки, сохраняетъ традицію публицистическаго слова и поддерживаетъ привычку къ нему въ обществѣ. А. Е. Кауфманъ принадлежалъ къ числу этихъ третьихъ, и вотъ тутъ мы съ нимъ расходились и никакъ не могли столковаться. Онъ самъ издавалъ такой «ней-

тральный шепотъ» подъ названіемъ «Вѣстника Литературы». Это единственное несовѣтское изданіе въ совѣтскомъ Петроградѣ стоило ему страшной затраты силъ, времени, нервовъ, а развивалось оно, въ тискахъ совѣтскаго надзора, конечно, туго и анормально, какъ нога китаянки, задѣланная въ деревянный башмакъ. Было ли оно полезно, — право, не возьму на себя рѣшать. Потому что, при всемъ его искусствѣ въ дипломатической лавировкѣ между скалами и тайными мелями совѣтскаго контроля, лучшее, чего онъ успѣлъ достигнуть и что безусловно можно сказать объ его журналѣ, это — что въ «Вѣстникѣ Литературы» не было нечистоплотнымъ угодническихъ статей. По именамъ участниковъ журналъ казался даже блестящимъ, но, придавленныя роковымъ условіемъ «нейтральнаго шепота», имена фатально осуждены были толочь воду въ ступѣ и переливать изъ пустого въ порожнее. А. Е. Кауфманъ, какъ старый журналистъ, конечно, хорошо понималъ эту безъисходную обреченность своего изданія, но мечталъ и усиливался сохранить его цѣлымъ до лучшихъ временъ, чтобы, въ измѣнившихся государственныхъ условіяхъ, внести его въ воскресшую печать, какъ Израиль изъ пустыни въ Землю Обѣтованную. Онъ обожалъ это свое дѣтище, «Вѣстникъ литературы», и къ репутаціи его относился съ отцовскою ревностью, даже нѣсколько болѣзненною. Однажды, въ засѣданіи, я произнесъ нѣсколько рѣзкихъ словъ противъ кое какихъ газетныхъ проектовъ, о которыхъ тогда дошли до насъ слухи: то были еще робкія предвкушенія нынѣ осмѣлѣвшаго и развивающагося соглашательства. Въ перерывѣ засѣданія Кауфманъ такъ и бросился ко мнѣ.

— Надѣюсь, вы «Вѣстникъ Литературы» въ числѣ подобныхъ изданій не включаете?

Я, изумленный, только руками развелъ.

— Абрамъ Евгеніевичъ! что вы?! надо ли объ этомъ говорить?!

— Ахъ, знаете, когда идешь по лезвію ножа, всего можно ждать, всего можно ждать!

Тиха и скромна была жизнь этого человѣка, мучительно совершавшаго — далеко не журнальный только, но очень разносторонній — подвигъ отвѣтственнаго и страшнаго шествія по лезвію ножа. Рекламная статистика не вела счета людямъ, которыхъ Кауфманъ выкланялъ-вымолилъ — спасъ отъ смертной казни, выручилъ изъ тюрьмы, вырвалъ изъ когтей чрезвычайки, заслонилъ своевременной помощью отъ голодной и холодной гибели, поднялъ съ одра болѣзни, соединилъ съ разлученною семьею. Но теперь, когда земную часть Абрама Евгеніевича скрыли гробъ и могила, не будетъ нарушеніемъ скромности сказать, что исторія русской культуры не забудетъ и когда нибудь высоко оцѣнитъ этого друга нашей интеллигенціи, вѣрнаго, стойкаго, безстрашнаго, самоотверженнаго — въ самые трудные годы, въ самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ, какія она когда либо переживала. И поставитъ его смиренное имя и особо, и много впереди цѣлаго ряда нынѣ громко хвастливыхъ именъ изъ этой категоріи «спасителей», что научила и заставляетъ эту злополучную интеллигенцію покупать свое спасеніе цѣною своего, — какъ удачно выразился Мережковскій въ одной статьѣ о Горькомъ, — «оподленія».

XVII

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО».

Поищемъ современнаго отвѣта на старый некрасовскій вопросъ.

Интеллигенціи живется нестерпимо скверно. Не жизнь, а медленная смерть для каждой отдѣльной личности, быстрое вымираніе для класса. На общемъ собраніи Дома Литераторовъ, послѣдняго сравнительно независимаго союза интеллигентныхъ силъ Петрограда (не смѣшивать съ «Домомъ Ученыхъ» и «Домомъ Искусствъ»), предсѣдатель, академикъ Н. А. Котляревскій, огласилъ некрологъ 250 сотоварищей нашихъ, погибшихъ за 2 съ полов. года жертвами голода, холода, непосильной физической работы, тюрьмы, тифа, разстрѣла, самоубійства. Списокъ этотъ былъ въ свое время опубликованъ въ петроградскомъ «Вѣстникѣ Литературы» А. Е. Кауфмана, единственномъ періодическомъ изданіи, какъ то умудрившемся влачить нейтральное существованіе подъ ревнивымъ и всеуничтожающимъ «недреманнымъ окомъ» совѣтской цензуры, твердо зазубрившей къ руководству своему лишь одно безпощадное правило: — Кто не съ нами, тотъ противъ насъ. Теперь угрюмый синодикъ избіенныхъ литераторовъ увеличился еще доброю сотнею покойниковъ; въ числѣ ихъ обозначаются такія имена, какъ разстрѣлянные поэтъ Гумилевъ, профессора Таганцевъ, Лазаревскій и Тихвинскій, самоубійца А. Н. Чеботаревская, уморенный голоднымъ истощеніемъ, лучшій нашъ поэтъ Александръ Блокъ, В. Г. Короленко и только что упомянутый А. Е. Кауфманъ, скончавшійся отъ грудной жабы, нажитой въ безпрестанныхъ

волненіяхъ и хлопотахъ за погибающихъ отъ голода и чрезвычайки собратьевъ.

Рабочимъ въ совѣтской Россіи, хотя она и величается «рабоче - крестьянскою республикою», живется тоже безрадостно. Кормятъ ихъ усердно, но не матеріальною пищею, а больше лестью да обѣщаніями, исполнимыми «послѣ дождичка въ четвергъ», да неутомимымъ краснорѣчіемъ товарища Анцеловича, давно уже заслужившаго отъ рабочаго класса прочную репутацію «надувалы». Отъ работы они совершенно отбились, за техническою невозможностью работать. Дѣльное большинство тоскуетъ по правильномъ трудѣ; бездѣльное меньшинство развращается съ каждымъ днемъ все больше и хуже, погружаясь въ праздно политиканствующее хулиганство. Число рабочихъ уменьшается съ поразительной быстротой, обгоняя общее уменьшеніе населенія. Когда въ Петроградѣ было 2½ милліона жителей, въ немъ считалось 400 — 450.000 рабочихъ, почти 20 проц. населенія; теперь въ немъ на 600 - 700.000 жителей (оффиціальная цифра, въ дѣйствительности, меньше) только 20-30.000 рабочихъ, т. е. отъ 3 до 5 проц. Населеніе уменьшилось на три четверти, число рабочихъ въ 15-20 разъ. Значительную часть ихъ уничтожила страшная смертность — война, эпидеміи и туберкулезъ, свирѣпо развившійся на почвѣ общаго голоднаго изнуренія. Нѣкоторую часть поглотила колоссальная бюрократія «рабоче - крестьянской республики». Главная же, подавляюще численная масса исчезнувшихъ изъ Петрограда рабочихъ, просто, «ушла въ разбродъ»: сбѣжала изъ города, гдѣ нечего дѣлать, домой въ деревню, къ землѣ, поворотила обратно въ мужичество.

На солдатчину совѣтское государство тратитъ чуть не всѣ средства, которыя успѣваетъ награбить. Однако, красный гарнизонъ Петрограда, въ зиму 1920-21 гг., голодалъ, холодалъ, нищенствовалъ по улицамъ и частнымъ квартирамъ, былъ оборванъ, разутъ, недоволенъ, ворчалъ, шумѣлъ. Власть считала его настолько ненадежнымъ, что, когда въ февралѣ, передъ Кронштадтскимъ возстаніемъ, вспыхнули рабочіе безпорядки на Балтійскомъ заводѣ, на табачномъ заводѣ Лаферма и на Трубочномъ, первымъ распоряженіемъ Смольнаго было—не выпускать красноармейцевъ изъ казармъ на улицу и для того окружить ихъ вѣрною совѣтскою опричниною — «красными курсантами» (юнкерами). Въ матросскихъ казармахъ 2-го балтійскаго и гвардейскаго экипажа у спящихъ рядовыхъ, ночью, были выкрадены штаны и обувь, возвратившіеся на мѣсто, какъ скоро былъ выясненъ безоружный характеръ рабочаго движенія. А, когда оно замерло, изъ финляндскихъ казармъ, сосѣднихъ съ моей квартирой, и близкихъ къ мѣстности безпорядковъ, приходили ко мнѣ красноармейцы и тосковали, что эти тревожные дни имъ пришлось просидѣть подъ стражею, разутыми и, главное, не зная, гдѣ находится ихъ цейхгаузъ, — безоружными. «А то, молъ, мы бы себя большевикамъ показали!» Ну, въ это то, — что показали бы себя, — я плохо вѣрю, потому что вся эта недовольная красноармейская масса не имѣла даже и тѣни организаціи и съ большою подозрительностью относилась ко всякой внѣшней попыткѣ организовать ее, не довѣряя никакимъ партіямъ, ничьей пропагандѣ. То же самое вѣдь было и въ Кронштадтѣ. Арестованный въ самомъ началѣ Кронштадтскаго возстанія, я сидѣлъ на Шпалерной съ множест-

вомъ кронштадтцевъ, и всѣ они, на разспросы мои, одинаково отрицали ту мнимую пропаганду эсъ-эровъ и меньшевиковъ, на которую сваливали вину возстанія большевики.

— Никакихъ эсъ-эровъ и меньшевиковъ мы не видали и не слыхали, да и ни за кѣмъ не пошли бы, если бы самимъ отъ этихъ окаянныхъ не стало тошно...

Заключенные рабочіе-балтійцы также настаивали на совершенно самостоятельномъ происхожденіи и развитіи своего движенія, независимомъ отъ противо-большевистскихъ партій. А финляндскіе красноармейцы въ одинъ голосъ твердили, что рады-радехоньки были бы, еслибы между ними нашелся опытный организаторъ, но своего не оказалось, а чужаковъ они къ себѣ не пускали, опасаясь, не налетѣть бы на провокатора. Опасеніе вполнѣ естественное и извинительное въ городѣ, гдѣ на 10 человѣкъ приходится одинъ шпіонъ.

Итакъ, всюду недовольство, ненависть, презрѣніе, отвращеніе, проклятія. Между тѣмъ, власть большевиковъ, насквозь прогнившая, трупная, разложившаяся власть, сама удивляющаяся своему существованію, держится, — и даже побѣждаетъ, крѣпнетъ. Что за чудо? Не одними же «красными курсантами» спасается «соціалистическое отечество»? Штыки у нихъ крѣпкіе, неразборчивые и безжалостные, но вѣдь на однихъ штыкахъ, среди всеобщаго недовольства, казалось бы, не усидишь. А они сидятъ.

Причинъ къ тому очень много, но я остановлюсь только на одной, которую, по моему, еще очень мало замѣчаютъ или, замѣчая, придаютъ ей меньше значенія, чѣмъ она заслуживаетъ.

Большевикамъ не удалась ни одна изъ ихъ сознательныхъ соціальныхъ реформъ, но въ высшей степени удалась одна, безсознательная. Они ея не чаяли, не гадали и. ужъ конечно, въ качествѣ марксистовъ, принципіально никакъ не желали, не могли желать. Однако, теперь именно она значительно облегчаетъ ихъ положеніе, особенно, въ городахъ, а, изъ городовъ, особенно, въ Москвѣ и Петроградѣ. А именно: они. ревностные истребители старой буржуазіи во всѣхъ развѣтленіяхъ третьяго сословія. теперь поставлены въ необходимость убѣдиться, что совершенно напрасно тратили силы свои, истребляя неистребимое. Потому что, какъ разъ процессомъ то истребленія, вооруженнаго девизомъ «грабь награбленное», большевики незамѣтно создали новый среднiй классъ, новую буржуазію, судьбы которой тѣсно связаны съ ихъ судьбами. И, — по историческому правилу, что средній классъ всюду составляетъ лучшую опору правительствъ, — она уже становится оплотомъ совѣтскаго государства, — оказавшагося отнюдь не соціалистическимъ, не рабочимъ, не крестьянскимъ, но просто полицейски хищническимъ. Грабежъ имуществъ рухнувшей имперіи и старой буржуазіи, спекуляція, при чудовищномъ паденіи денежнаго курса и такомъ же чудовищномъ ростѣ вещевыхъ цѣнностей, бюрократическое взяточничество и хищничество, совмѣстительство многихъ должностей и доходностей въ одномъ лицѣ (такъ называемая «хамтура»), котрабанда, тайная игра на валютѣ и пр. образовали новый пластъ зажиточнаго обывательства. которому совершенно невыгодно паденіе большевиковъ. Безсознательные творцы этого пласта, большевики, сознательно отнюдь ему не мирволили. Напротивъ! —

вѣдь оффиціальное названіе страшной Чрезвычайки — «Чрезвычайная Комиссія по борьбѣ съ контръ-революціей, *спекуляціей и преступленіями по должности*», а спекуляція и преступленія по должности суть главныя орудія населенія новой буржуазіи. Число ея разстрѣлянныхъ и тюрьму извѣдавшихъ зиждителей, конечно, значительно меньше, чѣмъ число погибшихъ и пострадавшихъ за контръ-революцію, однако, очень крупно и выражается въ тысячныхъ цифрахъ. Но, выдвигаемая не искусственнымъ умысломъ, а естествомъ жизни, она оказалась непобѣдимою и, въ концѣ концовъ, восторжествовала, — заставила таки коммунистическую власть признать ее, если не de jure, то de facto. Настолько, что, когда голодъ принудилъ большевиковъ капитулировать передъ «свободой торговли», то «свободная торговля» возвратилась въ Петроградъ исключительно въ формѣ разрѣшенной спекуляціи и, вмѣсто ожидаемаго паденія цѣнъ, взвинтила ихъ до баснословія. И ни для кого не было тайною, что огромное большинство продуктовъ поступаетъ на рынокъ изъ правительственныхъ складовъ, обираемыхъ совѣтскими служащими, вѣрными коммунистическому призыву «грабь награбленное». Коммуна ограбила частную собственность, чиновники коммуны грабятъ ее самое.

Ново-буржуазный классъ, многочисленный и крѣпкій, тоже весьма и весьма не прочь ругать и клясть большевиковъ, отъ которыхъ онъ не мало натерпѣлся въ періодъ своей формировки, еще терпитъ да и будетъ терпѣть, пока окончательно не сдѣлается хозяиномъ положенія. Однако, за исключеніемъ весьма немногихъ своихъ представителей, — изъ людей стараго закала, движимыхъ религіозными побужденіями, — никогда

онъ не выступитъ противъ большевиковъ активно, — развѣ лишь подъ какую нибудь ужъ совершенно непоколебимую гарантію своей амнистіи и бытовой неприкосновенности. Потому что онъ слишкомъ хорошо помаетъ, что всякая перемѣна правительства, за исключеніемъ анархической, для него будетъ равносильна требованію къ отчету во всей той собственности, которою онъ ухитрился завладѣть, при власти, частную собственность отрицавшей. Къ анархіи же онъ раздѣляетъ страхъ всего остального населенія, какъ къ такому рѣшительному углубленію принципа «грабь награбленное», когда не то, что имущества лишишься до послѣдней нитки, но и головы на плечахъ не убережешь. Эта увѣренность населенія, что слѣдующей ступенью революціи должна быть непремѣнно анархія, эта боязнь, что между паденіемъ большевиковъ и водвореніемъ новаго правительства окажется промежутокъ полнаго безвластія, и городъ, хотя бы на короткое время, очутится въ рукахъ анархической черни, парализовали много проэктированныхъ заговоровъ и инсуррекцій, имѣвшихъ полные шансы на первый успѣхъ, но не располагавшихъ достаточными силами, чтобы немедленно замѣнить диктатуру большевиковъ своею диктатурою.

Сплошь хищническій, ново-буржуазный классъ стоитъ на очень низкомъ уровнѣ образованія и морали. Составленъ онъ, на половину, изъ маленькихъ спекулянтовъ, нахлынувшихъ въ Питеръ въ послѣдніе годы войны, когда настоящіе большіе военные спекулянты, вродѣ пресловутаго «Митьки» Рубинштейна, уже удрали изъ Питера заграницу и, благополучно унеся на-

грабленные милліарды, преуспѣшно торговали Россіей оптомъ и въ розницу на всѣхъ биржахъ Европы и Америки. На половину изъ захватчиковъ чужого имущества. Въ этой второй половинѣ подавляющее большинство образуютъ бывшая домовая и комнатная прислуга, швейцары, дворники, приказчики, контористы, мелкіе торговцы, уцѣлѣвшіе полицейскіе, и т. п. «демократическіе элементы», нынѣ засѣдающіе въ «домкомбѣдахъ» и, слѣдовательно, сознательно или безсознательно, вольно или невольно, являющіеся глазами и ушами Чрезвычаекъ. Сюда же примыкаютъ налетчики, промѣнявшіе свой опасный промыселъ на теплое совѣтское мѣстечко, проститутки на той же стезѣ. А также множество тѣхъ самодѣльныхъ и самозванныхъ лже-артистовъ и артистокъ, которыхъ безчисленно плодитъ совѣтская театральная манія.

Крѣпко вѣруя въ спасительность демократическаго принципа «хлѣба и зрѣлищъ», совѣтская власть нуждается въ колоссальномъ зрѣлищномъ персоналѣ и дорожитъ имъ, даже выдѣливъ зрѣлищное дѣло въ особый подъ-комиссаріатъ. Во главѣ его долго стояла М. Ф. Андреева, жена М. Горькаго, нынѣ командированная въ заграничную экскурсію на поиски кредитовъ у нѣмецкихъ и шведскихъ *капиталистовъ* для *коммунистическаго* правительства на предметъ *совѣтской* помощи голодающимъ. Это «ПТО» (Петроградскій Театральный Отдѣлъ) умудрилось задолжать по своимъ функціямъ 15 милліардовъ рублей, т. е. 25% всего долга, накопившагося на злополучномъ Комиссаріатѣ Народнаго Просвѣщенія, въ вѣдомствѣ котораго оно находится. Отсюда можно судить о размахѣ совѣтскаго

зрѣлищнаго усердія. По банкротству «Наркомпроса», денежные гонорары артисты получаютъ очень неаккуратно, а зачастую ихъ и просто приходится писать уголькомъ на трубѣ. Но продовольствіемъ ихъ стараются снабжать, а продовольствіе въ Петроградѣ мѣновая цѣнность, несравнимая ни съ какою валютою. Поэтому актерамъ, пѣвцамъ, музыкантамъ, танцовщикамъ, статистамъ и т. д. живется, среди ужасовъ Петроградскаго оскудѣнія, всетаки, сравнительно легче и сытнѣе, чѣмъ прочимъ интеллигентамъ. Эстетическія же требованія совѣтская публика предъявляетъ столь ничтожныя, что имъ, и безъ всякаго таланта, въ состояніи удовлетворить каждый, сколько нибудь грамотный и не вовсе лишенный умственныхъ способностей, человѣкъ. Такимъ образомъ, если кандидатъ, посвящающій себя зрѣлищному искусству, не задается иными высшими цѣлями, кромѣ какъ, — съ позволенія сказать, «жрать», то онъ можетъ устроиться въ Россіи сносно и даже недурно. Поэтому, — въ то время, какъ все артистически сильное или убѣжало изъ Россіи (Зилоти, Кусевицкій, Московскій Художественный Театръ, Ц. Ганзенъ, Б. Захаровъ, Александровичъ, Гзовская, Кузнецовъ, Полевицкая и пр.) или бѣжитъ, или намѣрено убѣжать, — множество третьестепенныхъ и мельче того артистовъ и даже вовсе не артистовъ, приспособившись къ нехитрымъ вкусамъ новаго правительства, взобралось на высокія ступени, о которыхъ, въ нормальныхъ условіяхъ искусства, они и мечтать не дерзали. И, конечно, эта театральная чернь, неожиданно попавшая «изъ грязи въ князи», — хотя тоже подъ шумокъ поругиваетъ большевиковъ, но втайнѣ отлич-

но сознаетъ, что ей за нихъ надо крѣпко держаться. Потому что, съ паденіемъ коммунистическаго режима, кончится и его сплошная демагогическая театральщина, искусство войдетъ въ разумныя рамки, а, слѣдовательно, въ ней, театральной черни, минуетъ всякая надобность, и она опять должна будетъ возвратиться на задворки, откуда вышла.

Наконецъ, послѣднимъ элементомъ въ новой буржуазіи, еще малочисленнымъ, но, къ сожалѣнію, быстро размножающимся, оказываются тѣ слабые изъ интеллигенціи, которые, по выраженію поэта, устали

Свой крестъ нести:
Покинулъ ихъ духъ мести и печали
На полпути. . .

Люди, загнанные въ соглашательство, если не съ политикою большевиковъ (такіе то гуси всѣ на перечетъ по именамъ извѣстны!), то съ бытовыми условіями, большевизмомъ продиктованными, послѣ долгой маяты въ крайней нуждѣ, холодѣ и голодѣ, переутомленные физическимъ трудомъ, а, главное, утратившіе надежду на избавленіе. Не могутъ больше — встосковались по сытому желудку, по теплому углу, а, кто молодъ, то жалѣетъ и юности своей, проходящей, не зная веселья и радостной жизни. Ну, и склоняютъ головы, принижаются, лобызаютъ руку, наказующую ихъ, и прямо или косвенно пріемлютъ «печать Антихристову». На почвѣ классовыхъ компромиссовъ возникаютъ удивительныя сближенія, страннѣйшіе союзы — трудовые, промышленные, торговые, семейные.

Объ одномъ изъ послѣднихъ я разсказалъ въ очеркѣ «Барышня съ васильковыми глазами», напечатанномъ въ чешскихъ «Narodnich Listach», и въ «Новой Русской Жизни». Разсказъ этотъ привлекъ нѣкоторое вниманіе публики и печати. Но, вѣдь, нелѣпый совѣтскій бракъ «барышни съ васильковыми глазами» лишь очень умѣренный примѣръ. Онъ имѣетъ хоть ту хорошую сторону, что заключенъ по обоюдному согласію и, слѣдовательно, при всей его сугубости, женщина въ немъ не закабаленная раба и не «узаконенная проститутка». Съ большою скорбью приходится отмѣтить, что извѣстенъ мнѣ рядъ другихъ подобныхъ же союзовъ, въ которыхъ насиліе, если не физическое, то нравственное, или самопродажа съ отчаянія унижали женщину въ смѣшанномъ бракѣ именно до тѣхъ жалкихъ положеній, что я назвалъ. Но о нихъ, какъ и вообще о совѣтскомъ бракѣ, какъ уже сказано однажды, я предпочитаю поговорить особо и подробно въ другой серіи моихъ статей.

ПОВѢСТЬ
О ВЕЛИКОЙ РАЗРУХѢ

Ф. М. Достоевскій назвалъ Петербургъ «самымъ умышленнымъ и самымъ фантастическимъ» городомъ въ мірѣ. Казалось бы, «умышленность» и «фантастичность» начала противоположныя и одно другое почти что исключающія. Однако, это такъ. Петербургъ умудряется соединить ихъ въ себѣ, и никогда еще вѣрность обоихъ опредѣленій не обозначалась такъ ярко, какъ въ настоящемъ плачевномъ состояніи нашей отставной столицы.

Петербургъ никогда не развивался естественно, самъ собою, какъ другіе великіе города Европы — Парижъ, Римъ, Константинополь, Москва. Его ростъ опредѣлялся всегда въ порядкѣ именно «умысла» — приказомъ верховной власти, и, можетъ быть, ни въ одной столицѣ эпохи процвѣтанія не связаны тѣснѣе и непремѣннѣе съ личными симпатіями, а, отсюда, и съ собственными именами главъ государства. Какъ возникъ «градъ Петровъ», наперекоръ стихіямъ, «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ», упрямымъ умысломъ и непреклонною волею крутого монарха, такъ и наслоялся онъ затѣмъ, пластъ за пластомъ, — Петербургъ Екатерининскій, Петербургъ Александровскій, Петербургъ Николаевскій и т. д. Петръ звалъ его своимъ «паради-

зомъ»; это значенiе царскаго «парадиза» — рая самодержавной динстiи — втайнѣ осталось за нимъ навсегда. Помимо своего быстро прiобрѣтеннаго и упроченнаго всероссiйскаго вѣса и смысла, Петербургъ былъ еще въ высшей степени вотчиною Романовыхъ. Они даже и именемъ то его играли по своей государевой, господарской волѣ, какъ которому изъ нихъ больше нравилось. Родился онъ на свѣтъ голландцемъ Санктъ Питербухомъ, воспитывался и выросъ нѣмцемъ Санктъ Петербургомъ, потомъ «Санктъ» отъ него отвалилось и сталъ онъ просто Петербургъ, поэты и витiи величали его Петрополемъ, народъ — Питеромъ, а Николай II ославянилъ его въ Петроградъ. Это имя вѣроятно, удержится за нимъ надолго, даже въ условiяхъ всесокрушающей совѣтской власти, потому что, все таки, не настолько уже глупо коммунистическое правительство, чтобы внять требованiямъ нѣкоторыхъ фанатиковъ, настаивающихъ на превращенiи Петрограда въ Ленинградъ.

Къ слову змѣтить, — подобныя революцiонныя переименованiя, за которыя большевики четыре года тому назадъ, съ легкой руки Луначарскаго, сильно ухватились было, какъ за орудiе пропаганды, теперь уже вышли изъ моды. Практика показала, что новыя названiя урочищъ и улицъ не имѣютъ никакого успѣха и не прививаются населенiю. Не думаю, чтобы изъ 10,000 петербуржцевъ хоть одинъ послушался приказа повѣрить, будто Невскiй уже не есть Невскiй, но «улица 25 октября», что Владимiрская есть проспектъ какого то тамъ Нахимсона, Миллiонная — улица Халтурина и т. д. Я, напримѣръ, почти каждый день бывалъ по дѣламъ

на Литейной, которая тоже посвящена большевиками памяти кого то изъ своихъ «славныхъ мертвецовъ», но — кому именно, такъ вотъ и не могу вспомнить: не имѣлось надобности знать. Даже въ совѣтскихъ оффиціальныхъ учрежденіяхъ случалось слышать:

— Итакъ, товарищъ, вы найдете мое бюро на углу улицы Красныхъ Зорь и улицы Мира...

— Гдѣ это у чорта?!

— На углу Каменоостровскаго и Оружейной...

— Такъ бы прямо и говорили по человѣчески, а то плетете невѣсть что...

По «улицѣ Красныхъ Зорь» — вы видите, что въ переименованіяхъ преслѣдовались иногда цѣли символическія и принимало участіе эстетическое глубокомысліе Россійскаго декаданса. Въ Москвѣ, гдѣ эстетику большевизма диктуетъ самъ В. Брюсовъ, по этой дорожкѣ зашли такъ далеко, что окраинную Владимірскую улицу, ту самую, отъ которой народилось крылатое слово былой русской каторги, — «пойти по Владимiркѣ», т. е. быть сослану въ Сибирь, — перекрестили въ «улицу Экстаза». Должно быть, крестнымъ отцомъ былъ какой-нибудь фанатическій поклонникъ извѣстной симфонической поэмы Скрябина. Но гораздо чаще перемѣна названій вдохновлялась антитезами: Милитаристическая «Оружейная» замѣнялась антимилитаристической «улицей Мира», клерикальная «Архіерейская» получила имя отъ Льва Толстого, котораго архіереи отлучили отъ церкви, и т. п. Сезоннѣе были переименованія въ память историческихъ дѣятелей, прославленныхъ въ революціонномъ прошломъ, — особенно, въ связи съ мѣстностями ихъ былой работы:

улица Желябова, улица Перовской и т. п. Но изъ Милліонной, переименованной въ улицу Халтурина, вышелъ, какъ слышите, непредумышленный, но двусмысленный каламбуръ. Назвать улицу, ведущую отъ Марсова поля къ Зимнему Дворцу именемъ устроителя взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, конечно, было основаніе по революціонной логикѣ. Но, по нынѣшнему ругательному смыслу слова «халтура», да еще при подмѣнѣ имъ «милліона», Халтурина улица, вмѣсто Милліонной, звучитъ ужасно насмѣшливо. Сейчасъ этими благоглупостями, кажется, перестали заниматься, убѣдившись, что онѣ безполезны. Вѣдь даже столь непопулярно популярную улицу, какъ Гороховая, съ ея проклятымъ, при всѣхъ режимахъ равно омерзительнымъ, домомъ №2, народъ не промѣнялъ на предложенную ему Комиссарскую, даже Полицейскій мостъ слыветъ, попрежнему, Полицейскимъ, а не Народнымъ . . . Единственно, что, пожалуй, привилось еще нѣсколько это — «Площадь Урицкаго» вмѣсто «Дворцовой площади», что объясняется множествомъ совѣтскихъ присутственныхъ мѣстъ, размѣщенныхъ здѣсь въ бывшихъ министерскихъ и штабныхъ зданіяхъ, и притокомъ въ Петроградъ иногороднихъ, которые, нуждаясь въ этихъ присутственныхъ мѣстахъ, получаютъ адреса ихъ, конечно, съ совѣтскими же наименованіями. Урицкій, вообще почтенъ въ Петроградѣ болѣе, чѣмъ кто-либо иной изъ любезныхъ коммунѣ покойниковъ, ибо, кромѣ Дворцовой площади, его имя усвоено еще Таврическому дворцу, бывшему мѣстопребыванію Государственной Думы. Можно ли найти символъ, болѣе выразительный для характеристики русской лже-ком-

мунистической олигархіи, какъ этотъ апофеозъ основателя Чрезвычайки, политическаго оберъ-сыщика и разстрѣльщика, который провокацію, шпіонажъ и убійство полагалъ основами государственной системы!

Перенесеніе государственнаго центра изъ Петербурга въ Москву печально отразилось на обѣихъ столицахъ. Петербургъ захудалъ, утративъ изъ своего организма важные жизненные элементы—Дворъ, коллосальную и состоятельную бюрократію стараго режима и гвардію со всѣмъ гигантскимъ хозяйственнымъ аппаратомъ, ихъ обслуживаемымъ. Наоборотъ, Москва, нисколько не подготовленная къ возврату на свое допетровское положеніе, не осилила вмѣстить ворвавшуюся въ нее ново-правительственную опричину, сопричастную ей военщину и обслуживающія ихъ техническія группы. Вѣдь совѣтская бюрократическая громада численностью гораздо превосходитъ прежнюю царскую, и — тогда какъ та доходы свои въ городъ тратила, эта наоборотъ, тѣломъ города питается. Да еще отличается чуждою прежней бюркратіи способностью стремительно приводить въ нежилое состояніе всякое мѣсто, гдѣ она поселяется. Министерство иностранныхъ дѣлъ въ Петроградѣ десятилѣтія обрѣталось въ чистотѣ и порядкѣ, почти не требуя ремонта; занялъ его помѣщеніе «Наркоминдел» и въ нѣсколько мѣсяцевъ обработалъ зданіе до невозможности оставаться въ немъ долѣе учрежденію, которое, какъ ни какъ, а должно представительствовать предъ Европой. Переѣхали въ великолѣпное зданіе Русско Азіатскаго банка на Морской: губятъ теперь его. Старая Москва для этой неисчислимой и разношерстной орды оказалась тѣсною, а вновь

строиться не имѣли ни времени, ни средствъ. И вотъ, будучи не въ состояніи раздаться еще вширь, бѣдная Бѣлокаменная, подъ напоромъ внѣшняго внѣдренія, треснула изнутри по всѣмъ швамъ.

Съ паденіемъ самодержавія, съ гибелью династіи, романовскій «парадизъ», Петроградъ, остался, такъ сказать, безхозяйнымъ помѣстьемъ и, какъ всякое безхозяйное имущество, долженъ былъ, естественно быстро пойти къ упадку и разоренію. Тѣмъ болѣе, что изъ водворившихся на выморочномъ владѣніи опекуновъ, первый, Временное Правительство, оказался хозяиномъ неспособнымъ и нерадивымъ; а второй, Совѣтская власть, повелъ себя прямо таки грабителемъ съ большой дороги, искренно и откровенно убѣжденнымъ въ своемъ кулачномъ правѣ раздѣть населеніе до послѣдней нитки. Такимъ образомъ, Петроградъ былъ обреченъ на «умертвіе». Однако, даже въ концѣ 1917 года еще никто не ожидалъ, что оно пойдетъ такимъ быстрымъ темпомъ, какъ погнало его хозяйничанье большевиковъ. За четыре года городъ утратилъ три четверти своего населенія и свыше 15 проц. своихъ строеній. А въ остальной четверти населенія дошелъ до такого обнищанія, въ остальныхъ строеніяхъ до такого разрушенія и опустошенія, что я сильно сомнѣваюсь, чтобы въ исторіи нашелся другой примѣръ столь стремительнаго самоуничтоженія огромнаго культурнаго центра, какъ являетъ намъ нынѣшній, — о! онъ тоже связанъ съ собственнымъ именемъ и волевою личностью! — нынѣшній зиновьевскій Петроградъ. Жутко было смотрѣть, еще тяжело теперь вспоминать, что мы слабовольные россіяне, допустили сдѣлать съ нашею

красавицею столицею, которую поэты еще такъ недавно награждали восторженнымъ прозвищемъ «Сѣверной Пальмиры». Передъ глазами такъ и стоитъ онъ — безмѣрное мертвенное привидѣніе — опустошенный, разрушенный Петроградъ, съ улицами пустырями, съ кошмарными призраками домовъ развалинъ.

Оптимисты — адвокаты совѣтской власти утѣшаютъ:

— Чего же вы хотите? Столица только что отстрадала міровую войну, пережила и еще переживаетъ встряску великой революціи.

Но, вѣдь, это фразы. Война и революція, какъ силы, непосредственно разрушающія, тутъ рѣшительно не при чемъ. Въ Германской войнѣ Петроградъ оставался въ глубокомъ тылу, ни разу даже не угрожаемый. Онъ тогда спекулировалъ и засыпался деньгами, а не воевалъ. Въ войнѣ гражданской онъ видѣлъ на подступахъ къ нему Корнилова, Краснова и Юденича, но не отвѣдалъ военныхъ дѣйствій. Онъ не испыталъ ни взятія штурмомъ, ни настояще свирѣпаго и упорнаго уличнаго боя, какъ злополучный Кіевъ, какъ большинство крупныхъ южныхъ центровъ. Его Февральская революція тѣмъ и хвалилась, что была — «безкровная». Октябрьская досталась побѣдителямъ дешево, двумя выстрѣлами съ дряхлой «Авроры». Она была кровава своими мстительными послѣдствіями, а не въ самомъ актѣ свершенія. Зданія, разрушенныя и поврежденныя обѣими революціями, нетрудно сосчитать по пальцамъ. Окружной судъ, охранка на Петроградской сторонѣ, двѣ-три каланчи на бывшихъ полицейскихъ частяхъ, часть Пажескаго корпуса, часть Го-

стинаго двора, еще съ пятокъ, много, если съ десятокъ... Остальной развалъ — весь — послѣреволюціонный: дѣло не войны, но мира, не оружія и пламени, — очень крупныхъ, цѣлыми кварталами, пожаровъ даже и вовсе не было въ Петроградѣ за это время, — но совѣтскаго хозяйства. Три года прилагало оно всѣ усилія, чтобы, поставивъ Петроградъ вверхъ дномъ, выпорожнить его и обратить въ пустыню. И преуспѣло, — добилось своего. Старинное зловѣщее предсказаніе противниковъ Петра, что возлюбленному «парадизу» его, «Петербургу быть пусту», сбывается на нашихъ глазахъ мало-мало, что не буквально.

II.

Не знаю, существовала ли когда либо гдѣ либо политическая группа, которая была бы столь отраднаго о себѣ мнѣнія, какъ наши русскіе большевики. Вольтеровъ Панглоссъ, съ его оптимистическимъ афоризмомъ — «все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ» — долженъ войти въ коммунистическій пантеонъ, какъ духовный предокъ и идеологъ политики и публицистики совѣтской республики, особенно, что касается ея хозяйства. Здѣсь рѣшительно никогда не приключается ничего къ худу, — всегда все къ добру и преуспѣнію. Исчезло въ топливѣ все деревянное строніе Петрограда, — и прекрасно! Такимъ бразомъ, столица освободилась отъ «очаговъ заразы, и — посмотрите! — благодаря уничтоженію деревянныхъ особнячковъ, флигельковъ и заборовъ, на окраинныхъ улицахъ палиса-

зики слились въ общія линіи. и у насъ сами собою образовались широчайшія улицы обсаженныя прекрасными деревьями, — настоящіе парижскіе бульвары . . .

Зашелъ я прошлою весною къ живущему на одномъ изъ такихъ бульваровъ Петроградской стороны бывшему моему шофферу и засталъ его во дворѣ обрубающимъ сучья съ только что срубленной великолѣпной старой березы. А передъ нимъ стоитъ предсѣдатель домкомбѣда и лѣниво стыдитъ:

— Какъ же это вы, товарищъ, позволяете себѣ вырубать улицу?

Шофферъ молчитъ и рубитъ.

— Развѣ вы не знаете, что за это — разстрѣлъ.

— Васъ вчера за тополя разстрѣляли нешто? хладнокровно отозвался шофферъ.

«Домкомбѣдъ» умолкъ, надулъ губы. повернулся и ушелъ.

А мнѣ живо припомнилось, какъ года за полтора предъ тѣмъ, въ издательствѣ Гржебина. на Невскомъ, супротивъ Аничкова дворца, стояли мы съ Максимомъ Горькимъ передъ окномъ, и онъ, указывая на тѣнистый дворцовый садъ, угрюмо говорилъ:

— А вѣдь, пожалуй. этихъ деревьевъ мы въ будущемъ году уже не увидимъ.

Опасеніе, покуда, не сбылось. Какъ я думаю. не по боязни правительственныхъ запретовъ и каръ, а просто потому, что, добывая топливо для мелкихъ печурокъ, хищникъ-обыватель не охотится на сырое дерево: оно трудно горитъ, его годъ сушить надо, пока оно дровами станетъ. а холодъ срока не даетъ. То ли дѣло дерево сухое и дѣланное — заборы, перила, стропила,

полы, двери, рамы, мебель и т. п. На сосѣднемъ съ нами домѣ красовалось грозное оповѣщеніе: «Которые забираются въ сей домъ ломать полы и рамы на дрова, упреждаемъ, что будемъ стрѣлять». Однако, угроза не помѣшала тому, чтобы пустующая половина дома осталась уже въ началѣ прошлой зимы безъ половъ и безъ рамъ. И я не чуждъ подозрѣній, что даже въ нашей собственной «буржуйкѣ» пылалъ иногда горючій матеріалъ, именно, тамошняго происхожденія, добытый моими съ рискомъ получить пулю въ лобъ . . .

До настоящей осени древесныя насажденія внутри Петрограда, если не считать единичныхъ случаевъ хищничества, были цѣлы. Но врядъ ли имъ спастись отъ топора въ эту зиму. А жаль. Въ этомъ исключительномъ случаѣ не могу не присоединиться къ коммунистическому Панглоссизму: благодаря запустѣнію Петрограда и полному отсутствію ухода, всѣ общественные сады, парки, даже иные скверы, одичали и приняли красивое подобіе рощъ. Закоснѣлыхъ старыхъ петербуржцевъ это возмущаетъ, но я съ дѣтства раздѣлялъ сожалѣніе той анекдотической институтки, которая горевала, зачѣмъ городовъ не строятъ въ деревнѣ. На старости лѣтъ привелъ Богъ видѣть исполненіе желаній, да еще въ такомъ огромномъ масштабѣ, какъ Петроградъ! На что ужъ плохъ Александровскій скверъ, — нынѣ любимое мѣсто вечернихъ прогулокъ петроградскаго пролетаріата, — а и тотъ, разросшись, получилъ весьма идиллистическій видъ. Въ послѣдній разъ, когда я имъ проходилъ, вокругъ памятника Петра Великаго мирно паслись, объѣдая газонъ, чьи то лошади. Рьяный конь «Мѣднаго Всадника», должно

быть, не безъ изумленія созерцалъ со своей скалы кроткихъ пролетарскихъ меринковъ, неожиданно пробравшихся въ столь близкое къ нему сосѣдство.

Параллельно гибели деревяннаго Петрограда разрушался и каменный. Послѣ двухъ лѣтъ зловѣщихъ предостерегающихъ признаковъ, которые всѣ видѣли, но на которые никто не обращалъ вниманія, начались обвалы обветшавшихъ безъ ремонта домовъ. Извѣстнѣйшій приключился на Гончарной улицѣ, поменьше, — въ Измайловскомъ полку, на Бармалѣевской улицѣ, на Выборгской сторонѣ. Совѣтскія учрежденія помѣщающіяся въ реквизированныхъ домахъ, обратились въ какія то кочевья, то и дѣло переѣзжали изъ одного зданія, гдѣ давалъ трещину потолокъ, въ другое, гдѣ, черезъ нѣкоторое время, осовывались полы, и, стало быть, надо было перебираться въ третье, гдѣ вскорѣ угрожала паденіемъ какая-нибудь стѣна и т. д. Надо сказать правду, что многіе домовладѣльцы (т. е. бывшіе, а нынѣ умудрившіеся какъ-нибудь остаться при своей недвижимости въ качествѣ жильцовъ, управляющихъ, дворниковъ) и квартировладѣльцы, заслышавъ, что къ нимъ или въ ихъ сосѣдство думаетъ перебраться совѣтское учрежденіе, сами принимались безобразить свои помѣщенія всякими невинными по существу, но неприглядными на видъ, поврежденіями, — съ умысломъ отклонить совѣтскихъ экспертовъ отъ соблазна реквизиціи. Иногда это удавалось, потому что экспертировали люди, не очень то много смыслящіе въ строительствѣ и избалованные обильными возможностями выбора. Но иногда коса находила на камень, разыгрывались чисто опереточныя qui pro quo. Одинъ знакомый мой

домовладѣлецъ такъ хорошо убѣдилъ экспертную комиссію въ мнимой непригодности своего жилища для присутственнаго мѣста, что не только присутственное мѣсто въ него не въѣхало, но и самого хозяина комиссія обязала выѣхать, дабы и онъ не подвергалъ своей жизни опасности, обитая въ разрушающейся квартирѣ.

Подобныя уловки практикуются не изъ одной ненависти къ большевикамъ, но еще болѣе по опытной увѣренности, что всякое помѣщеніе, захваченное большевиками, будетъ немделенно изгажено до нежилого состоянія, а, когда грязь, вонь и всячская разруха сдѣлаются невыносимыми для самихъ захватчиковъ, они преспокойно переползутъ въ новую даровую берлогу; а старую бросятъ на произволъ судьбы, въ непоправимой обреченности на разрушеніе. Въ минувшемъ августѣ, въ короткій періодъ заигрыванія совѣтской власти съ интеллигенціей, въ числѣ дождемъ посыпавшихся льготныхъ декретовъ, былъ одинъ декретъ также и о возвращеніи владѣльцамъ домовъ, вмѣстимостью не болѣе 20 квартиръ и стоимостью не болѣе 40,000 рублей до-военнаго времени. Однако, почти никто изъ домовладѣльцевъ, а я, напримѣръ, и вовсе ни одного такого не знаю, — не воспользовался этимъ декретомъ, потому что ремонтъ дома, пробывшаго четыре года въ совѣтскомъ владѣніи обошелся бы несмѣтно дороже, чѣмъ построить новый. Когда лисица нуждается въ логовищѣ, она, слишкомъ лѣнивая и не умѣлая, чтобы строиться сама, забирается въ опрятную и уютную нору барсука, самого чистоплотнаго изъ всѣхъ лѣсныхъ звѣрей, и грязнитъ ее нечистотами. Барсукъ, въ ужасѣ и отвращеніи, бѣжитъ изъ норы, покинувъ ее лисицѣ,

и принимается строить новую. Никогда не замѣчали, чтобы онъ возвращался къ старой. Когда большевики падутъ и уйдутъ, петроградскому домостроительству придется возрождаться, несомнѣнно, по барсучьей системѣ, старыя его созиданія слишкомъ безнадежно загажены.

Большую вину въ разрушеніи Петрограда надо возложить на пролетарское вселеніе въ буржуазныя квартиры. Опытъ этотъ, какъ извѣстно, кончился полной неудачею. Рабочіе очень неохотно шли въ предлагаемые имъ княжескіе дворцы и барскіе хоромы. Анцеловичу съ братіей приходилось вселять ихъ чуть не силою, послѣ долгихъ уговоровъ.

А вселившіеся начинали чувствовать себя прекрасно въ большихъ залахъ, расчитанныхъ на обильное и дорогое отопленіе и на обитаніе людьми, располагающими цѣлымъ штатомъ прислуги, — иначе комфортъ ихъ превращается, наоборотъ, въ отрицаніе всякаго удобства. Намерзнувшись безъ дровъ въ раззолоченныхъ и мраморомъ шитыхъ застылыхъ стѣнахъ, пролетарій безцеремонно ставилъ въ нихъ свою буржуйку. Но напрасно коптилъ онъ сажею великолѣпіе художественныхъ плафоновъ: пространство пожирало тепло. Наскучивъ тратить время и ноги на бѣготню въ общую кухню по лѣстницамъ съ высоты третьяго — четвертаго этажа къ полуподвалу; обративъ, за лѣнью пройти въ отдаленный ватеръ-клозетъ, ближайшій пустой залъ въ отхожее мѣсто, — рабочая семья проникалась отвращеніемъ къ своему боярскому жилью и уходила обратно въ привычный подвалъ, гдѣ «въ тѣснотѣ да не въ обидѣ», — буржуйка не только дымитъ да коптитъ,

но и грѣетъ, и все житейское — рукой подать, и нѣтъ изящныхъ вещей, которыя требуютъ бережи. Передъ уходомъ она, конечно, обдирала кожу и дорогую обивку съ мебели, портьеры, гардины, волокла прочь все, что представлялось ей цѣннымъ, или просто полюбилось и оказалось уносимымъ, и оставляла квартиру въ мерзости запустѣнія, въ точнѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Не знаю, великъ ли ударъ нанесли большевики всёленіемъ аристократіи и большой буржуазіи, но пользы пролетаріату не принесли ни малѣйшей, а свинство развели великое.

Большое же горе отъ вселенія пришлось претерпѣть, какъ водится, совсѣмъ не капиталистамъ, но вѣчнымъ безвиннымъ козламъ отпущенія за грѣхи капитала — мелкой буржуазіи, разночинцамъ и намъ, трудовой интеллигенціи. Въ обнищалый и суженный до предѣльной тѣсноты бытъ средняго класса внѣдреніе рабочихъ, а, въ особенности, красноармейщины и матросни, вносило, обыкновенно, нестерпимыя стѣсненія, какъ матеріальныя, такъ и моральныя. Я самъ много натерпѣлся отъ этого зла и имѣю право судить о немъ. Наши вселенные были нехудые люди, но фальшивое положеніе создавало невольно фальшивыя же отношенія, о которыхъ непріятно вспоминать. Да еще, такъ какъ мы съ женою люди немолодые, а дѣти мои мальчики, то у насъ вселеніе не сопровождалось множествомъ щекотливыхъ условій, которыя вносились имъ въ семьи, гдѣ имѣлись молодыя женщины, дѣвушки и, въ особенности, дѣвочки - подростки. Въ современномъ разло-

женіи петроградской семьи, въ ужасающей распущенности молодежи, въ безобразіи слишкомъ раннихъ и краткосрочныхъ совѣтскихъ браковъ, въ продажной доступности женщинъ, одичалыхъ въ лишеніяхъ безпросвѣтно тяжкой и сѣрой жизни, въ развитіи новой легкомысленной и развеселой проституціи, столь обычной и упрощенной, что она уже даже не считаетъ себя проституціей, а такъ — чѣмъ то вродѣ выгоднаго пріятельскаго товарообмѣна, услуга за услугу, — во всѣхъ этихъ грѣхахъ и бѣдахъ петроградскаго общества пролетарское вселеніе сыграло важную и скверную роль, съ печальнѣйшими послѣдствіями для обѣихъ сторонъ — какъ для потерпѣвшаго вселеніе средняго класса, такъ и для вселявшагося пролетаріата.

Вотъ уже болѣе года, какъ коммунистическіе Кремль и Смольный настойчиво возвѣщаютъ urbi et orbi, что героическій періодъ ихъ революціи, періодъ разрушенія, законченъ, и теперь они входятъ въ періодъ творчества и созиданія. Максимъ Горькій торжественно манифестировалъ этотъ переломъ въ пресловутой своей статьѣ о Ленинѣ, въ которой сей послѣдній былъ превознесенъ выше Петра Великаго; канонизированъ въ «святые», объявлялся «мученикомъ» за то, что ему, бѣдному, приходится ужасно страдать душою, разстрѣливая тысячи людей, погибающихъ тѣломъ; увѣнчанъ полномочіями и впредь производить надъ организмомъ Россіи дальнѣйшіе «эксперименты въ планетарныхъ размѣрахъ», по тѣмъ же методамъ марксистской вивисекціи. Въ свое время я далъ на эту возмутительную статью отповѣдь, распространившуюся по Петрограду во множествѣ списковъ. Въ статьѣ Горь-

каго было очень комическое мѣсто, гдѣ онъ, выхваляя культурныя заслуги Ленина весьма высокимъ слогомъ, утверждалъ, будто задача московскаго диктатора — превратить земной шаръ въ «зеленый изумрудъ». Вполнѣ одобряя столь возвышенное намѣреніе, я указывалъ, что въ Петроградѣ, по моему, это счастливое превращеніе уже началось, такъ какъ не только окраинныя улицы Васильевскаго Острова и Петроградской стороны, но даже бойкія когда то центральныя, вродѣ Итальянской, густо заросли зеленою травкой-муравкой. Совѣтская поэтесса Лариса Дейснеръ, супруга извѣстнаго Раскольникова, воспѣвала эти идиллическія заросли въ весьма чувствительныхъ этюдахъ, на столбцахъ коммунистическихъ оффиціаловъ. Петроградъ такой фантастическій городъ, что съ нимъ нельзя даже пошутить: какую ни предположите о немъ гиперболу, — глядь, несбыточное оказалось сбыточнымъ и дѣйствительность далеко оставила за собою карикатуру. Въ 1919 году, глядя на зачатки нынѣшнихъ петроградскихъ джунглей, мы острили, что этакъ, пожалуй, на улицахъ Сѣверной Пальмиры скоро будутъ козлы пастись. Лѣтомъ 1921 года бѣлыми пятнами козъ, пасущихся на пустыряхъ вокругъ развалинъ, пестрѣлъ даже Каменноостровскій проспектъ, не говоря уже о болѣе глухихъ улицахъ Петроградкой стороны. А, когда вы углубляетесь по пустырямъ этимъ въ сторону отъ улицы, стало совсѣмъ не въ рѣдкость, что изъ травы выскакиваетъ и дорогу перебѣгаетъ кроликъ. Къ кролиководству совѣтская власть усиленно призывала голодающее населеніе, и населеніе вняло. Въ самое короткое время плодовитый звѣрекъ этотъ размножился въ

ужасающемъ количествѣ, такъ что хроникеръ «Красной газеты» имѣлъ полное право отмѣтить съ самодовольнымъ торжествомъ, что «теперь у насъ въ Петроградѣ кроликовъ гораздо больше, чѣмъ жителей». Почему такое соотношеніе должно восхищать коммунистовъ, это ихъ тайна, но они вполнѣ правы: людей въ Петроградѣ все убываетъ, а кроликовъ все прибываетъ.

Быть можетъ, самымъ зловѣщимъ для Петрограда предсказаніемъ является то обстоятельство, что его руины дѣлаются уже живописными. Безобразные въ 1918 и 1919 годахъ остовы стѣнъ и печей, фундаменты, трубы, — свѣжіе кирпичные скелеты среди мусорнаго разложенія, — округлились, подъ дождями и снѣгомъ, осыпями, поросли мхами, сорными травами, а иной разъ примѣтишь уже крошечный, развивающійся древесный кустикъ. «На твоихъ церквахъ выростаютъ дерева», хвасталъ когда то Ѳедоръ Глинка матушкой Москвою, — кажется, мы недалеки отъ того и въ нисколько не старинномъ Петроградѣ: нехитрое оказалось пріобрѣтеніе! Есть уголки, уже настолько романтически облагороженные длящимся страданіемъ своего разрушенія, что, на мгновеніе отрѣшаясь отъ мѣста дѣйствія, останавливаешься предъ ними, какъ предъ какою нибудь средневѣковою башнею на Рейнѣ или въ римской Кампаньѣ. Боюсь, однако, что, говоря это, подаю коммунистической печати новый поводъ къ оптимизму: «вотъ, дескать, и преотлично! новый источникъ государственнаго дохода: къ намъ, какъ на Рейнъ и въ римскую Кампанью, поѣдутъ туристы, по преимуществу, конечно англичане и американцы, и будутъ платить намъ золотою валютою, которую мы немедленно употребимъ

на устройство коммунистической революціи гдѣ нибудь на островахъ Фиджи или въ Уругваѣ . . .

Что производитъ безусловно ужасное, безконечно тягостное впечатлѣніе, такъ это громадная торговая площадь между Фонтанкою и Садовою, вплоть до Сѣнной площади, — Апраксинъ и Щукинъ дворъ, — пространство большого уѣзднаго или маленькаго губернскаго города! Здѣсь разрушеніе не скрадывается уже никакими, хотя бы могильными, прикрасами. Трупъ мертвой торговли лежитъ на зелени густо поросшихъ травою проходовъ, нагой и безобразный. Жутко итти сквозь эту безгласную пустыню, которая когда то была самымъ шумнымъ и оживленнымъ центромъ Петрограда. Безконечные угрюмые ряды лавокъ, запертыхъ на болты, но съ выбитыми стеклами, съ выломанными окнами, брошенные лабазы за желѣзными ржавыми дверями, — и полное безлюдье, гробовая тишь, нарушаемая лишь скрипомъ оторванныхъ вѣтромъ, качающихся вывѣсокъ, да время отъ времени грохотомъ упавшаго гдѣ нибудь съ крыши желѣзнаго листа. По галлереямъ бѣгаютъ отвратительнаго вида крысы, за ними охотятся бездомные бродяги-коты. Иногда вспыхнетъ вдругъ яркимъ гамомъ взрывъ озлобленнаго собачьяго лая. Въ ту сторону я никому не посовѣтовалъ бы итти, — особенно, подъ вечеръ: обезторженная пустыня сдѣлалась убѣжищемъ стаи одичалыхъ псовъ, къ празднымъ гостямъ весьма непріязненныхъ. Они даже и внѣшнимъ то видомъ стали похожи скорѣе на шакаловъ какихъ-то, чѣмъ на собакъ; немного напоминаютъ, пожалую, былыхъ константинопольскихъ псовъ, которые были незамѣнимыми чистильщиками

улицъ грязнѣйшаго Цареграда, но безъ ихъ кротости. Чѣмъ они въ этихъ голыхъ руинахъ могутъ питаться, недоумѣваю. Развѣ, что кошки поѣдаютъ крысъ, а они кошекъ. Площадь пустыни даетъ рядъ удобныхъ проходовъ съ Фонтанки на Садовую, но рѣдко-рѣдко встрѣтишь на ней человѣка. И, — завидѣвъ издали другъ друга, — онъ осторожно перебирается на другую галлерею прохода, а ты якобы безпечно кладешь руку въ карманъ, притворяясь, будто у тебя тамъ засунутъ невѣсть какой маузеръ.

Когда въ Петроградѣ начали разваливаться дома, что какъ разъ совпало съ возвѣщеніемъ созидательной эры, совѣтская печать заявила озадаченному населенію, что это ничего, тревожиться тутъ нечѣмъ, — напротивъ, и прекрасное дѣло, если старый Петроградъ надумается наконецъ развалиться, потому что онъ выстроенъ скверно и нисколько не соотвѣтствуетъ величію коммунистической столицы. А вотъ, когда онъ вовсе развалится, мы его выстроимъ новый, — и ужъ выстроимъ на славу! Излагался обширный планъ города-колосса, составленнаго, вокругъ административной коммунистической цитадели, изъ ряда поясовъ — служебнаго, жилищнаго (для рабочихъ), садоваго, фабрично-заводского и, наконецъ, гдѣ то далеко, по ту сторону добра и зла, обывательскаго. Получалось что то необыкновенно величественное и привлекательное — вродѣ перманентнаго концентраціоннаго лагеря.

Я не знаю, когда и какъ большевики начнутъ осуществлять свой могущественный планъ и относится ли къ нему первая, и, покуда единственная въ Петроградѣ монументальная постройка, — штука удивительная и

даже, можно сказать, зловѣщая. Почему то свои строительныя заботы они начали не съ живыхъ, а съ покойниковъ: принялись въ первую очередь, сооружать крематорій.

Періодъ его созиданія начался большимъ курьезомъ, характернымъ для совѣтскихъ нравовъ. Затѣявъ строить крематорій, большевики объявили на проектъ его художественный конкурсъ. Поступило нѣсколько проектовъ. Не помню, кто получилъ первую премію, но вторая досталась художнику-любителю, обрѣтавшемуся тогда въ довольно необыкновенныхъ условіяхъ творчества. А именно: онъ отбывалъ тюремное заключеніе и принудительныя работы по приговору «народнаго суда» — не за политическую неблагонадежность (это то какая же была бы рѣдкость!), а за весьма скверную уголовщину. Не тѣснимый нуждою, безъ причинъ къ личной ненависти, только побуждаемый корыстною цѣлью, онъ заманилъ своего ближайшаго друга въ ловушку, убилъ и ограбилъ. Но — неловко: попался почти на мѣстѣ преступленія. Дѣло было настолько гнусно, что даже коммунистическій судъ, въ той же степени мягкій къ уголовнымъ преступникамъ, въ какой свирѣпъ онъ къ «контръ-революціонерамъ», рѣшилъ явить на этомъ господинѣ примѣръ строгой спаведливости и далъ ему высшую мѣру наакзанія.

Заключенный этотъ никогда раньше строительствомъ не занимался и архитектурный планъ начертилъ впервые въ жизни, почти изъ баловства, тюремной скуки ради. Однако, неожиданно, жюри большевиковъ, составленное изъ чиновниковъ Отдѣла Городского Управленія, восхитилось этимъ каторжнымъ проек-

томъ больше всѣхъ другихъ, и лишь случайно получилъ онъ только вторую премію, — первую дали, чтобы не обидѣть, какому то покладистому профессіоналу «съ именемъ».

Проекты были оглашены спеціально устроенною выставкою, фотографическіе снимки помѣщались въ газетахъ. Я помню эту вторую премію: безграмотное любительство претенціозно замысловатаго рисунка бросалось въ глаза даже не спеціалисту. Однако, строить крематорій было рѣшено, именно, по проекту художника-каторжанина.

Теперь возникаетъ вопросъ: кому завѣдовать постройкой?

— Да кто же лучше построитъ зданіе, какъ не самъ авторъ проекта? — справедливо рѣшаетъ крематоріальная комиссія.

— Блестящая идея!.. Но . . . есть препятствіе . . .

— Какое?

— Да, вѣдь, авторъ то сидитъ въ тюрьмѣ?

— Велика важность! — выпустимъ!

— Да вѣдь сидитъ то за убійство?

— Эка невидаль! помилуемъ, — и вся недолга!

— А какъ же спасительный примѣръ строгой справедливости?

И «высокоталантливаго» убійцу, дѣйствительно, освободили отъ наказанія.

Строить крематорій, однако, ему не пришлось. Москва ли воспротивилась, другая ли помѣха приключилась, но каторжный проектъ, въ концѣ концовъ, былъ отставленъ и замѣненъ другимъ, хотя бездарнымъ, но, все-таки, болѣе грамотнымъ. Былъ ли архитекторъ-

убійца возвращенъ въ тюрьму послѣ того, какъ проекту его было отказано въ осуществленіи, объ этомъ я, къ сожалѣнію, не освѣдомленъ. Исторію эту разсказывалъ мнѣ очень крупный чиновникъ коммуны, участникъ крематоріальнаго жюри и пылкій защитникъ каторжнаго проекта.

Покуда крематорій воздвигали, Петроградъ за три года вымиралъ, какъ никогда раньше. Перегруженныя кладбища приняли въ свою отравленную почву не одну сотню тысячъ мертвецовъ, загубленныхъ тифомъ, дизентеріей, холерой, цынгой, а больше всего просто голоднымъ и холоднымъ истощеніемъ, при непосильной физической работѣ, превращавшей пресловутый восьми и даже шестичасовой трудовой день на бумагѣ въ шестнадцатичасовой на дѣлѣ.

Коммунистическая печать сулила: подождите, вотъ готовъ будетъ крематорій, осуществится истинно пролетарскій способъ огненнаго погребенія, и, отнынѣ, почва будетъ избавлена отъ зараженія, вода отъ насыщенія микробами, воздухъ отъ міазмовъ: всѣмъ стихіямъ удовольствіе, а человѣкамъ — подавно.

Наконецъ, минувшимъ лѣтомъ, свершилось: достроили крематорій — и открыли. Съѣхались въ это пребезобразное зданіе именитые совѣтскіе мужи, произнесли приличныя случаю рѣчи, всунули въ печь перваго покойника, — анъ, онъ оказался огнеупорнымъ: не горитъ! Токъ работаетъ, а покойникъ, что ты хочешь, контръ-революціонно саботируетъ и не горитъ. Не знаю, сколько часовъ продолжалось это упражненіе но, въ концѣ концовъ, истративъ на непокорнаго мертвеца электричества не меньше, чѣмъ на бойкую фабрику,

все-таки, пришлось извлечь его изъ печи, можетъ быть, зажареннымъ, но не испепеленнымъ, и зарыть въ землю. Кажется, на этомъ опытѣ исторія крематорія и прекратила свое теченіе.

Въ крематоріальномъ курьезѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается mania grandiosa большевизма, бредъ величія, которымъ онъ кружитъ головы юнымъ и малограмотнымъ своимъ адептамъ; — дѣтская страсть хвататься за «послѣднее слово», не зная перваго, прыгать на верхушку, не увѣрясь, есть ли подъ нею основаніе; психологія и политика покушеній съ негодными средствами, громкозвучныхъ, но неосуществимыхъ затѣй, которыя дѣйствительность словно подрядилась осмѣивать самымъ оскорбительнымъ издѣвательствомъ. Ну, развѣ не курьезное, въ самомъ дѣлѣ, совпаденіе, что московскій высокоторжественный декретъ объ электрофикаціи былъ опубликованъ прошлою весною въ Петроградѣ въ одинъ и тотъ же день съ распоряженіемъ о прекращеніи электрическаго освѣщенія? Претензіи всегда огромныя, задачи гигантскія, именно ужъ «горы мучатся родами», а родятъ . . . даже не мышей, но развѣ блохъ, на мышахъ живущихъ!

Не было правительства, которое больше кричало бы о потребностяхъ культурнаго творчества, которое провозглашало бы болѣе широкіе и передовые планы и въ которомъ весь этотъ декламатическій крикъ, такъ на крикѣ и кончался бы, либо, при попыткѣ перейти въ дѣйствіе, разрѣшался бы въ болѣе жалкую бездарность и безсиліе. Разрушать, разлагать, портить, — что говорить, молодцы внѣ сравненія, настоящіе великаны изъ старыхъ сказокъ. Но, чуть требуется работа поло-

жительная, созидающая, великаны мгновенно умаляются до роста карликовъ, и тяжелые великанскіе панцыри, которые они, самовлюбленные и самомнящіе, пытаются удержать на себѣ, комически валятъ ихъ на землю.

Большинство коммунистовъ считаетъ и заявляетъ себя атеистами. Съ существующими ралигіями коммунистъ, во всякомъ случаѣ, обязанъ быть во враждѣ. Настолько, что участіе коммуниста въ религіозномъ обрядѣ составляетъ принципіальный поводъ къ исключенію его изъ партіи. Однако, это правило не выдерживаетъ своей силы въ практическихъ столкновеніяхъ съ жизнью и допускаетъ множество исключеній, все растущихъ по мѣрѣ того, какъ коммунизмъ старѣетъ, слабѣетъ, выцвѣтаетъ, теряетъ свою нестерпимую изоляцію и дѣлаетъ шаги къ сближенію съ буржуазной средой. Въ особенности, много уступокъ потребовали и добились брачныя отношенія. Но объ этомъ, равно какъ о самодовлѣющемъ религіозномъ строеніи коммунизма, о томъ, какъ онъ самъ вырабатывается въ религію, я предпочитаю поговорить впослѣдствіи особо, потому что эти темы обширныя. А покуда я хочу лишь отмѣтить, что, при всемъ своемъ атеизмѣ и всяческомъ «богоборчествѣ», при всей своей ненависти ко всякому признаку спиритуализма. при всей своей враждѣ ко всему сверхъестественному и фантастическому, доходящей до такого ожесточенія, что изъ дѣтскаго чтенія безпощадно изгоняются волшебныя сказки, а М. Горькій, цензуруя сказки Андерсена, вычеркиваетъ въ нихъ слова «Богъ». «Провидѣніе» и т. п., — при всемъ этомъ коммунисты, эти страстные энтузіасты и неустанные

проповѣдники историческаго матеріализма и положительнаго знанія, оказываются во всѣхъ своихъ опытахъ творить жизнь не только необуэданными идеалистами, но даже фантастами и визіонерами — и именно религіознаго, вѣрующаго типа.

Прошу моихъ читателей извинить, если я, за давностью, ошибусь въ словахъ текста, который, полъ вѣка тому назадъ, зубрили мы гимназистами, наизусть изъ православнаго катехизиса митрополита Филарета. Но за точный смыслъ ручаюсь. «Вѣра есть убѣжденіе въ невидимомъ,въ грядущемъ какъ бы въ настоящемъ, въ обѣтованномъ какъ бы въ достигнутомъ, въ уповаемомъ и чаемомъ, какъ бы въ осуществленномъ.» Опредѣленіе это Филаретъ, если я не ошибаюсь, заимствовалъ у Тертуліана: мистика изъ мистиковъ, вдохновеннаго ритора, который всегда весь горѣлъ огнемъ аскетическаго экстаза и кончилъ свою жизнь монтанистомъ, — а вѣдь ученіе Монтана — это максимализмъ первобытнаго христіанства. Сколь ни обидно мое сравненіе для историческихъ матеріалистовъ русской коммуны, но ихъ вѣра и ея творческія дѣла цѣликомъ укладываются въ эту православно-мистическую формулу Филарета и Тертуліана. Говорю, конечно, о коммунистахъ честныхъ, т. е. искренныхъ и убѣжденныхъ: ихъ очень немного, но, все же, они есть, — а не о той подавляющей массѣ жуликовъ, шарлатановъ и разбойниковъ, которые, примазавшись къ коммунистическому идеалу, эксплоатируютъ его наиболѣе первобытныя вѣщанія, какъ жирно доходное имѣніе. Усердіемъ и аппетитами этой господствующей массы, безгранично безстыжей въ своемъ циническомъ эгоизмѣ,

русскій коммунизмъ облѣпленъ столь густымъ слоемъ разнообразнѣйшей, но всегда одинаково зловонной и неотмываемой грязи, что изъ подъ нея уже никакой идеи не видно и не слышно. А слышны залпы «красныхъ курсантовъ», присяжныхъ разстрѣльщиковъ русскаго народа, подъ кутежный хохотъ разжирѣвшихъ хищниковъ-спекулянтовъ на коммунистическую революцію, вродѣ Зиновьева съ компаніей, радостно ревущихъ окончательно обезсмысленный и обезславленный въ ихъ устахъ, звучащій нынѣ насмѣшкою надъ самимъ собою «Интернаціоналъ». Слышны предсмертные стоны жертвъ, погибающихъ милліонами отъ голода и и десятками тысячъ въ почти безоружныхъ возстаніяхъ отчаянія. Какая идея можетъ остаться жива подъ ферулою дикой кучки самодуровъ, въ которыхъ безуміе и подлость, невѣжество и злость переплелись до потери всѣхъ раздѣляющихъ границъ? Такъ тѣсно, что теперь, когда Ленинъ публикуетъ декретъ о какомъ либо новомъ своемъ вивисекціонномъ «экспериментѣ въ планетарныхъ размѣрахъ» надъ истекающей кровью Россіей, то общество уже не въ состояніи разобрать, гдѣ въ этомъ, якобы «геніальномъ» реформаторѣ, кончается сумасшедшій и начинается тотъ бездушный, безсовѣстный, безжалостный политиканъ — «мошенникъ», царство котораго предсказалъ намъ въ «Бѣсахъ» Достоевскій и рѣчами, и дѣяніями (тоже «эксперименты» вѣдь!), и вожделѣніями (тоже «планетарными») Петра Верховенскаго.

Что касается коммунистовъ искреннихъ и убѣжденныхъ, то, право, мудрено рѣшить, является ли ихъ вѣра по Филаретовой формулѣ для нихъ счастьемъ или

несчастьемъ? Объективно судя, какъ будто несчастіе, потому что ею предопредѣляется для нихъ мечтательная дѣятельность, которой, выражаясь стихомъ Некрасова, «суждены благіе порывы, но свершить ничего не дано». Субъективно же они, напротивъ, очень счастливые люди, потому что фактическое не-свершеніе «благихъ порывовъ» ихъ, по силѣ вѣры, нисколько не тревожитъ: какъ скоро «благой порывъ» у нихъ зародился, они уже считаютъ его осуществленнымъ и на томъ успокаиваются радостно и самодовольно. Прямо таки поразительна ихъ способность питаться воображеніемъ за дѣйствительность, словомъ за фактъ и символическимъ обѣщаніемъ за осуществленіе. Очень часто, думая о большевикахъ (конечно, не о «мошенникахъ» типа Верховенскаго, — о тѣхъ что же и думать!), я не могу удержаться отъ мысли, что они — запоздалые возрастомъ, дѣти. Очень скверныя, испорченныя, злыя, преступныя дѣти, но всетаки дѣти.

Знаете ли вы эту дѣтскую способность — превращать игру въ дѣйствительность до такой степени, что окружающая реальная дѣйствительность совершенно изчезаетъ за мнимою дѣйствительностью игры? Какъ, воображая и изображая «воздушныхъ человѣчковъ», дѣти увлекаются до того, что жизнь и бытъ призрачныхъ лицъ, ими выдуманныхъ, куклы или вещи, условно принятой за куклу, дѣлаются для нихъ реальностью, дающею имъ гораздо больше впечатлѣній и эмоцій, чѣмъ настоящій міръ нашихъ пяти чувствъ и трехъ измѣреній? Я самъ вспоминаю изъ дѣтства своего, какъ весьма тяжелыя обстоятельства нашей бѣдной, трудно боровшейся за существованіе, семьи терялись

для меня и сестеръ моихъ за гораздо болѣе важнымъ вопросомъ, женится ли нѣкій великолѣпный герцогъ Ферро (безрукая терракотовая фигурка мушкетера) на обожающей его дѣвицѣ Амброзіо (хрустальная пробка отъ графина) или преступно ее покинетъ? . .

Несомнѣнно, это бредъ на яву. Творчество большевиковъ — сплошная эпидемія такого дѣтскаго бреда. Вотъ — маленькій житейскій примѣръ.

Еще Временное Правительство постановило обратить въ Петроградѣ площадь бывшихъ гвардейскихъ парадовъ, Марсово поле или Царицынъ лугъ, въ Пантеонъ свободы и похоронило здѣсь убитыхъ въ дни Февральской революціи. Большевики явочнымъ порядкомъ, превратили Пантеонъ свободы въ Пандемоніумъ коммуны. На кладбищѣ Марсова поля положены Володарскій, Урицкій, Нахимсонъ и еще нѣсколько покойниковъ, оплаканныхъ большевиками, при весьма сухихъ глазахъ у прочаго населенія. Ограда кладбища собрана изъ драгоцѣннаго гранита, служившаго фундаментомъ для рѣшетки сада б. Императрицы Александры Федоровны у Зимняго Дворца. Рѣшетка была оляповата и безвкусна, но кладбищенская ограда, для которой она послужила матеріаломъ, даже о ней эставляетъ жалѣть: такая вышла, какъ нѣмцы говорятъ, «пирамидальная» казенщина и пошлость. Кругомъ проэктированъ былъ громадный народный паркъ, — такой, чтобы съ одной стороны онъ граничилъ съ Лѣтнимъ садомъ, съ другой съ садомъ Михайловскаго дворца. Открытіе этого парка было назначено на 1 мая 1920 года.

Ни въ 1918, ни въ 1919 гг. устройство этого парка не сдвинулось съ декретирующей бумаги въ бытіе ни на

вершокъ. Весною 1920 г., когда снѣгъ сошелъ, появились на площади какія то страшно оборванные люди съ лопатами и стали что то вяло копать и ковырять въ грязи. Вокругъ на бревнышкахъ, сидѣли красноармейцы съ винтовками. Однажды среди копающихъ оборвышей я замѣтилъ знакомаго врача, котораго почиталъ давно выбывшимъ изъ Петрограда. Оказалось, нѣтъ: отбываетъ принудительныя работы въ Чесменкѣ (бывшая Чесменская богадѣльня, обращенная въ арестный домъ), и вотъ, въ числѣ другихъ арестантовъ, присланъ на земляныя работы по утройству будущаго парка. Это было въ первыхъ числахъ апрѣля. Поглядѣлъ я и только плечами пожалъ: до 1-го мая оставалось меньше мѣсяца, а работы было на годъ. Затѣмъ, проѣзжая мимо почти ежедневно, я видѣлъ съ трамвая все тоже безнадежное, безуспѣшное ковыряніе бурой грязи неумѣлыми, слабосильными людьми, впервые взявшими лопату въ руки, привычныя у кого къ скальпелю, у другого къ перу, у третьяго къ аршину. И все также равнодушно сидѣли кругомъ, паля папиросы, конвойные красноармейцы. Никакого парка все еще и слѣда не было. Въ послѣднюю апрѣльскую недѣлю, на четырехъ углахъ плаца появились четыре безобразнѣйшихъ кубышки, въ формѣ приземистыхъ грибовъ-исполиновъ. Публика глядѣла и недоумѣвала, что за уродство поставлено? Одни говорили, что это — громадные артельные котлы, изъ которыхъ будутъ на гуляньѣ угощать народъ чаемъ и кашей. Другіе, горькимъ совѣтскимъ опытомъ обученные пессимизму, скептически возражали:

— Держите карманъ шире! Таковскіе, чтобы угостили! Изъ какихъ бы это запасовъ? Нѣтъ, это у нихъ тамъ пулеметы запрятаны, чтобы, въ случаѣ чего, палить по народу . . .

Впослѣдствіи оказалось, однако, что грибы, выросшіе на Марсовомъ полѣ, не котлы для каши и не блиндажи для пулеметовъ, но, по объясненію коммунистической печати, «могущественные фонтаны, сила которыхъ должна превосходить знаменитые петергофскіе», а эти послѣдніе, какъ извѣстно, превосходятъ еще болѣе знаменитые версальскіе . . . Ужъ у насъ дешевле не мирятся! Превосходить, такъ превосходить! знай нашихъ!

Набили колышковъ и растянули по нимъ шнурки: символы будущихъ дорожекъ. Натыкали въ землю какія-то безлистныя розги: символы будущихъ клумбъ и цвѣтниковъ. Вообще — по рецепту городничаго Сквозника Дмухановскаго въ «Ревизорѣ», какъ онъ приказывалъ воткнуть у разломаннаго забора шестъ съ метлой, «чтобы было похоже на планировку». Сколько я наблюдалъ, большевики часто сходятся съ этимъ почтеннымъ персонажемъ безсмертной комедіи Гоголя, какъ въ тактикѣ, такъ и въ практикѣ. Между прочимъ и въ увѣренности, что «чѣмъ больше ломки въ городѣ, тѣмъ лучше, потому что ломка свидѣтельствуетъ объ энергіи градоначальника» . . .

Въ послѣдніе дни апрѣля я не выходилъ изъ дома по болѣзни, а въ первомайскій праздникъ — по осторожности. Вечеромъ 1-го мая меня посѣтила супружеская чета большевиковъ, сохранившая къ моей семьѣ добрыя чувства по старымъ хорошимъ отношеніямъ въ

эмиграціи, вопреки рѣзкой теперешней разницѣ нашихъ мнѣній и положенія. Они занимаютъ видные совѣтскіе посты, — я то и дѣло арестуемый и обыскиваемый, подозрительный по «контръ-революціи, интеллигентъ-литераторъ». Гости мои принадлежали, безспорно и безусловно, къ той нравственной аристократіи большевизма, о которой говорилъ я выше, къ тѣмъ рѣдкимъ въ немъ праведникамъ, по молитвамъ которыхъ, можетъ быть, и не проваливается еще этотъ Содомъ. Но каково же было мое удивленіе, когда оба, мужъ и жена, принялись взапуски описывать мнѣ, въ числѣ прочихъ несчетныхъ красокъ нынѣшняго своего праздника, также и роскошь парка на Марсовомъ полѣ, — они только что присутствовали на его откытіи, — его цвѣточныя клумбы, газоны, фонтаны, бесѣдки, гроты, тѣнистыя аллеи . . .

Я слушалъ — ушамъ не вѣрилъ. Смѣются, что ли, они надо мною? Нѣтъ, совершенно серьезны. Нагло лгутъ? Знаю обоихъ за людей правдивыхъ и къ мистификаціямъ не склонныхъ. Между прочимъ расписываютъ свою небывальщину съ такимъ убѣжденнымъ восторгомъ, что даже меня ввели въ сомнѣніе: неужели большевики за три-четыре дня, что я не видѣлъ Марсова поля, успѣли сотворить чудо? Ну, декоративныя украшенія — это я еще допускаю. Когда то давно, въ Москвѣ, знаменитый театральный антрепренеръ Лентовскій, на моихъ глазахъ, въ три дня, обратилъ, при помощи папье-маше и глины, захудалый и заброшенный дворъ при какомъ то машинномъ складѣ въ великолѣпный увеселительный садъ «Чикаго». Но тамъ ему въ помощь, все-таки, было нѣсколько недурныхъ ста-

рыхъ березъ, сохранившихся отъ чьего-то давно вырубленнаго сада. Но здѣсь? на голомъ мѣстѣ? Между тѣмъ, супруги опредѣленно твердятъ о тѣнистыхъ аллеяхъ... Оставалось предположить фантастическое: что большевики выкорчевали прекрасныя рощи на Островахъ и въ пригородахъ Петрограда и, вопреки полному отсутствію въ немъ перевозочныхъ средствъ, какъ то умудрились пересадить деревья на Марсово поле...

3-го мая появилось описаніе первомайскаго торжества на Марсовомъ полѣ въ оффиціалахъ коммунистической власти. По восторженному тону и яркости изобразительныхъ красокъ, оно нисколько не уступало разсказамъ моихъ гостей, — скорѣе превосходило ихъ...

На завтра я нарочно сошелъ съ трамвая, чтобы лично смотрѣть новоявленные Аладиновы сады. Но... они исчезли, будто, и впрямь, волшебный миражъ изъ арабской сказки!.. Ничего! какъ есть, ничего!.. Попрежнему, — вокругъ гранитнаго, тюрьмѣ подобнаго, пирамидальнаго мавзолея, море бурой, только теперь еще и истоптанной тысячами ногъ, грязи; попрежнему, — метлы и розги, воткнутыя вдоль шнурковъ на колышкахъ; попрежнему, — четыре гриба по угламъ...

И — въ такомъ видѣ эта прелесть и по сію пору остается, лишь мѣняя въ жаркіе мѣсяцы грязь на пыль. У могильника еще принялись какія то нетребовательныя вьющіяся растенія. На площади фантастическаго парка зачахли и безтѣнно посохли даже тѣ жалкія насажденія, что, въ апрѣльскихъ приготовленіяхъ, символизировались метлами и вѣхами, по рецепту городничаго Сквозника-Дмухановскаго... Параллельно могучему,

вѣковому, историческому Лѣтнему саду, тянется тощая-линія-однорядка акацій, изъ которыхъ черезъ два третье — уже мертвое . . . И это все.

А, между тѣмъ, люди видѣли, люди восхищались, захлебывались восторгами, писали ихъ черными по бѣлому и увѣковѣчили печатью . . . Что же это? Сплошное ли безстыдство политическихъ шарлатановъ, эпидемическое до такой чумной силы, что имъ заражаются даже люди, завѣдомо правдивые и порядочные?.. Не думаю. Конечно, безстыдства и шарлатанства, которое, отлично понимая истинное ничтожество своего жалкаго творчества, тѣмъ не менѣе «втираетъ очки» коммунистическимъ массамъ великолѣпными лжами, — у лидеровъ большевизма — сколько хочешь, столько просишь. Оно кричитъ съ трибунъ глотками Зиновьева, Евдокимова, Анцеловича, Зорина, строчитъ гипнотизирующую прозу перьями Нахамкеса-Стеклова въ Москвѣ и В. Быстрянскаго въ Петроградѣ, а съ пера какого-то Демьяна Бѣднаго источаетъ неисчислимое количество гипнотизирующихъ стиховъ. Оно заставляетъ М. Горькаго выступать на митингахъ съ рѣчами, отъ которыхъ его самого втайнѣ тошнитъ, и публиковать безобразныя по неискренности статьи, подобныя его льстивому гимну во славу Ленина. Что говорить! Гипноза много, и онъ энергиченъ и постояненъ. Однако тутъ работаетъ не только гипнозъ, но и автогипнозъ. И, можетъ быть, потому и удачна такъ работа шарлатанскго гипноза, что ужъ очень счастливо попадаетъ она на почву автогипноза, жаждущаго вѣры и чудесъ. «Эллины мудрости ищутъ, а іудеи чуда», сказалъ апостолъ. А вѣдь коммунистическій идеалъ —

исконное твореніе іудейскаго энтузіазма, вопіявщее еще устами библейскихъ пророковъ, (naḃi), — и сколько же евреевъ, отнюдь не изъ фальшивой породы Зиновьевыхъ-Апфельбаумовъ, оказывается энтузіастами и фанатиками современнаго коммунизма!..

Да, ищутъ чуда и вѣры. То,что я разсказалъ о Марсовомъ полѣ, вѣдь это же именно «увѣреніе въ невидимомъ какъ бы въ видимомъ, въ грядущемъ какъ бы въ настоящемъ, въ обѣщанномъ какъ бы въ достигнутомъ»... Катехизическая вѣра съ примѣсью увлекательной дѣтской игры, которая хрустальную пробку принимаетъ за принцессу и видитъ Аладиновы сады тамъ, гдѣ нѣтъ ничего кромѣ грязи и прутьевъ, подобныхъ розгамъ.

Конечно, автогипнозъ не вѣченъ и за очарованіями быстро слѣдуютъ разочарованія. Въ медовый мѣсяцъ побѣды большевиковъ, съ легкаго почина и благословенія А. В. Луначарскаго, изъ всѣхъ генераловъ русской коммуны наиболѣе склоннаго къ дѣтской вѣрѣ и дѣтскимъ играмъ, Петроградъ покрылся, какъ прыщами, скульптурнымъ недоразумѣніемъ, которое называлось памятниками великимъ людямъ міровой революціи. Эта эпидемія прокатилась по всѣмъ городамъ и весямъ, гдѣ завелись коммунистическіе «культпросвѣты», т. е. коллегіи, вѣдающія культуру и просвѣщеніе мѣстнаго пролетаріата. Большевистскій монументъ сооружался очень легко — тоже по методу принятія пробки за принцессу и ожидаемаго за осуществленное. Обклеиваютъ длинный ящикъ парусиною, раскрашенною подъ гранитъ или мраморъ, и утверждаютъ его, стоймя, къ землѣ цементомъ: это пьедесталъ. На него

водружается наскоро смятая изъ глины и кое какъ обожженная фигура, издали нѣсколько похожая на человѣка, вблизи ни на что не похожая, такъ какъ, обыкновенно, революцiонные памятники лѣпились ваятелями-футуристами. Художники этого направлнiя первыми пошли на службу къ большевикамъ и, подъ покровительствомъ Луначарскаго, пользовались нѣкоторое время исключительнымъ фаворомъ власти, пока наконецъ, въ 1920 году, въ Петроградѣ, ихъ засильемъ не возмутились рабочiе, заявивъ, что въ такомъ искусствѣ они ровно ничего не понимаютъ и не хотятъ понимать и требуютъ, чтобы городъ его произведенiями не уродовался. Кому-кому только не поставлено было подобныхъ скороспѣлыхъ монументовъ въ это удивительное время! Петроградъ въ революцiонно-скульптурной манiи, все-таки, дальше Марата не пошелъ, но Москва украсилась не только Робеспьеромъ, но и Стенькою Разинымъ, а городъ Свiяжскъ — даже Iудою Искарiотомъ. Недавно датскiй писатель Келеръ, случайно присутствовавшiй, описалъ весьма красочно изумительное открытiе этого послѣдняго монумента: жуткая картина забавы на буйномъ отдѣленiи дома сумасшедшихъ!.. Открытiе каждаго монумента сопровождалось торжественными рѣчами и хвалебными статьями въ честь и славу пролетарскаго искусства, пришедшаго на смѣну отжившему буржуазному, чтобы воцариться въ мiрѣ на вѣки вѣковъ. Но, глядишь, мѣсяцъ другой спустя, подъ дождемъ, снѣгомъ и мѣткими камнями уличныхъ мальчишекъ вѣчный монументъ уже успѣлъ принять такой скоро-преходящiй видъ, что даже невзыскательные эстеты Смольнаго начина-

ютъ находить его зазорнымъ. Тогда фигура, подъ предлогомъ отливки изъ бронзы, снимается, а осиротѣлый пьедесталъ остается грустно хлопать по вѣтру оборванной парусиной, уныло обнаруживая подъ ея крашенымъ гранитомъ деревянный свой остовъ, покуда, въ одну изъ темныхъ ночей, какой нибудь предпріимчивый обыватель не срѣзаетъ ее, справедливо находя, что, чѣмъ ей болтаться зря, гораздо полезнѣе будетъ задѣлать ею свое безстекольное окно. Такъ сняли Радищева, «перваго русскаго революціоннаго писателя,» у Зимняго Дворца. Фердинанда Лассаля — у Городской Думы. Его сняли при мнѣ, въ концѣ іюля или въ началѣ августа, послѣ того, какъ уличные мальчишки, луская камнями, превратили бѣднаго гипсоваго трибуна въ какого то Расплюева изъ «Свадьбы Кречинскаго», съ подбитымъ глазомъ и свороченнымъ на сторону носомъ. Этотъ памятникъ преслѣдовался особенною ненавистью петроградской улицы. Не потому, чтобы она ненавидѣла Лассаля, котораго ни любить, ни не любить она не можетъ уже просто потому, что изъ ста нынѣшнихъ петроградцевъ едва ли одинъ слыхалъ что либо о Лассалѣ, да и этотъ то одинъ освѣдомленъ о немъ, поди, больше по роману Шпильгагена « Leo ». Но скульпторъ-футуристъ, въ стремленіи выразить демоническій характеръ Лассаля, такъ свирѣпо вздыбилъ ему волосы, такъ надменно задралъ его голову вверхъ, загнулъ его длинный носъ такимъ адскимъ крючкомъ, что простой народъ принимаетъ его за чорта. А такъ какъ нелѣпый бюстъ этотъ былъ поставленъ въ двухъ шагахъ отъ весьма чтимой часовни, то и пошла молва, что вотъ де большевики, на зло Божьей Матери и Ми-

колѣ Угоднику. соорудили рядомъ идолъ своему Богу — чорту. Ну, а какія же благочестивыя уста удержатся отъ удовольствія на чорта плюнуть, а благочестивыя руки — отъ наслажденія швырнуть въ него камнемъ?.. Конечно, если по близости нѣтъ милиціонера, который, за это отведетъ благочестивца въ комиссаріатъ, а комиссаріатъ отправитъ въ Чрезвычайку, а Чрезвычайка — «къ стѣнкѣ» или «налѣво», т. е. подъ разстрѣлъ. Такъ были разстрѣляны матросы, подложившіе петарду подъ статую Володарскаго: пьяная шутка, изъ которой Чрезвычайка, конечно, не преминула сдѣлать «контръ революціонный заговоръ». Взрывомъ статуѣ отшибло ноги. Нѣсколько дней она красовалась на шестахъ, возбуждая всеобщій смѣхъ: излюбленный ораторъ большевизма, изображенный скульпторомъ, хотя въ пиджакѣ, но въ позѣ трибуна, съ плащемъ, перекинутымъ черезъ руку, вдругъ, трагикомически превратился въ инвалида, предлагающаго прохожимъ купить его старую шинель. Затѣмъ статую сперва одѣли въ чехолъ, потомъ и вовсе убрали. Софью Перовскую, героиню партіи «Народной Воли» и вдохновительницу убіенія Александра II, тоже почтили было бюстомъ у Николаевскаго вокзала, но, уже нѣсколько дней спустя, сняли, даже не дожидаясь внѣшнихъ поврежденій. Такимъ ужасающимъ чудовищемъ изобразилъ мастеръ-футуристъ эту, въ дѣйствительности, миловидную женщину, чьи очарованія восторженно изображали намъ Степнякъ-Кравчинскій и другіе мемуаристы «Народной Воли». Самъ Луначарскій испугался! А вѣдь, при открытіи, тоже поднятъ былъ крикъ о силѣ и прелести новаго пролетарскаго искусства!..

Дѣти поиграли часокъ-другой хрустальною пробкою, принятой за принцессу, а потомъ разглядѣли, что пробка есть только пробка, и выбросили ее въ сорную кучу . . .

Сдается мнѣ, что процессъ такого разглядыванія и выбрасыванія, если не начался, то уже зарождается во всѣхъ отросляхъ русскаго коммунистическаго творчества, начиная съ важнѣйшей: ужасныхъ и преступнѣйшихъ «экспериментовъ» большевизма въ экономической политикѣ. По всему фронту ея Кремль и Смольный (а онъ всегда былъ упорнѣе Кремля) понемножку да по легоньку сдаютъ позиціи, занятыя ими въ первыхъ побѣдныхъ припадкахъ горделиваго бреда. Сегодня телеграмма изъ Гельсингфорса возвѣщаетъ объ арестѣ правыми коммунистами группы крайнихъ лѣвыхъ, противящихся этой сдачѣ и даже организовавшихъ будто бы противъ ея иниціаторовъ террористическій заговоръ. Ничего невѣроятнаго въ томъ нѣтъ. Если даже еще не было, то будетъ. Когда полоса бредовой игры минуетъ, то дѣти, которыя умомъ посмышленнѣе, характеромъ спокойнѣе и темпераментомъ холоднѣе, сравнительно легко возвращаются изъ заоблачныхъ сферъ въ міръ дѣйствительности и выходятъ изъ игры, хотя бы и съ сожалѣніемъ, что должны съ нею разстаться. Но попробуйте-на вы отнять у милаго дитяти, вродѣ Бухарина (вождь лѣвыхъ коммунистовъ), его хрустальную пробку безъуступочной коммуны, т. е. перманентной гражданской войны: воинствующей диктатуры пролетаріата — до истребленія послѣдняго буржуя!. . . Да оно сперва выцарапаетъ глаза товарищамъ, покидающимъ забаву, которая сдѣлалась для

него второю натурою, оглушитъ ихъ жалостно гнѣвнымъ ревомъ неудовлетвореннаго каприза и, въ самомъ дѣлѣ, со злости кого нибудь пырнетъ перочиннымъ ножомъ. И, наконецъ, когда само убѣдиться, что оно играло не болѣе, какъ хрустальною пробкою, все-таки, разстанется съ нею, въ зубовномъ скрежетѣ, не иначе, какъ съ размаха швырнувъ ее въ лицо тому, кто его убѣдитъ, и постаравшись, чтобы ударъ пришелся какъ можно больнѣе.

V.

Счастливая способность идейныхъ большевиковъ «питаться воображенiемъ за дѣйствительность, словомъ за фактъ и символическимъ обѣщанiемъ за осуществленiе» даетъ широкiй просторъ большевикамъ не-идейнымъ къ практикѣ тѣхъ безчисленныхъ, — вѣжливый человѣкъ назоветъ, — мистификацiй, а человѣкъ прямой скажетъ, — подлоговъ и мошенничествъ, которые, устами коммунистическихъ ораторовъ, столбцами коммунистическихъ газетъ и перьями хорошо принятыхъ «знатныхъ иностранцевъ», вродѣ г. Уэллса, возвѣщаются мiру, какъ откровенiя «пролетарской культуры».

Гейне увѣряетъ, будто въ «германскихъ Аѳинахъ», въ Мюнхенѣ, онъ, однажды, увидѣвъ на улицѣ безхвостую собаку, спросилъ прохожаго, чья она? Мюнхенецъ — «неоаѳинянинъ» съ важностью отвѣчалъ: — Это собака нашего Алкивiада... — А гдѣ же самъ то онъ, вашъ Алкивiадъ? — Видите ли, объяснилъ «нео-

аѳинянинъ», нисколько не замявшись, — Алкивіада мы никакъ не можемъ найти въ своей средѣ, такъ, покуда хоть подыскали для него собаку и отрубили ей хвостъ... ну, а потомъ когда нибудь, авось, подберемъ къ собакѣ и Алкивіада!..»

Нелѣпая комедія «пролетарской культуры» разыгрывается по тому же сценарію. Въ рѣчахъ, статьяхъ и декретахъ — «быть по сему» Алквіадамъ, на дѣлѣ — рубка собачьихъ хвостовъ. За исключеніемъ уседнѣйшаго склоненія существительнаго «пролетарій» и прилагетельнаго «пролетарскій» при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, въ обоихъ числахъ и во всѣхъ падежахъ, ровно ничего культурно-«пролетарскаго» ни въ Петроградѣ, ни въ Москвѣ, ни въ провинціи не возникло. А то, что ославляется «пролетарскимъ», оказывается жалкою и извращенною пародіей той самой буржуазной культуры, которую новая пролетарская, якобы, отрицаетъ и уничтожаетъ. Подложная школа, подложное право и судъ, подложное искусство, подложная гласность, подложная наука, подложные финансы, подложное равенство, подложное народоправство, подложная свобода. Алкивіадовъ нѣтъ, но якобы Алкивіадовыхъ собакъ съ отрубленными хвотами бѣгаетъ сколько угодно.

Будемъ, однако, справедливы. Въ числѣ коммунистическихъ подражаній и послѣдованій буржуазной культурѣ имѣются обширныя области, гдѣ оригиналы, безспорно, превзойдены копіями. Но, увы, всѣ эти усовершенствованныя области вмѣщаютъ какъ разъ самыя худшія и отрицательныя явленія цивилизаціи и слагаютъ собою ту обратную ея сторону, съ которою луч-

шіе люди культурнаго міра всегда боролись, какъ съ злѣйшими пороками.

4-го марта минувшаго 1921 года большевики засадили меня, жену мою и старшаго сына на цѣлый мѣсяцъ въ тюрьму на Шпалерную, въ качествѣ «организаторовъ Кронштадтскаго возстанія», хотя о немъ мы, рекомые «организаторами», узнали только въ то утро 3 марта, когда Смольный расклеилъ по улицамъ первые тревожные бюллетени. Нелѣпость обвиненія, повидимому, была ясна даже и слѣдователю, которому было передано наше дѣло, такъ что на допросахъ онъ не столько старался изобличить меня по существу этого «государственнаго преступленія», сколько велъ дискуссію на общія принципіальныя темы, всячески посрамляя буржуазію и интеллигенцію и прославляя коммуну. Однажды, онъ преважно заявилъ мнѣ:

— Знаете ли вы, что коммунизмъ отрицаетъ тюрьму, и завѣтная мечта нашей партіи уничтожить всѣ тюрьмы?

— Знаю, — отвѣчалъ я, — но сейчасъ мы съ вами объясняемся въ тюрьмѣ и, притомъ, такой, которую старое правительство строило на пятьсотъ человѣкъ, а вы въ ней держите три тысячи пятьсотъ.

— Это правда, — великодушно согласился слѣдователь, — но что же дѣлать? Революція въ опасности!

Она у нихъ всегда въ опасности и противъ опасности никогда они не имѣютъ другихъ средствъ, кромѣ тѣхъ же самыхъ отвратительныхъ насилій надъ человѣкомъ, какими выручала себя отъ внутреннихъ политическихъ опасностей покойная имперія: сыска, тюрь-

мы и смертной казни, но — въ новыхъ гекатомбическихъ размѣрахъ.

Принципіально они отрицаютъ тюрьму; на дѣлѣ учреждаютъ чудовищный тюремный режимъ, предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ ужасы темницъ царской Сибири, возбудившіе столько справедливаго негодованія въ Европѣ, когда огласилъ ихъ Кеннанъ. Живъ онъ или умеръ? Я не знаю. Вотъ кому, а не сомнительному Уэллсу и не «человѣку въ шорахъ» Нансену, хорошо было бы увидать и описать коммунистическую Россію. Сибирь отъ насъ отвалилась, но должно быть, мы, русскіе, не сумѣемъ жить безъ Сибири, потому что немедленно опять завели ее, — и гораздо тягчайшую, — у себя дома. Какъ въ столичныхъ центрахъ, такъ и рѣшительно въ каждомъ городкѣ, гдѣ раскидываетъ свои станы истинная властительница и повелительница современной мнимо-коммунистической Россіи «Чрезвычайная Комиссія по борьбѣ съ контръ - революціей, спекуляціей и преступленіями по должности» — въ просторѣчіи «Че-Ка», «Чрезвычайка».

Они проповѣдуютъ взаимодовѣріе между государствомъ и гражданиномъ, зовутъ другъ друга не иначе какъ «товарищами», а всю свою внутреннюю политику построили на полицейскомъ шпіонажѣ организованномъ, дѣйствительно, въ своемъ родѣ, геніально и не жалѣя средствъ. Года полтора тому назадъ, имѣлъ я прелюбопытную встрѣчу. Кланяется мнѣ на улицѣ и окликаетъ меня, любезно улыбаясь, какъ будто совсѣмъ незнакомый, прилично одѣтый человѣкъ. Замѣчая мое недоумѣніе, подходитъ и объясняетъ, что онъ бывшій городовой: стоялъ на посту противъ моей бывшей

квартиры на Песочной улицѣ и, очевидно, съ благодарностью запомнилъ перепадавшие ему щедрые «на чаи». Благополучный и сытый видъ его нѣсколько удивилъ меня: жандармы, полицейскіе и т. п. упраздненный народъ на службѣ павшей администраціи отнюдь не пользуется у большевиковъ фаворомъ, — наоборотъ, состоятъ въ хроническомъ подозрѣніи и, при малѣйшемъ къ тому поводѣ, рискуютъ разстрѣломъ.

— При какихъ же занятіяхъ вы теперь находитесь? — спросилъ я.

— А при тѣхъ же самыхъ, — отвѣчалъ онъ съ полною откровенностью.

— Какъ? вы служите въ городской милиціи? и васъ приняли?

— Зачѣмъ въ милиціи? — даже обидѣлся онъ, — тамъ мѣсто мальчикамъ да бабамъ, а мы уже, слава тебѣ, Господи, не малолѣтки, послужили на своемъ вѣку.

Оказывается, — зачисленъ въ агентуру ЧК: спеціалистъ по продовольственному, то есть самому доходному, сыску . . . Еще бы тутъ не процвѣсти!

Отъ этого почтеннаго гражданина, столь счастливо приспособленнаго къ полицейскимъ функціямъ при всѣхъ режимахъ, я обогатился множествомъ любопытнѣйшихъ анекдотовъ изъ быта и дѣятельности учрежденія, которому онъ продался служить, — и я увѣренъ, служилъ, а можетъ быть, и сейчасъ служитъ добросовѣстно. Но интересны его общія заключенія о полиціи старой и новой. Изъ старой ему было жаль только униформы и, въ особенности погоновъ, споротыхъ коммунистами:

— Эхъ, кабы намъ погончики вернули!..

Но въ цѣломъ онъ не только ровнялъ ЧК съ царскою охранкою, но даже отдавалъ ей преимущество.

— Знаете, — сказалъ онъ съ профессіональнымъ пафосомъ, — если бы «Николаша» на нашего брата, полицію, столько же расходовался, какъ они на ЧК расходуются, да такую бы точно волю намъ давалъ насчетъ скорой расправы съ «внутреннимъ врагомъ» . . . изволили слыхать, какъ оно въ нашей инструкціи говорилось? — то, пожалуй, не проморгали бы мы революцію то, и сидѣлъ бы онъ и посейчасъ на тронѣ, при державѣ и въ коронѣ . . . Потому что эти нынѣшніе — не по нашему, а — коли загинать человѣку салазки, такъ ужъ загинать! Они не канителятся, нѣ-ѣ-тъ!.. Метутъ желѣзной метлой!

Нечего сказать, пріятно это было слушать писателю, напечатавшему на своемъ вѣку десятки пылкихъ страницъ противъ «Николаши», котораго такъ нѣжно поминаетъ бывшій городовой, а нынѣ чекистъ, противъ произвола полицейской диктатуры фонъ Плеве, Дурново, Столыпина и т. п., противъ пресловутаго «безотчетнаго фонда» министерства внутреннихъ дѣлъ, противъ вездѣсущаго шпіонажа департамента государственной полиціи и жестокостей въ его застѣнкахъ!.. Мы то, бывало, ихъ костимъ и извергами, и палачами, и Иродами, да вѣдь, и впрямь же Ироды были!.. А вотъ ихъ старый, уважающій слуга и сотрудникъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что быть Иродомъ это и есть самое настоящее правительственное дѣло, профессіонально сконфуженъ:

— Какіе ужъ, — говоритъ, — мы были Ироды! бабы были! канителились! Вотъ нынѣшніе, такъ ужъ это точно Ироды, — надо къ ихъ чести приписать, — палачи! . .

По словамъ пріѣзжихъ сѣверянъ, въ небольшомъ портовомъ городѣ Мурманскѣ на 70.000 жителей имѣется 7.000 агентовъ ЧК. Въ Петроградѣ ихъ считаютъ въ 70.000-хъ: значитъ, какъ разъ полное населеніе Мурманска! — на 600—700.000 обывателей. Это отношеніе — одинъ агентъ на десять гражданъ — подтверждается еще примѣромъ Таганрога, недавно оглашеннымъ въ «Общемъ Дѣлѣ»: 900 агентовъ на 9.000 человѣкъ. Допустимъ, что цифры нѣсколько преувеличены ненавистью и страхомъ, у котораго глаза велики, — однако, врядъ ли на много, если принять во вниманіе существованіе такъ называемыхъ «домкомбѣдовъ», т. е. домовыхъ комитетовъ бѣдноты. Этотъ институтъ, въ принципѣ чисто хозяйственный, на дѣлѣ оказался чисто полицейскимъ. Организуется онъ какъ бы свободнымъ выборнымъ порядкомъ, но подъ контролемъ делегата-коммуниста изъ мѣстнаго «райкома», т. е. районнаго комитета, и ужъ если не предсѣдателемъ «домкомбѣда», то однимъ изъ членовъ обязательно выбирается коммунистъ. «Домкомбѣды, такимъ обязательствомъ пренебрегшіе, (такъ какъ оно проводится лишь оффиціозно, а не оффиціально), подвергаются, подъ какимъ нибудь предлогомъ, перевыборамъ, остаются въ опасномъ подозрѣніи и, наконецъ, въ случаѣ отсутствія въ домѣ жильцовъ-большевиковъ, членъ коммунистъ можетъ быть введенъ въ домкомбѣдъ по назначенію изъ района. Такимъ образомъ, въ каждомъ домѣ

Петрограда «диктатура пролетаріата» имѣетъ своего чиновника-шпіона, обязаннаго вѣдать жизнь и бытъ находящихся подъ его наблюденіемъ квартиръ, съ постоянною и безконечно разнообразною регистраціей жильцовъ.

Въ домахъ съ многочисленнымъ населеніемъ такой мнимо-выборный чиновникъ обращается въ весьма серьезную «власть предержащую», — тѣмъ болѣе, что, при пайковомъ режимѣ, черезъ его руки проходитъ все распредѣленіе продовольственныхъ карточекъ. Если на этотъ отвѣтственный постъ попадетъ только шпіонъ, но добросовѣстный, т. е. слѣдящій, но не изобрѣтающій, филеръ, а не провокаторъ, то еще куда ни шло, можно существовать смирному обывателю, который заговоровъ не строитъ, правительство бранитъ только шопотомъ на ухо своей женѣ, вообще, живетъ — воды не замутитъ. Съ обыкновеннымъ взяточникомъ обыватель тоже легко столковывается: платитъ, сколько положено, повышая сумму, соотвѣтственно паденію денежнаго курса, — и квитъ, спокоенъ. Но зачастую владыками домкомбѣдовъ оказываются субъекты, совмѣщающіе въ себѣ не только шпіона со взяточникомъ, но еще и дикаго самодура, и наглаго шантажиста.

Намъ, на трехъ квартирахъ 1917 — 1918 гг., очень везло на «добрые» домкомбѣды, однако даже изъ нихъ второй я вспоминаю безъ всякаго удовольствія. Хотя онъ былъ, по составу, почти сплошь интеллигентскій, но фактическимъ его главою былъ бывшій старшій дворникъ гигантскаго компанейскаго дома на Карповкѣ. Ну, и скрутилъ же этотъ кровный домкомбѣдецъ своихъ интеллигентныхъ сотоварищей! Пикнуть не

смѣли предъ нимъ, по ниточкѣ ходили, — противно было смотрѣть. А между тѣмъ бывали между ними и весьма почтенные общественные дѣятели, и профессора, и офицеры. И, бывало, если что нужно по квартирѣ, то членовъ домкомбѣда — хоть и не спрашивай: все равно, сами не посмѣютъ стула переставить съ мѣста на мѣсто, — отошлютъ «къ Федору». Мы на этого Федора жаловаться не могли: въ уваженіе ли моего возраста и нѣкоторой извѣстности, въ уваженіе ли атлетическаго сложенія моего старшаго сына, который на трудовыхъ повинностяхъ оставлялъ за собою привычныхъ рабочихъ, домовой диктаторъ былъ къ намъ довольно почтителенъ. Но маломочные жильцы пили отъ его грубости и самодурства прегорькую чашу. На Кирочной одинъ такой же многонаселенный домъ, хорошо мнѣ извѣстный, подпалъ въ томъ же порядкѣ подъ власть шпіона-шантажиста. Этотъ негодяй каждую квартиру разсматривалъ, какъ свою собственную, вваливаясь въ любое время дня и ночи, съ требованіями угощенія и вымогая поборы; а, если встрѣчалъ сердитый пріемъ, то дѣлалъ на строптивыхъ ложные доносы, которые въ ту бурную пору (наступалъ Юденичъ) были столько же опасны, какъ обоснованные. Наконецъ, среди жильцовъ нашелся какой то рѣшительный малый кляузникъ: самъ подкатилъ шантажиста доносомъ, да такъ ловко, что тотъ отдежурилъ мѣсяца три сперва на Гороховой, потомъ на Шпалерной, покуда ему удалось вывязиться изъ паутины, его опутавшей. Вѣдь чекисты странный народъ; взаимоотношенія ихъ напоминаютъ нравы волчьей стаи. Казалось бы, тѣснѣйшее товарищество, полная солидарность аппетитовъ, всѣ за одного, одинъ за

всѣхъ. Но, подобно тому, какъ въ волчьей стаѣ, если раненый волкъ упадетъ, то остальные разнесутъ его въ клочки, такъ и здѣсь — чекисту, который самъ впалъ въ зубы и когти ЧК, едва ли не труднѣе изъ нихъ высвободиться, чѣмъ обыкновенному смертному. Потому что — «воруй да не попадайся», а разъ попался, дуракъ, то не пеняй, если на тебѣ будетъ показанъ примѣръ коммунистическаго безпристрастія: мы, дескать, виноватымъ одинаково спуска не даемъ, что чужимъ, что своимъ . . . Совершенно такой же гусь свирѣпствовалъ въ одномъ домѣ на Симеоновской, но здѣсь былъ укрощенъ домашними средствами.

Шантажъ заходитъ иногда очень далеко, покушаясь не только на деньги, но и на честь семьи. На новый 1920 годъ зашелъ я къ прiтелю своему, извѣстному критику, А. А. Измайлову, и засталъ у него нѣсколько человѣкъ изъ петроградской литературной братiи, а среди нихъ какого то громко повѣствующаго господина не изъ литературы. Онъ разсказывалъ:

— Чортъ знаетъ, въ какiя унизительныя положенiя то и дѣло увязаемъ теперь мы, интеллигенцiя, и какъ легко въ нихъ теряемся и сдаемся на милость побѣдителей . . . Вчера прiѣзжаю къ моимъ свойственникамъ... (онъ назвалъ фамилiю). Женская половина — маменька и кузина Валечка — въ слезахъ, кузены бѣгютъ по комнатѣ, красные, и кулаки сучатъ . . .

— Что тутъ у васъ такое?! Молодежь молчитъ, Валечка пуще въ слезы, а маменька, сквозь всхлипыванье, объясняетъ: — Ахъ, Сергѣй Петровичъ! страшная непрiятность, не знаемъ, что и дѣлать . . . Къ Валечкѣ ужасно пристаетъ Мартынъ, просто, прохода не даетъ,

ловитъ ее на лѣстницахъ, подъ воротами... — Кто это Мартынъ? — Нашъ «домкомбѣдъ»... — Ага, знаю! Слушайте, — да какъ же онъ смѣетъ? Вѣдь это же мужланъ и хамъ совершеннѣйшій! — Да, вотъ, видно, смѣетъ по нынѣшнему положенію... Кузены, на перебой рычатъ: — Мы ему сейчасъ морду набьемъ!.. Я говорю: — И отлично сдѣлаете!.. А маменька машетъ на сыновей руками и кричитъ: — Ахъ, что вы! что вы! какъ можно? И вы тоже, Сергѣй Петровичъ, хороши, — чему учите молодыхъ людей? Развѣ мы можемъ такъ поссориться съ Мартыномъ?.. И Валечка тоже на братьевъ вскинулась: — Съ ума сошли? Вы ему морду набьете, а онъ насъ на январь безъ дровъ оставитъ... Мать вторитъ — словно дуэтъ поютъ: — Да, да! вѣдь и въ «Исполкомѣ» у него рука — не то зять, не то племянникъ... Нѣтъ, ужъ ты, Валечка, лучше сама обойдись съ нимъ, какъ нибудь потактичнѣе — будто не замѣчаешь его глупостей, на шутку сведи...

Подобныя исторіи въ Петроградѣ рождалъ, я думаю, едва ли не каждый день, и далеко не всегда тактичнымъ Валечкамъ удавалось ихъ «сводить на шутку». Комедія легко превращалась въ драму, когда шантажистъ запугивалъ жертву не возможностью остаться безъ дровъ на зиму (хотя надо было пережить въ Петроградѣ грозную зиму того года, чтобы уразумѣть, какой ужасъ предвѣщала подобная возможность), но угрозою отправить подъ разстрѣлъ отца, брата, жениха, мужа. Въ первые два года революціи, когда разбитые «бѣлые элементы», при невозможности почему либо быстро покинуть столицу, должны были скрываться, съ опасностью жизни,

въ самомъ Петроградѣ, свобода и бѣгство нѣкоторыхъ изъ нихъ были куплены, — конечно, для нихъ невѣдомо, — цѣною именно такихъ драмъ женскаго сердца. Одна изъ нихъ разыгралась въ близко знакомой мнѣ семьѣ. Когда нибудь я разскажу ее подробно. Теперь замѣчу лишь, что въ новомъ бытовомъ явленіи смѣшаннаго пролетарско-буржуазнаго брака женская рѣшимость великодушно жертвовать собою ради спасенія своихъ близкихъ была едва ли не главною творящею силой.

Въ «Современной Идилліи» М. Е. Салтыкова-Щедрина, яростной сатирѣ на полицейскій терроръ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра II, нѣкто предлагаетъ, въ цѣляхъ гарантировать правительству благонадежность населенія, ввести въ каждую семью полицейскаго шпіона. Въ государствѣ большевиковъ гипербола остроумнаго сатирика обратилась въ житейскій фактъ. Помнится, что въ «Совр. Идилліи» на проектъ института семейнаго шпіонажа кто то отвѣчаетъ еще болѣе радикальнымъ предложеніемъ поставить противъ каждаго дома по пушкѣ: въ случаѣ чего, — дежурный дворникъ, пали!.. Но, когда Юденичъ подступилъ къ Петрограду, мы видѣли и эту сатирическую программу осуществленною почти что въ точности. Противъ всѣхъ улицъ и переулковъ въ районахъ, подозрительныхъ по настроенію, поставлены были пушки, направленныя отнюдь не на Юденича, — напр. со стороны Васильевскаго Острова онъ уже никакъ не могъ придти, — но на насъ злополучныхъ буржуевъ-интеллигентовъ. Мы, въ результатѣ постоянныхъ обысковъ, давнымъ давно, можно сказать, перочиннаго ножа въ карманахъ не

имѣли, а, между тѣмъ, свирѣпая, но трусливая власть ждала съ часу на часъ, что мы такъ вотъ и бросимся на нихъ, беззащитныхъ большевиковъ, и всѣхъ ихъ, бѣдненькихъ, съ ихъ винтовками, браунингами, наганами и маузерами, перерѣжемъ, — указательными перстами, надо полагать! А эмиграція заграницею изумлялась и негодовала, что внѣшнему движенію на Петроградъ столица не отвѣчаетъ внутреннимъ движеніемъ!

Что говорить! Точно: нѣсколькихъ, можетъ быть, даже не тысячъ, а сотенъ ружей, было достаточно въ тѣ панические дни, чтобы, вопреки всѣмъ грознымъ батареямъ, охватить столицу возстаніемъ и поставить большевиковъ между двухъ огней. Но не было ихъ, этихъ сотенъ ружей, и не могло быть, неоткуда было взять. Полицейскій процессъ разоруженія былъ проведенъ большевиками такъ превосходно, что обезоруженный Петроградъ вотъ уже четвертый годъ напоминаетъ стадо овецъ подъ зоркою стражею нѣсколькихъ зубатыхъ овчарокъ. Въ 1917 и 1918 гг. я самъ возмущался слабыми протестами Петрограда противъ захвата его лже-коммунистической олигархіей, самъ принималъ участіе въ заговорахъ и побуждалъ къ нимъ другихъ. Но въ 1919 я уже рѣшительно отклонялъ всѣ предложенія такого рода и усердно отговаривалъ молодыя горячія головы, являвшіяся ко мнѣ за совѣтомъ, съ проектами террористическихъ актовъ и уличныхъ выступленій, хотя иногда и очень неглупо задуманными. Потому что время и возможности успѣшной борьбы съ узурпаціей были уже безнадежно, — и не боюсь употребить
ждала съ часу на часъ, что мы такъ вотъ и бросимся на
противленствомъ, политиканствующею рознью, тру-

состью. Сильная молодежь была повыбита, населеніе истощилось, ослабло духомъ и тѣломъ. А на третій годъ своего царенія власть большевиковъ въ обезоруженномъ Петроградѣ, по тигровому свирѣпая, была для насъ гораздо сильнѣе тигра, по соотвѣтствію силъ. Даже съ самымъ лютымъ звѣремъ человѣкъ, въ смертной опасности, можетъ схватиться въ борьбу отчаянія на панъ или пропалъ, хотя бы и съ голыми руками. Но мы стояли уже просто передъ какою то разверстою пастью, вродѣ той, какъ на папертяхъ русскихъ церквей пишутъ «челюсть адову», перемалывающую зубами фатально втягиваемыхъ ею грѣшниковъ. Самоубійство при ея посредствѣ было теперь для петроградца возможно, борьба съ нею — нѣтъ. Открыто выбиться изъ полицейской сѣти большевизма могъ только тотъ, кто прыжку въ Неву съ Николаевскаго моста или гвоздю съ петлею предпочиталъ быть разстрѣляннымъ китайцами и голымъ трупомъ исчезнуть въ невѣдомой ямѣ.

Я зналъ нѣсколькихъ такихъ самоубійцъ. Они находили долю, которой искали. Умирали геройски. Но безплодно. Какъ изъ тысячи кроликовъ нельзя сдѣлать одной лошади, такъ изъ десятка героическихъ самоубійствъ нельзя сложить одного побѣдоноснаго акта свободы. Смолоду запомнилось мнѣ вѣщее остроумное слово одного совсѣмъ не остроумнаго человѣка. Въ русско-турецкую войну 1877 г., генералъ Гурко, отправляя кавалерійскій отрядъ въ трудную рекогносцировку, предупредилъ офицеровъ о большой опасности. Они отвѣчали классическою фразою: — Ваше превосходительство, мы готовы *лечь костьми!*.. — Эка, чѣмъ утѣшили! — возразилъ Гурко, — какая мнѣ радость отъ

того, что вы ляжете костьми? Мнѣ надо, чтобы *не вы, а турки костьми легли!..* Вотъ этого то результата поздніе петроградскія движенія противъ большевиковъ получить уже никакъ не могли. Наши «турки» отъ опасности лечь костьми были крѣпко застрахованы, а то, что ляжетъ костьми остатокъ непокорнаго интеллигентно-буржуазнаго Петрограда, доставило бы имъ только величайшее удовольствіе.

Догматически, большевики — антимилитаристы. Между тѣмъ почти все достояніе ихъ государства уходитъ на содержаніе арміи, какъ сами они хвалятся, самой большой въ мірѣ. Армія поглотила ихъ золотой запасъ, продовольствіе, рабочую силу, пути сообщенія и даже — классовую политику, потому что, въ конечномъ результатѣ революціи 25 октября, совсѣмъ не «пролетарій», а «человѣкъ съ винтовкой» сдѣлался хозяиномъ страны. Быть можетъ, онъ еще не совсѣмъ сознаетъ свое хозяйское положеніе, но уже начинаетъ весьма и весьма сознавать, а, когда сознаетъ совершенно, напр., въ случаѣ успѣшной внѣшней войны, то, ужъ конечно, своей первой роли онъ тогда никому не уступитъ, и «пролетарій» окончательно перемѣнится въ государственной каретѣ съ сидѣнья на запятки.

Чудовищное, анти-демократическое и даже противогосударственное развитіе своей арміи большевики объясняютъ своимъ обычнымъ:

— На насъ нападаютъ, мы должны защищаться и быть сильнѣе своихъ враговъ.

Объясненіе удовлетворительное и понятное. Но кто же создалъ это положеніе хроничской самозащиты противъ хронически угрожающаго нападенія, какъ не

сами большевики? Говорю въ данномъ случаѣ даже не о вѣчной откровенно-агрессивной пропагандѣ ими «міровой соціальной революціи» и дѣятельнѣйшей агитаціи за нее во всѣхъ сосѣднихъ государствахъ, напугавшей буржуазную Европу и непримиримо поставившей ее на дыбы противъ совѣтской Россіи, какъ исполинскаго «заразнаго очага», объемомъ въ шестую часть свѣта. Нѣтъ, это все — общее, принципіальное: главнодѣйствующая *причина*, которая, можетъ быть, оставалась бы довольно долго въ скрытомъ состояніи, еслибы сразу же не породила конкретныхъ военно-политическихъ *поводовъ:* измѣны Антантѣ и Брестскаго мира.

Когда, въ пору этого позорнаго акта, я предсказывалъ знакомымъ большевикамъ, что онъ будетъ *корнемъ* погибели ихъ коммунистическаго идеала и не позволитъ имъ выстроить коммунистическое государство, они недовѣрчиво пожимали плечами и говорили:

— Ну, вы влюблены въ свою Антанту, помѣшаны на ней, воображаете ее гораздо сильнѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, а мы ея нисколько не боимся . . .

Того результата, что озлобленная Антанта, будь она хоть въ десять разъ слабѣе, чѣмъ оказалась, заставитъ ихъ даже своею пассивною враждою отказаться отъ всѣхъ законоположенныхъ принциповъ коммунистической революціи и, вмѣсто соціалистическаго строя, образовать государство гораздо болѣе милитаристическое, чѣмъ всѣ, которымъ они грозятъ разрушеніемъ, — этого результата они рѣшительно не допускали.

— Помилуйте, у насъ всей арміи, по расчету Троцкаго, будетъ триста тысячъ человѣкъ . . .

И когда я пророчилъ имъ неизбѣжный и стремительно-быстрый ростъ этихъ начальныхъ трехсотъ тысячъ въ милліонные размѣры и близко грядущее поглощеніе арміей всѣхъ матеріальныхъ и моральныхъ силъ страны, они смѣялись мнѣ въ глаза и укоряли, что, стоя на порогѣ міровой революціи, я къ ней слѣпъ и глухъ и не понимаю самыхъ элементарныхъ основъ творимаго переворота:

— Если вы воображаете, будто мы пришли въ міръ, чтобы играть въ солдатики, то горько ошибаетесь: мы пришли уничтожить эту игру . . .

— И, однако, примете въ ней самое дѣятельное участіе!

— Ну, это ужъ ваше предубѣжденіе, контръ-революціонный бредъ!

Тогда у нихъ въ модѣ былъ весьма безсмысленный девизъ «войны безъ аннексій и контрибуцій», нынѣ, если не упраздненный de jure, то de facto замолкшій и забвенный. Когда я интересовался, подъ какими же новыми названіями, формами и предлогами будутъ они аннексіи дѣлать, а контрибуціи взимать, они сердились и обвиняли меня въ контръ-революціонномъ издѣвательтвѣ.

Тогда ихъ приводила въ бѣшенство упрямая проповѣдь П. Н: Милюкова о необходимости быть «русскимъ Дарданелламъ». Когда я шутилъ, что ужъ кто-кто другой, а они то не имѣютъ никакого права возмущаться, потому что, въ качествѣ новыхъ державцевъ Россіи, они приняли и это политическое наслѣдство, и — не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ устремленіе къ проливамъ, запертымъ для нихъ враждебною Антантою, сдѣлается

насущнымъ и, быть можетъ, самымъ жгучимъ вопросомъ ихъ существованія, — они хохотали:

— Эка у васъ фантазія то играетъ!

А затѣмъ, — мы живые свидѣтели и очевидцы, — все пошло, какъ по писаному.

Словесный антимилитаризмъ создалъ фактически солдатское государство, которое держится — балансируетъ на штыкахъ и не смѣетъ ни одного изъ нихъ убавить изъ опасности потерять равновѣсіе и сильно наколоться на остальные. Огромная армія обязываетъ государство, ее нельзя, — и непосильно дорого, и опасно, — держать подъ ружьемъ бездѣйственною. Коммунисты — даже если бы не хотѣли, — все равно, уже *вы*нуждены, — и будутъ вынуждены еще больше, если стихнетъ гражданская война, — занимать свою солдатчину воинственными авантюрами, какъ волшебникъ долженъ давать непрерывную работу бѣсу, котораго онъ вызвалъ себѣ въ услуженіе, иначе тотъ набросится на него самого и растерзаетъ его. А въ практикѣ уже начавшихся авантюръ, что такое представляетъ собою военно-дипломатическая карьера совѣтскаго государства, особенно въ азіатскомъ направленіи, какъ не сплошную борьбу за маскированныя аннексіи и, — въ отчаянной погонѣ за новыми источниками доходностей, —не попытки срыва здѣсь и тамъ какихъ-нибудь денежныхъ, хлѣбныхъ, угольныхъ нефтяныхъ и пр. контрибуцій? Отсюда оккупація Грузіи, протекторатъ надъ Персіей, интриги въ средней Азіи, посольство Раскольникова въ Афганистанѣ, Сурицъ въ Кабулѣ, серьезно обсуждавшійся въ 1919—20 гг. проектъ похода на Индію и пр. и пр. — многое, что, на первый взглядъ, кажется

безуміемъ людей, обрѣтающихся въ хроническомъ бредѣ величія, а на дѣлѣ оно — только необходимое исканіе точекъ наименьшаго сопротивленія государствомъ, которому не по средствамъ его военная сила. Эта борьба за маскированныя аннексіи и псевдонимныя контрибуціи принудила коммунистовъ-интернаціоналистовъ къ фарсамъ трагикомическихъ соглашеній и союзовъ съ ультра-націоналистическими движеніями (Турція, Персія) и даже, скрѣпя сердце, провести подъ красным флагомъ цѣлый націоналистическій конгрессъ восточныхъ народностей, пресловутый съѣздъ въ Баку, столь недвусмысленно высмѣянный даже присяжнымъ льстецомъ большевиковъ, Уэллсомъ.

И — кто сказалъ *а*, долженъ сказать и *б*. Вслѣдъ за признаніями ряда чужихъ націонализмовъ, большевикамъ пришлось и самимъ облечься въ личину воинтвующихъ «патріотовъ своего отечества». Провозглашается «націоналъ большевизмъ», какъ, будто бы, вѣрный и единственный путь къ возрожденію «единой, недѣлимой Россіи». Эта новая удочка, ловко заброшенная кремлевскими «Верховенскими» при усердномъ содѣйствіи десятка свѣже пріобрѣтенныхъ продажныхъ перьевъ изъ среды ослабѣвшей съ голода столичной интеллигенціи, успѣла поймать на приманку своего соблазнительнаго компромисса нѣсколькихъ русскихъ патріотовъ-идеалистовъ. Эти люди, надо думать, честные, можетъ быть, даже искренніе, до сего времени политиковали, какъ давніе эмигранты, вдали отъ совѣтской Россіи и привыкли разсуждать о ней положеніями, посылками и выводами кабинетнаго умозрѣнія. А этотъ путь въ политическомъ мышленіи самый превратный и

опасный: довелъ же онъ когда то даже такого свободолюбиваго писателя, какъ Бѣлинскій, до реакціонной статьи о «Бородинской годовщинѣ». А живой жизни Россіи подъ большевиками они не видѣли и государственной практики сихъ послѣднихъ они на своей шкурѣ не испытали. Но мы, русскіе люди, прожившіе подъ большевиками четыре года, наблюдая ихъ изо дня въ день, изъ часа въ часъ, изучившіе страданіемъ всю изворотливую гибкость ихъ жестокаго и глумливаго безумія, не повѣримъ имъ ни въ чемъ, равно какъ ничему отъ нихъ не удивимся. Даже тому, если завтра прочтемъ на ихъ знаменахъ не то, что «единую, недѣлимую Россію», но, бери круче, «Россію для русскихъ». Даже тому, если послѣзавтра они, и безъ того уже именующіе себя довершителями дѣла Петра Великаго, провозгласятъ себя наслѣдниками его пресловутаго завѣщанія и, въ самомъ дѣлѣ, затрубятъ въ трубы (по крайней мѣрѣ, въ газетныя) походъ на проливы. Чѣмъ, быть можетъ, окончательно покорятъ умъ и сердце П. Н. Милюкова, съ которымъ они давно уже заигрываютъ не только дипломатическимъ языкомъ товарища Чичерина, но даже и рявкающею пастью товарища Зиновьева, какъ извѣстно, милостиво пожаловавшаго Павлу Николевичу кокетливый титулъ «умнѣйшаго изъ нашихъ враговъ».

Солдатчина, полиція, тюрьма, бюрократія, — четыре зла буржуазнаго государства, — въ коммунѣ возрасли до апогея. Четвертое изъ золъ, бюрократія, при всей способности большевиковъ къ самовосхищенію и самовосхваленію, ихъ самихъ конфузитъ, смущаетъ, пугаетъ. Нигдѣ въ мірѣ столько людей не обязано слу-

жить государству, нигдѣ государство не обслужено хуже. Нигдѣ государство не заботится такъ настойчиво объ извлеченіи доходовъ изъ страны, нигдѣ государственные органы не оказываются въ такой мѣрѣ безсильными получить хотя бы сотую долю предположенныхъ доходовъ въ порядкѣ нормальнаго поступленія, безъ военной оккупаціи, т. е., по-просту сказать, безъ грабежа вооруженною рукою. Напримѣръ, подоходный налогъ въ Петроградѣ такъ и умеръ, не найдя простаковъ, которые бы его заплатили. Нынѣшняя исторія «продналога» — повсемѣстно — сплошной вооруженный грабежъ, однако, достигающій своей цѣли всего лишь въ 20—40 процентовъ намѣченной добычи. Нигдѣ государство не учреждаетъ столько контрольныхъ органовъ, и нигдѣ оно не обкрадывается своимъ чиновничествомъ такъ безпощадно-жестоко. И ни тюрьма, ни разстрѣлы не помогаютъ, равно какъ безпомощны они и противъ взяточничества, посрамившаго и затмившаго всѣ историческіе прецеденты. Герои Капнистовой «Ябеды», «Ревизора», «Дѣла» Сухово-Кобылина, «Губернскихъ очерковъ» Щедрина, невинныя дѣти сравнительно съ дѣльцами совѣтскихъ «комовъ», «отдѣловъ», канцелярій. Имъ и не мечтались тѣ аппетиты, что разыгрываются у совѣтскихъ служащихъ по продовольствію, по хозяйственнымъ частямъ, по строительнтву.

Въ послѣдній мой арестъ на Шпалерной моими созаключенниками оказались служащіе «Стройсвири», т. е. строительства на рѣкѣ Свири, громаднаго предпріятія, которое когда нибудь, въ нормальныхъ условіяхъ жизни, сыграетъ очень большую роль въ культурѣ сѣвернаго края и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ электри-

фицируетъ нѣкоторую часть его. Петроградское управленіе «Стройсвири» сѣло въ тюрьму все цѣликомъ, in corpore — помнится, 65 человѣкъ. Возили ихъ къ намъ цѣлую ночь — и въ іерархическомъ порядкѣ: начали съ мелкихъ служащихъ, потомъ — чѣмъ позднѣе, тѣмъ старше, на разсвѣтѣ привезли главнаго завѣдующаго, а, въ заключеніе, пожаловалъ въ заточеніе и «товарищъ комиссаръ». Громадное большинство было нахватано, какъ водится, зря, на всякій случай.

— Въ чемъ васъ обвиняютъ? — спросилъ я одного, когда онъ возвратился отъ слѣдователя съ допроса.

Недоумѣло разводитъ руками.

— Чортъ его знаетъ, что онъ городитъ . . . какую то ерунду . . . «Вы, говоритъ, лично ни въ чемъ, покуда, не заподозрѣны, но вы принадлежите къ персоналу опаснаго учрежденія» . . . — Помилуйте, — говорю, — что это вы? чѣмъ можетъ быть опасна наша «Стройсвирь»? Не на враговъ «соціалистическаго отечества» работаемъ, на васъ же, на Р. С. Ф. С. Р.!.. — «Вотъ, — возражаетъ онъ, — тѣмъ то она и опасна, что ужъ очень усердно работаетъ. По отчетамъ ревизіи похоже на то, что ваша «Стройсвирь» затѣмъ и учреждена, чтобы высосать изъ Совѣтской республики всѣ ея средства . . .

«Стройсвирцы» встрѣтили эту курьезную инкриминацію взрывомъ хохота, но одинъ, хотя смѣялся больше другихъ, одобрилъ:

— А что же? Правъ, каналья! Вѣдь и, въ самомъ дѣлѣ, похоже.

Декабрьскія газеты принесли извѣстіе, что въ Москвѣ арестованъ весь служебный составъ жилищныхъ

комиссій, т. е. уже не десятки, а сотни чиновниковъ... Къ слову отмѣтить: въ очень интересной и правдоподобной корреспонденціи «Руля» изъ «Красной Москвы» я нашелъ, будто численность совѣтской бюрократіи тамъ достигла 240.000! То есть — 20 процентовъ населенія! Ну, такой жуткой цифры, признаюсь, я не ожидалъ, даже имѣя предъ глазами чудовищное размноженіе бюрократіи въ «Красномъ Петроградѣ».

Совѣтскій чиновникъ, не берущій взятокъ, рѣдкость вродѣ бѣлаго дрозда. Да и какъ ему не брать? Вѣдь безъ взятки онъ обреченъ умереть отъ голода. Развѣ что государство особенно дорожитъ имъ — настолько, чтобы обезпечить его существованіе какими нибудь сверхъестественными пайками. Обыкновенно бываетъ такъ, что чиновникъ и сверхъестественные пайки получаетъ, и взятки деретъ съ живого и мертваго. Незадолго до моего отъѣзда изъ Петрограда, служащая интеллигентка, не такъ давно еще женщина самаго щепетильнаго безкорыстія, призналась мнѣ:

— Вы думаете, я не беру? Очень беру. Только что не вымогаю, — этого не умѣю, противно, а то — дадутъ, такъ беру.

— Да зачѣмъ вамъ? озадачился я, — женщина вы одинокая, достатокъ кое какой сохранили, паекъ получаете хорошій, — много ли вамъ надо? проживете и безъ того . . .

— Затѣмъ, — отвѣчаетъ, — что иначе меня выживутъ со службы, подведутъ подъ скандалъ. Нельзя не брать тамъ, гдѣ всѣ берутъ, — прослывешь опасною личностью . . .

Эта круговая порука общаго грѣха вертитъ государственное колесо во всѣхъ инстанціяхъ, не исключая высшихъ и отвѣтственныхъ постовъ. Зиновьеву не только на заводскихъ митингахъ, но и въ «Совдепѣ» бросались рабочими публичныя обвиненія во взяточничествѣ и растратахъ, на которыя онъ не умѣлъ отвѣтить иначе, какъ громкими фразами о своихъ революціонныхъ заслугахъ. Однажды, въ разговорѣ съ крупнымъ дѣятелемъ по Наркомпросу, безпартійнымъ, но чтимымъ большевиками за своего, я спросилъ:

— Чѣмъ вы объясняете эту страшную власть Дзержинскаго, Менжинскаго, Озолина, Ранчевскаго и, вообще, чрезвычайщиковъ надъ своими товарищами? Вѣдь, въ концѣ концовъ, ЧК не болѣе, какъ полицейская власть, низшая часть администраціи, а, между тѣмъ, его «тройки» и «пятерки» никому въ усъ не дуютъ и даже демонстративно иной разъ подчеркиваютъ, что Ленинъ, Троцкій, Зиновьевъ, всѣ тузы и авторитеты коммуны и даже самые «Совдепы» и «Исполкомы» имъ не указъ . . .

Онъ отвѣчалъ:

— Причинъ много, дѣло сложное, но первая, житейская причина, — очень простая. Нѣтъ ни одного крупнаго большевика, противъ котораго ЧК не имѣло бы компрометирующаго dossier. Когда Зиновьевъ сталъ на ножи съ Бадаевымъ (глава Петрокоммуны), этотъ громко вопилъ, что — пусть меня только тронутъ, у насъ найдутся бумажки для ЧК, достаточныя, чтобы Гришку, «къ стѣнкѣ» поставить . . . И, дѣйствительно, — Бадаева то временно убрали отъ скандала въ Москву, но и Зиновьевъ, хотя къ стѣнкѣ не сталъ, но съ

тѣхъ поръ замѣтно покачнулся, началъ какъ то сходить на второй планъ. Въ партіи было обращено вниманіе на его безобразно широкій образъ жизни и, одно время, прошелъ даже слухъ объ его исключеніи изъ партіи, по требованію большевиковъ стараго закала.

Бумажка съ подробною мотивировкою требованія была у меня въ рукахъ, доставшись мнѣ отъ рабочихъ Балтійскаго завода. Они обвиняли Зиновьева, между прочими злокачественными проступками, также и въ томъ, что «онъ бѣлится и румянится, какъ баба, дуетъ шампанское, какъ банкиръ, и взялъ на содержаніе танцовщицу, какъ великій князь» . . . Не берусь рѣшать, была ли это дѣйствительная резолюція или сфабрикованный памфлетъ.

Не сомнѣваюсь, что въ числѣ правящихъ большевиковъ имѣются свои суровые ригористы, идейные фанатики. Напр., объ Анцеловичѣ разсказываютъ, будто онъ родного отца не пожалѣлъ, отправилъ на принудительныя работы, когда старикъ попался на спекуляціи. Но такихъ очень немного. Притомъ число ихъ быстро таетъ въ соприкосновеніи съ благами буржуазной роскоши, запретной для всѣхъ, легко доступной для нихъ. Предѣльные верхи, до Дзержинскаго включительно, смотрятъ на буржуазныя паденія и увлеченія товарищей сквозь пальцы, покуда падшіе ужъ не слишкомъ зарываются. Либо — покуда бюрократическая политика не требуетъ эффектно и всенародно заклать на алтарѣ справедливости болѣе или менѣе крупную жертву для поддержанія престижа добродѣтели коммунистическаго правительства въ глазахъ рабочаго класса.

Въ Москвѣ разсказываютъ, будто, когда ЧК упразднила въ такомъ именно порядкѣ Бончъ-Бруевича, страшно разжившагося при «Наркомпросѣ» по книжному дѣлу, онъ, въ справедливомъ негодованіи, вопіялъ къ Дзержинскому:

— Если меня гонятъ, то какъ же Смильгу оставляютъ? Чѣмъ Смильга лучше меня?

— Ничѣмъ не лучше, — подтвердилъ Дзержинскій, — даже хуже.

— Такъ и его гоните, и его подъ судъ!

— Смильгу-то? Нѣтъ, зачѣмъ, пусть погуляетъ.

— А меня вонъ?

— А тебя вонъ.

— Да почему же? почему?

— Да просто потому, что Смильга еще нуженъ, а ты уже нѣтъ . . .

Этою способностью использовать человѣка до послѣдней капли пользы, которую онъ въ состояніи принести ихъ дѣлу, а затѣмъ выбросить его за окно, какъ выжатый лимонъ, бюрократическая тактика большевиковъ превосходитъ даже тактику покойнаго графа С. Ю. Витте. Зимою и весной 1921 г. по краешку такой ямы ходилъ даже столь, казалось бы, необходимый большевикамъ человѣкъ, какъ М. Горькій. Противъ него вело сильную кампанію Государственное Книгоиздательство съ нѣкимъ Заксомъ во главѣ, за конкуренцію извѣстнаго издательства Гржебина, въ которомъ Горькій главный редакторъ и компаньонъ и которому его вліяніе обезпечивало громадные совѣтскіе заказы, ссуды и авансы. Личная дружба съ Ленинымъ оградила Горькаго отъ приготовленныхъ ему тяжелыхъ ударовъ,

но положеніе его долго оставалось очень сомнительнымъ и только голодъ опять выдвинулъ его, какъ нужнаго человѣка, хотя и не надолго и очень неудачно...

А балетъ, за романическое пристрастіе къ которому рабочіе громятъ Зиновьева, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлался Капуей петроградскаго большевизма. Правда, что, съ другой стороны, столичная молва упорно настаиваетъ на томъ, что ни въ одной общественной группѣ нѣтъ столькихъ тайныхъ агентовъ на службѣ Чрезвычайки, какъ въ міркѣ балетныхъ фей. Нѣсколько темныхъ исторій и два загадочныя самоубійства какъ будто подтвердили эту печальную репутацію. Опредѣленно же могу сказать лишь одно, что балетъ — фаворитное искусство большевиковъ и въ правительственной системѣ ихъ, всецѣло построенной на демагогическомъ принципѣ «хлѣба и зрѣлищъ!» — занимаетъ не малое мсто и имѣетъ весьма отвѣтственное значеніе. Денегъ на него не жалѣютъ. Дирижеръ Маріинскаго татра, Э. А. Куперъ пригласилъ меня на первый спектакль «Петрушки» Стравинскаго, «Карнавала» Шумана и «Исламея» Балакирева. Я смотрѣлъ и только диву давался, что подобныя роскошныя постановки возможны въ городѣ, гдѣ изъ 600—700.000 остающихся жителей пятьсотъ тысячъ въ этотъ день, навѣрное, ничего не ѣли, кромѣ двухъ-трехъ мороженыхъ картофелинъ въ пустомъ совѣтскомъ супѣ.

СОДЕРЖАНІЕ